

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И

ВАРВАРСКИЙ МИР

(Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.)

Краснодар 2000

**ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ОСОБЕННОСТИ КОЧЕВНИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ
(тезисы)**

Анализ хронологических групп кочевнических комплексов раннего железного века на Нижнем Дону показывает их неоднородность не только по обрядовым признакам и составу инвентаря, но и по сосредоточению памятников в отдельных частях региона. Такие скопления, как правило, расположены в зонах, ограниченных естественными рубежами - реками, водоразделами, рельефом местности. Такие группы археологических комплексов целесообразно изучать как локальные, оставленные определенной группой населения (племя, род). Проведенный анализ материальной культуры и обрядности (Максименко 1983; 1998) позволил сделать следующие выводы:

Кочевнические памятники 6-5 вв. до н.э. дают большое разнообразие обрядов на всей территории Подонья. *На западе, в Дельте, и районах прилегающих к ней,* имеются свои особенности. Здесь наиболее распространены неширокие продолговатые ямы с закругленными углами и западная ориентировка погребенных. Жертвенная пища представлена частями туши овцы. Этот обряд становится стабильным для захоронений на островах Дельты вплоть до 3 в. до н.э. Наиболее характерен Елизаветинский могильник.

На правом берегу у самой Дельты наблюдается не только большой разброс в ориентировках, но и в позах погребенных. Чаше встречаются скорченные костяки.

В районах восточнее Северского Донца (междуречье Дона и Донца) и на левобережье Дона, к востоку от низовьев Маныча в памятниках 6-5 вв. до н.э. наблюдается иной ритуал. Захоронения часто совершались в больших квадратных ямах, иногда забитых камнем, со следами огненного ритуала, пигментами, положением погребенных на боку (Константиновск, Арбузов).

Для погребений 5-4 и 4-3 вв. до н.э. можно отметить следующее. *В районах близких к дельте Дона* обряд в целом более близок захоронениям на островах, однако, с 4 в. до н.э. за пределами самой Дельты появляются погребения в камерных могилах под индивидуальными насыпями с ровиками и тризнами. Особенно выразительны комплексы на Миусском полуострове. К этому же времени относится появление в низовьях Дона коллективных захоронений с южной ориентировкой в ямах с нишами-подбоями, с положением в них частей крупного рогатого скота и лошади (Северный, Сладковка). Если появление камерных захоронений можно объяснить "западным" скифским влиянием, то погребения, с нишами и определенным ритуалом, несомненно, результат влияния восточных регионов (савроматская АК).

Отв. редактор Б.А.Раев, канд. ист. наук

Погребения междуречья Дона и Северского Донца (Шолоховка, Кашеевка, Сладковка) составляют особую группу, явно тяготеющую к среднедонским памятникам. В погребениях конца 3–2 вв. до н.э. (особенно на донском левобережье) наблюдается резкая смена материальной культуры и ритуала захоронений, что свидетельствует о появлении новой группы населения – сарматов, – носителей прохоровской АК. Распространение этих комплексов прослеживается от излучины Дона (погр. 3–2 вв. до н.э.) до Дельты (погр. 2–1 вв. до н.э.). На правобережье они фиксируются только в 1 в. до н.э. (Ростов, пос. Донской). К 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. нижнедонской регион активно заселяется носителями новой культуры, однако в некоторых регионах (низовья р. Маныч) исследованные памятники свидетельствуют о сохранении части прежнего населения. При всем кажущемся единообразии комплексов среднесарматского периода, можно заметить локальные различия и специфические черты. **Памятники между дельтой Дона и устьем Северского Донца (Ростов, Новочеркасск, пос. Донской и др.)** характеризуются богатством захоронений и тризн, использованием деревянных конструкций, камыша. Существуют две формы могильных ям – квадратные (70%) и прямоугольные (30%). Как правило, в этих захоронениях наличие камней, пигментов, следов огненного ритуала не отмечается.

Группа погребений на р. Быстрая (мог. Сладковский, Полевой Стан, Гринев). Практически все погребения сделаны под индивидуальными насыпями. Квадратных ям 70%, подбойных – 30%, в 60% могил прослежены деревянные конструкции. В подбоях погребенные лежали в колодах или деревянных гробах. Тризны не отличаются богатством, предметы материальной культуры (лепные и гончарные кувшины, миски, оселки) имеют ряд отличительных особенностей.

Погребения в районе низовьев Донца и излучины Дона отличаются исключительной бедностью (Богоявленовская, Мелиховская, Карнаухова). Погребения все впускные, в узких ямах и подбоях. Напутственная пища (части туши овцы) встречена в 40% могил. Преобладает северная ориентировка погребенных.

Памятники междуречья Дона и Сала (могильники Харсеевский, Ясырев, у хут. Попова, Романовской и др.) также имеют свои отличия. В этой группе количество основных захоронений около 20 %. Преобладают подбойные могилы (40 %) и иные формы при полном отсутствии квадратных ям.

Памятники междуречья рек Маныч и Сал (Криволиманский, Сагван, Балабинский, Ажинов, Кудинов, Шахаевский и др.). Здесь наблюдается большое количество основных захоронений (более 40 %), более 30 % в квадратных ямах и более 25 % в прямоугольных. В богатых курганах остатки мощного огненного ритуала, мел, особые формы керамики и железные втульчатые наконечники стрел.

Группа в низовьях р. Маныч (Тузлуки, Усьман, Алитуб, Арпачин, Крепинский) Основных погребений около 60 %. Квадратных ям более 35 %, прямоугольных – более 40 %, количество подбойных могил незначительно. В погребениях много костей овцы (40 %). Следы огня незначительны. Богатые захоронения сопровождаются тризнами. При несомненном преобладании южной ориентировки погребенных (более 50 %), наблюдается и западная. Характерна лепная керамика, восходящая своими традициями к савроматскому периоду.

Здесь же отмечена особая форма курильниц, оселков серолощенной керамики. *Группа на левобережье Дона у дельты* (Койсуг, Высочино, Кулишовка и др.). Основных погребений достаточно много, но они сосредоточены на восточной террасе. В койсугском могильнике и у Кулишовки все среднесарматские погребения впускные. Более 25 % ям квадратные и прямоугольные, но есть узкие и подбой. Южная ориентировка погребенных преобладает (50 %). Для богатых захоронений характерны тризны и тайники. В погребениях встречаются мел, галька, кремь. Много костей овцы. Инвентарь в целом характерен для всего левобережья. Типологически отличаются только бронзовые зеркала. II – III вв. н.э. характеризуются появлением индивидуальных "дружинных" захоронений с определенным набором инвентаря (длинные мечи, оселки, кинжалы, крупные наконечники железных стрел, конская сбруя и т.д.) и северной ориентировкой погребенных. Такие комплексы встречаются на всей территории Нижнего Дона. В это же время продолжают существовать сарматские погребения с прежними традициями погребального ритуала.

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ АНТРОПОМОРФНОЙ БРОНЗОВОЙ ПЛАСТИКИ КОБАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

К изучению мелкой бронзовой антропоморфной пластики кобанской культуры обращались многие исследователи [Виноградов 1972; Техов 1977; Доманский 1984; Давудов 1991; Дударев 1991]. В коллекции антропоморфных изображений по сюжетам можно выделить следующие типы: конный всадник, фигурки мужчины и женщины в позе одорации, женская фигурка с руками на поясе, мужская фигурка с согнутыми в локтях руками, мужская фигурки с поднятой правой рукой и прижатой к груди или животу левой, а также отдельные единичные сюжеты.

Особого внимания заслуживают изображения обнаженной фигурки мужчины с согнутыми в локтях руками и сжатыми в кулак кистями (Рис.1, 2). На некоторых фигурках изображены пояс (Рис. 1, 5,6), короткие сапоги (Рис. 1, 6; 2, 2) и конусообразный (Рис. 1, 4,6), либо гребенчатый (Рис. 2, 1,2) головные уборы. Последний позволяет датировать фигурки этой группы 8-7 вв. до н.э. [2, с.75]. На более крупных изображениях из Дагестана и Чечни (Рис. 2, 1-4) переданы миндалевидные глаза, призматический нос, полуоткрытый рот. Более мелкие изображения со ст. Казбек (Рис. 1,2-6) трактованы схематичней. Моделировка фигур цилиндрическая, что характерно для кобанского искусства, некоторые фигуры слегка вытянуты.

Антропоморфные фигурки из Дагестана и Чечни, в отличие от остальных изображений, в руках не имеют каких-либо атрибутов. Но их жест свидетельствует о том, что, вероятнее всего, у них в руках могли находиться какие-то предметы. На характер этих предметов может пролить свет серия аналогичных изображений со ст. Казбек. Здесь мы видим булаву, ритон, кость с гипофизом. Географически удаленная, но стилистически более близкая группа аналогий - фигурки воинов с копьем в правой руке и булавой в левой (Рис. 2, 5-7) или без атрибутов, но в аналогичной позе, - происходит с древнего поселения в Антиохии (Сирия). Стилистическое сходство северокавказских и антиохийских фигурок, видимо, не случайно. Связи между этими территориями фиксируются с эпохи средней бронзы, и перешли в сферу идеологии [4, с.80]. По мнению О.М.Давудова, антропоморфные статуэтки Северного Кавказа находят множество параллелей 9–8 вв. до н.э. в Передней Азии [2, с.69]. Если предположить наличие в руках северокавказских антропоморфных изображений атрибутов аналогичных антиохийским, можно реконструировать их семантику и связь с культовыми местами, у которых найдены некоторые из них (Согратль, Арчо).

Бронзовые фигурки воина в западно-семитском культурном круге, куда входила и территория древней Анатолии, соотносились с образами различных мифологических божеств: Рашапом и Балю. Рашап – божество огня и молний, губитель, посылающий мор, иногда бог войны и покровитель оружия,- изображался в коротком одеянии, перетянутом ремнями, высокой конусообразной шапке с воинскими атрибутами: копьем, щитом, топором [9, с.46]. Балю – бог бури, грома, молнии, дождя, плодородия,- персонифицировался в виде воина, поражающего землю копьем. Его почитание было широко распространено с конца 2 тыс. до н.э. [9, с.86]. В эпоху архаики подобное изображение, связанное с образом покровителя пелопонесских и беотийских племен Агамемноном имело также и скипетр, как, например у найденной в Беотии фигурки (Рис. 2, 8). Позой, положением рук беотийская фигурка напоминает северокавказские и антиохийские. Обращает на себя внимание и схожая цилиндрическая моделировка фигурок, что может свидетельствовать о схожих формах развития прикладного искусства различных культур в период архаики.

Предметы, находившиеся в руках фигурок, могли быть утрачены, или, что более вероятно, были сделаны из органических материалов и не сохранились. Фигурки "утерявшие" атрибуты, могут быть семантически соотнесены либо с образом "хозяина зверей", на что указывают казбекские аналогии [5, с. 112], либо с образом громовника, божества плодородия, о чем свидетельствуют антиохийские параллели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаватский В.Д. *Греческая скульптура*. М.1939.
2. Давудов О.М. *Некоторые культовые места горного Дагестана. - Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала. 1989.
3. Доманский Я.В. *Древняя художественная бронза Кавказа* Л, 1984.
4. Кушнарёва К.Х., Рысин М.Б. *К проблеме влияния южных цивилизаций на генезис кавказских культур эпохи бронзы. - 20 юбилейные международные крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Ставрополь, 1998.
5. Мошинский А.П. *Образ хозяина зверей в кобанской пластике. - Между Азией и Европой. Кавказ в IV-III тыс. до н.э.* СПб., 1996.
6. *Сборник сведений о кавказских горцах*, вып.1.М.,1992 (репринтное издание).
7. *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М, 1983.
8. Уварова П. С. *Могильники Северного Кавказа. - МАК 1900. вьт VIII*
9. *Мифологический словарь*. М, 1991.
10. Braidwood R.J., Braidwood LS. *Excavations in the plain of Antioch*. Chicago, Illinois. 1966.

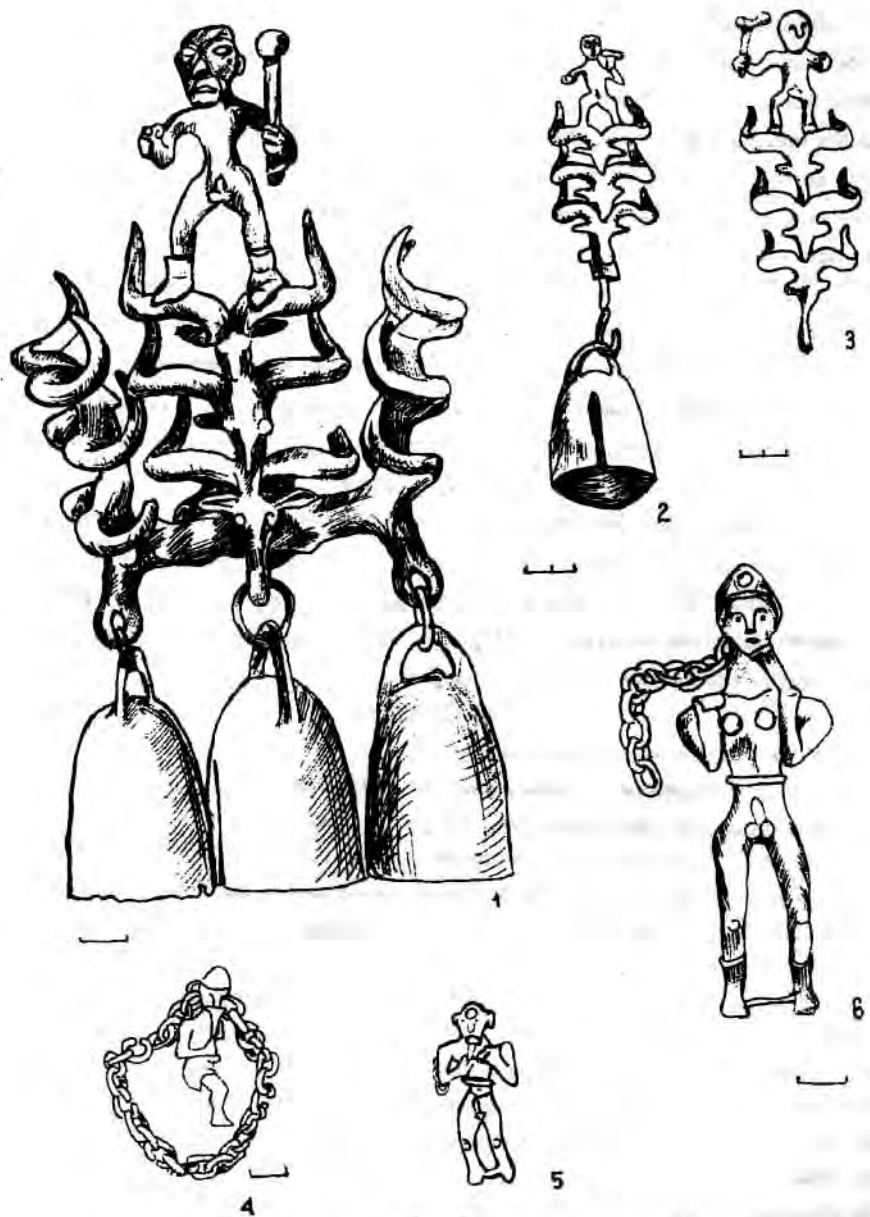

Рис. 1. 1- Клад со ст.Казбек [8, Т. LXXI,1]; 2- Клад со ст.Казбек [Тифлиский муз. Фотоархив ИИМК. Д 506, Т. 7, 1]; 3-6- ст.Казбек [3- Колл.К.И.Ольшеского, фотоархив ИИМК. Д. 96.67; 4,6 Архив ИИМК. Д. 24183, 60899; 5- 8, Рис. 128].

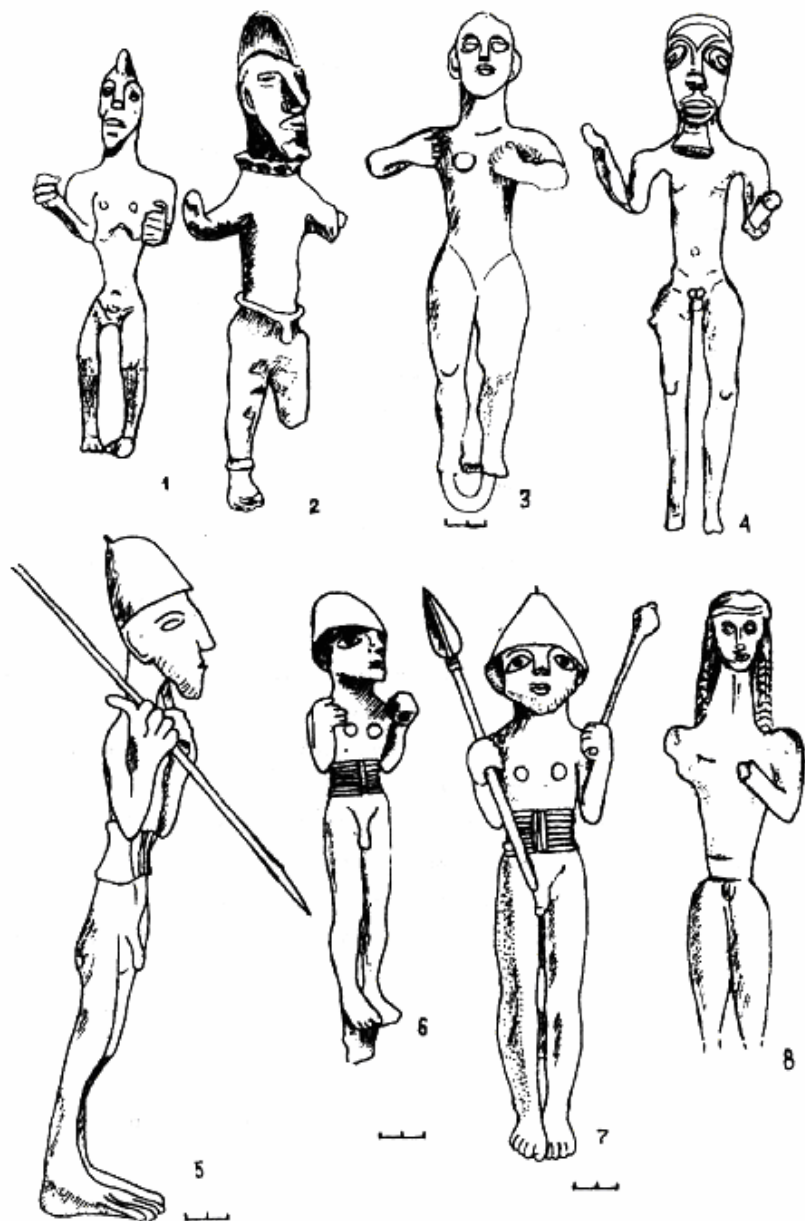

Рис. 2. 1,4- с. Арчо (Дагестан) [3, рис. 188; 187]; 2- Аргунский окр. [6, с. 3 обложки]; 3- Соргазль (Дагестан) [7, Т. 115]; 5-6- Антиохия (Сирия) [5- 10, Fig 242, Pl. G]; 6- [там же, Fig. A. Pl. 57]; 7- [там же, Fig. 240, Pl. G]; 8- [1, рис. 6].

РЕКОНСТРУКЦИЯ БРОНЗОВОГО КОТЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЦИПЛИЕВСКИЙ КУТ 1 (ЗАПАДНОЕ ЗАКУБАНЬЕ)

Публикуемый сосуд был найден в насыпи кургана 7 могильника Циплиевский Кут 1 в Абинском районе Краснодарского края и включен в сводку материалов предскифского и скифского времени из Западного Закубанья [3, с.35, Табл. XIV,2]. В этой работе был приведен и рисунок предполагаемой формы сосуда, хотя у авторов и не было уверенности в точности реконструкции: сосуд сохранился в нескольких деформированных фрагментах, часть которых отсутствовала, что позволяло сделать лишь приблизительные измерения.

В 1999 году авторы настоящей заметки предприняли попытку сделать реконструкцию сосуда, основываясь на его реставрации. Сохранившиеся фрагменты сосуда были расправлены и собраны на жесткой основе по местам сломов. Хотя сохранилась только половина сосуда с одной ручкой, реставрация позволила сделать более точные измерения и реконструировать сосуд в целом (Рис. 1, 1). Он близок котлам, изготовленным из одного куска металла: швов и заклепок на сохранившейся части сосуда нет. Горло широкое, с расширяющимся к устью бортиком. Край венчика отогнут наружу и загнут вниз, покатые плечики отделены от тулова резкой гранью.

Литая ручка с атташем в форме полумесяца крепилась к плечикам сосуда двумя заклепками. Тулово котла к дну сужается, и переходит в выделенный поддон. Дно плоское, внешняя поверхность сосуда со следами сажи. Высота сосуда 32.8, Д тулова в наиболее широкой части 33.6, Д. дна 10, Д. венчика 27.5, высота бортика - 6 см.

Нашему сосуду типологически наиболее близки котлы из кургана "Репяховата могила" у г. Черкасы и из кургана 1 могильника Круглик на Буковине.

Первый был атрибутирован как античный кратер [4, с.54, Рис. 27,5, 5, с.250] Позднее была сделана новая реконструкция этого сосуда, и он был атрибутирован как "котел кавказского происхождения" [6, с. 82 сл, Рис. 1]. Автор опирался на анализ сплава, из которого изготовлен сосуд, и на исследования Т.Б.Барцевой, установившей разницу греческого и кавказского металлов [1, с. 12; 2, с.73 сл.].

Второй был найден в кургане Круглик на Буковине в погребении 6 в. до н.э. [7, с. 17,18, рис. 2, 7], позднее передатированном автором, и отнесенным ко второй половине 7 в. до н.э. [8, с.110 сл.].

Оба сосуда имеют отдельные разнящие их детали: так, например, ручки буковинского котла крепились на плечиках, а у котла из Репяховатой могилы - на бортике [6, рис. 1; 8, с. 4,9]. Различаются и формы атташей ручек. Общим, кроме формы, является и состав металла [6, с.80 сл.; 8, с. 110].

Циплиевский котел, вместе с упомянутыми аналогичными сосудами, составляет, видимо, особую группу котлов раннескифского времени. находка подробного сосуда на Кубани косвенно подтверждает кавказское их происхождение, но подтвердить это может лишь анализ металла нашего котла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
2. Барцева Т.Б. Химический состав изделий античного импорта, найденных в среднем Поднепровье.- СА. 1983. №4.
3. Васияниненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья. В сб.: *Studia Pontocgycasica 1 (Древности Кубани и Черноморья)*. Краснодар, 1993.
4. Ильинская В.А., Мозолевский Б. Н, Тереножкин АИ. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов.- В сб.: *Скифия и Кавказ*. Киев, 1980.
5. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983.
6. Ольговський С.Я. Бронзовий казан з Реп 'яховатої могили з Черкащини.- *Археологія, вып. 58*. Київ, 1987.
7. Смирнова Г.И. Раскопки Курганову сел Круглик и Долянины на Буковине.- *АСГЭ, вып. 10*. Л., 1968.
8. Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднепровья в хронологической схеме раннескифской культуры.- *РА, 1993, №2*.

О СЕКИРАХ РЕДКИХ ФОРМ "ПРЕДСКИФСКОГО" ВРЕМЕНИ ИЗ
ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В Предкавказье известны предметы вооружения редких форм, которые представляют собой скипетры (жезлы), имевшие репрезентативное значение (п. 50 мог. Хут. Кубанского, п.35 мог. Фарс, случайная находка из Казазовского мог., п. 14 мог. №1 на КМФ, п.3 Сул-тангорского мог. №1) (Рис. 1) [Крупное 1960; Виноградов, Дударев, Рунич 1980; Эрлих 1994; Пьянков, Тарабанов 1997]. Их происхождение имеет большое значение для изучения характера контактов населения Северного Кавказа, Юго-Восточной и Центральной Европы в предскифскую эпоху.

При всей внешней несхожести большинства из них, все эти предметы, так или иначе, объединяются общими элементами. У находок из хут.Кубанского, Казазова и Султан-горы имеются петли для подвешивания к поясу. Этот способ ношения подобного оружия фиксируется на "киммерийских" стелах из Предкавказья (хут. Зубовский, ст. Усть-Лабинская). Но особенно важным является изображение на стеле из сел. Кызбурун-1, где топорик, аналогичный нашему 1 типу топориков-молотков, особенно из пп. 1 и 7 Султангорского мог. №1, подвешен к поясу за некий выступ, который нельзя трактовать только как ремень, т.к. он охватывает всю обушную часть (Рис. 2). Возможно, что это крепление аналогично имеющимся на указанных выше находках из Предкавказья характерно для литых скипетров-жезлов.

Объединяет три рассматриваемых изделия и наличие трубчатой втулки или рельефного выступа вокруг проушины. На экземплярах из хут. Кубанского и Казазова в области проушины по бокам имеются солярные знаки либо в виде наиболее популярной для "киммерийского" орнамента композиции с вписанным в круг ромбом с вогнутыми сторонами (иногда именуемым "четырёхугольной звездочкой"), либо в виде спирального завитка. Солярный знак в виде ромба в круге есть и на скипетре из КМФ-14. Попутно отметим, что находка из Казазова представляет собой, по существу, бронзовый молоток, аналогичный нашему 2 типу молотков, однако, благодаря рассмотренным деталям оформления образца, он, как заметили А.В.Пьянков и В.А.Тарабанов, вписывается в ряд зооморфных, птицеголовых секировидных скипетров и резко выделяется из группы обычных боевых молотков.

Указанные детали оформления скипетров и их морфология чужды традиционной кавказской среде, но ярко представлены на предметах круга "киммерийских" древностей из Центральной и Восточной Европы. Таковы скипетры из Прюдь, Сарвица, Батины и др. бронзовая секира из Билярска, изображения на новомордовских стелах (Волго-Камье) [Chochorowski 1993; Халиков 1977], что заставляет хотя бы отчасти искать истоки возникновения этих форм западнее и севернее Предкавказья.

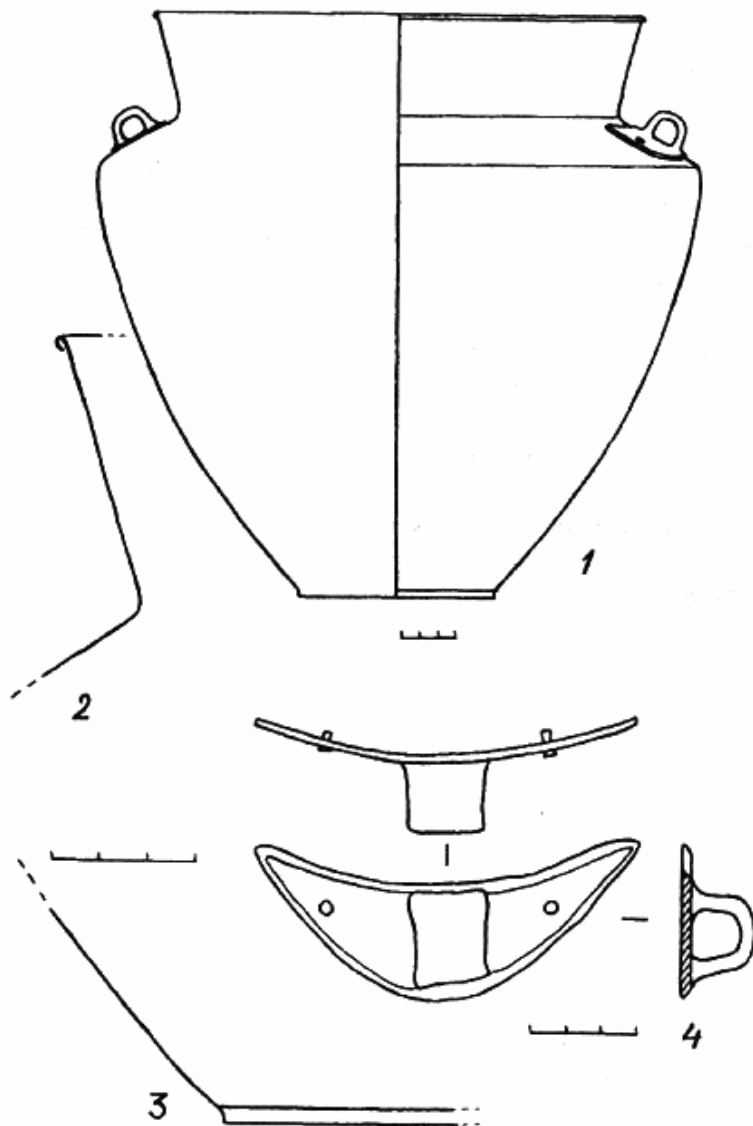

Рис. 1. Котел из могильника Цоплов Кут I. 1-пкструктура; 2-4- детали котла

Наиболее показательное происхождение зооморфных скипетров типа КМФ-14. Уникальная секира-скипетр связывается исследователями с конноголовыми скипетрами Подунавья, причем кавказское происхождение последних признается неоспоримым, поскольку именно у кобанских племен бытовала традиция украшать предметы зооморфными изображениями [Ильинская 1965; Козенкова 1975]. Однако у самих "кобанцев" скипетры с конскими головками неизвестны, а называть скипетр "конноголовым" [Флеров, Дубовская 1993] неверно: В.Б.Виноградов [1972] справедливо подчеркнул черты хищника у изображенного животного.

Недавно были приведены интересные доводы в пользу происхождения конноголовых скипетров от среднеевропейских конца бронзового века с головой птицы, и предложено именовать скипетры предскифского времени "птицеголовыми" [Эрлих 1990]. Это верно лишь отчасти, поскольку действительно птицеголовыми являются находки из Пршедмержиц, Кис-Косцега и мог. Фарс. Последний синхронизирован В.Р.Эрлихом с конноголовым образцом из клада Прюдь (Альфельд, Венгрия) [Ketnenczei 1981]. Птицеголовые скипетры были известны в Средней Европе и позднее (пршедмержицкий комплекс конца 8 в. до н.э.) [Pare 1991], практически в то же самое время, что и скипетр из погр. КМФ-14. Скипетр из КМФ-14 нужно считать одним из самых поздних уже потому, что он сохраняет лишь саму схему исходных прототипов, лишаясь грибовидного обушка и выделенной втулки. По существу, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: конноголовые скипетры возникают в Подунавье под влиянием культур Кавказа, а схема их, проникнув, в свою очередь, на Северный Кавказ, не "стыкуется" здесь с мотивами конской головки. Риску предположить, что инициатива отбора именно этого мотива, попавшего с Северного Кавказа в Подунавье, могла принадлежать степнякам. В их среде еще в 3 тыс. до н.э. появлялись скипетры с головками коней, отражавшие поистине незаурядное место этого животного в идеологии индоиранцев [Кузьмина 1977]. Правда, дальнейший процесс развития изобразительности в степях Юго-Восточной Европы не был прямолинейным и восходящим. В "предскифское" время у кочевников Северного Причерноморья зооморфные мотивы в искусстве были достаточно редки [Тереножкин 1976]. Такая ситуация не является чем-то необычным. У группы иранцев, пришедших на Иранское плато, первоначально не было собственной изобразительности, а их божества не имели зрительного образа, хотя в старейших частях Авесты ("Ясна семи глав") упоминается почитание некоторых мифических существ - зверей и птиц [Луконин 1977]. Тем не менее, при отсутствии, казалось бы, прямых свидетельств знакомства кочевников киммерийской эпохи с образцами, аналогичными конноголовым и птицеголовым скипетрам, в скифской культуре имеются бронзовые скипетры и их навершия, которые, как полагают, восходят к

рассматриваемым культово-парадным атрибутам "предскифского" периода [Ильинская 1965].

У кавказцев же в раннекобанское время (8-7 вв. до н.э.) или несколько ранее культово-парадные, ритуальные предметы, принадлежащие родовым старейшинам, главам патронимических групп или вождям, украшались скульптурным изображением плотоядных животных. Среди наиболее ярких в этой серии - навершие скипетра с тремя головами собако-волка (Тли-254), топоры с головками и фигурками хищников на обухе (Тли-41 и 51), аналогичный им топор из "Фаскау" и др. [Крупное 1960; Техов 1980, 1988]. Популярный в искусстве ранней Кобани хищник с фантастическими чертами ("гвер") генетически связан с т.н. барсо-волком на изделиях прикладного искусства Центрального Кавказа скифской эпохи [Виноградов 1972]. Не исключено, что в образах хищников с синкретическими чертами отразились специфические воззрения кавказцев на характер сакральной власти главы коллектива и его функции. "Птицеголовость" же так и не привилась на Северном Кавказе, и была вытеснена в экземпляре из КМФ-14 образом хищного зверя. Наоборот, на самом позднем из известных среднеевропейских скипетров из Пршедмержиц, "конноголовость" заменена более древней "птицеголовостью".

Можно предположить, что прослеживаемое взаимопроникновение отдельных мировоззренческих идей населения Северного Кавказа и Средней Европы, шедшее при деятельном участии кочевников Юго-Восточной Европы, к концу предскифского периода завершилось победой традиционных идеологических представлений и художественных вкусов, хотя лишь дальнейшие исследования могут подтвердить или опровергнуть эту догадку.

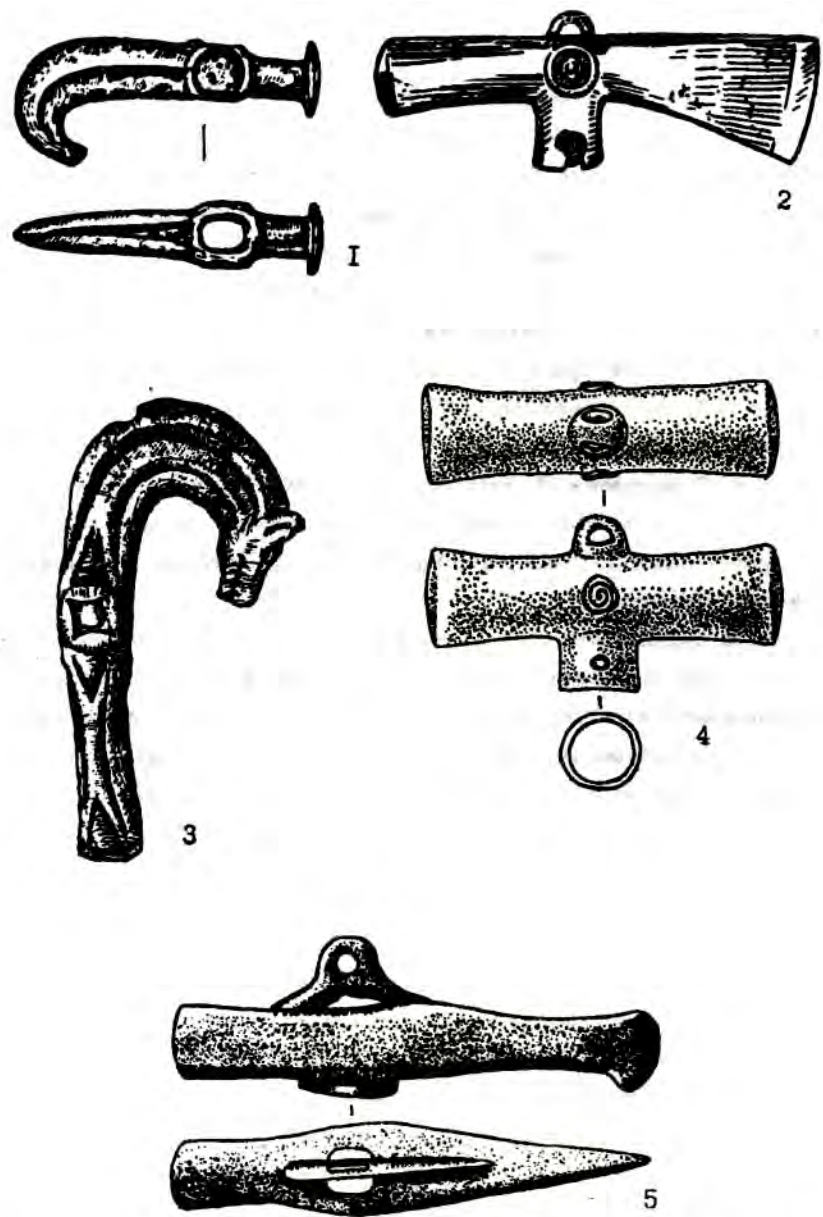

Рис. 1. 1— п. Фарс-35; 2—мог. х.Кубанского, п. 50, 3— п. 14 мог. №1 на КМФ; 4— мог. Казазово-4; 5— Султангорский мог. № 1

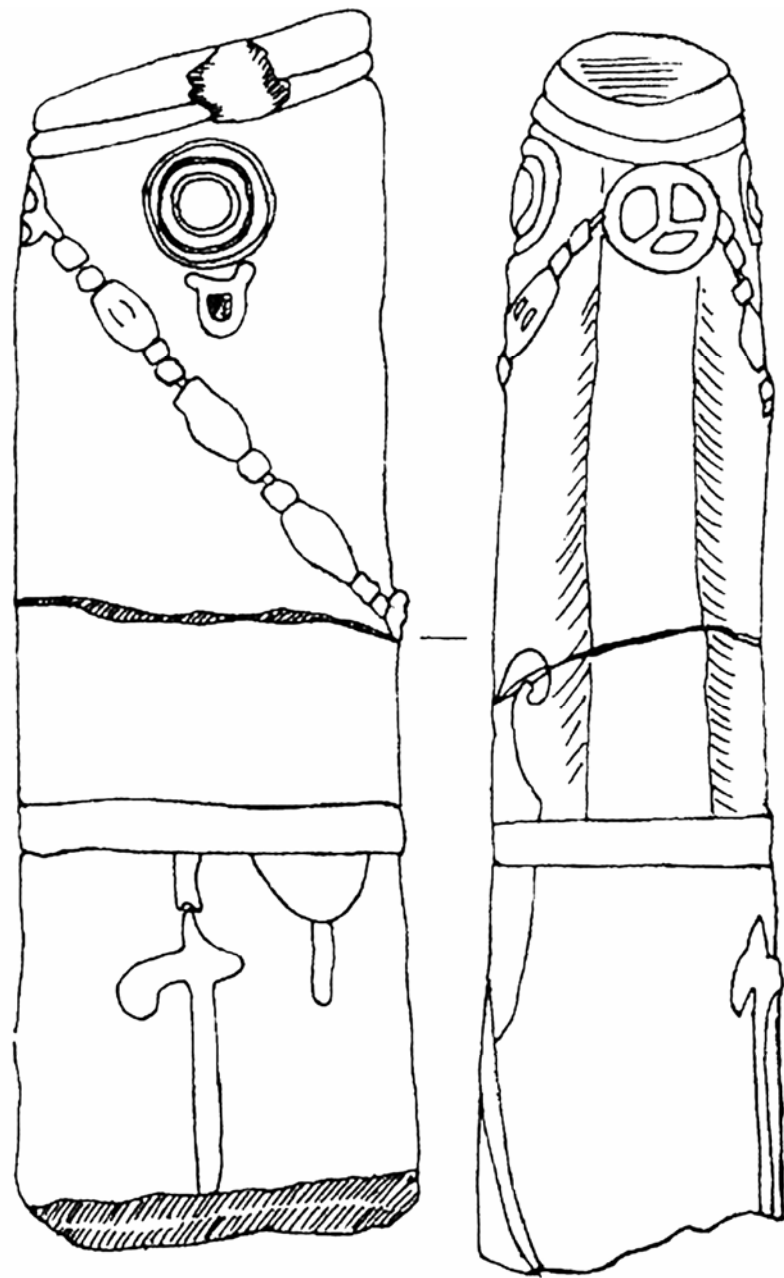

Рис. 2. Стела из с. Кызбурун-1

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКИХ СКИФСКИХ КОМПЛЕКСОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ И ПРИКУБАНЬЯ

В последнее время вопросы раннескифской хронологии стали предметом оживленной дискуссии, что вызвано накоплением новых материалов и попыткой осмысления хорошо известных. Поводом для дискуссии послужила статья И.Н.Медведской, которая, реконструировав исторические события в переднеазиатском регионе на основании клинописных источников и проанализировав археологические находки в его восточной части, предложила хронологическую схему РСК. Представляется, что ее разработки исключительно важны для скифологии, хотя не, все ее выводы приняты исследователями. Таблица распределения инвентаря закрытых комплексов И.Н.Медведской может быть дополнена за счет "палочек-застежек" и "грибовидных столбиков". Эта скромная, но весьма важная категория погребального инвентаря широко распространена в архаических скифских комплексах. В литературе эти изделия получили названия "палочек-застежек", "костяных столбиков", "грибовидных застежек-столбиков", "колчаных застежек" и др. Обычно их интерпретируют как "набор предметов, связанных с колчаном" [Черненко 1981, 33; Дубовская 1990, 185; Лукьяшко 1994, 66; Полидович 1994, 189]. Для них имеется пока единственная надежная дата - погр. Темир-Гора в Крыму, относящееся ко 2-й пол. 7 в. до н.э. В отечественной скифологии интерес к этим находкам, как к хронологическому индикатору РСК, достаточно устойчив. Неоднократно предпринимались попытки определить временные рамки бытования палочек-застежек различных форм (типов) с тем, чтобы они были надежной опорой при выделении хронологических групп. Е.В.Черненко [1981, 38 сл.] разделил их на два типа, Ю.Б. Полидович [1994, 188] - на три, связав форму застежек с формой наконечников стрел, и выделив три хронологические группы. В наиболее древнюю вошли комплексы с наконечниками стрел ромбовидной формы, вторую определяют наконечники с узким и длинным пером и круглые в сечении костяные наконечники стрел, третью - трехлопастные наконечники из ольвийских колчанов, получившие распространение в 5 в. до н.э.

Представляется перспективным определение в границах РСК если не абсолютной, то хотя бы относительной даты архаических комплексов с изделиями из кости и рога и колчанными наборами с последующим распространением датировок на комплексы, в которых стрелы отсутствуют, и даты которых основаны только на изделиях из кости. Наборы костяных изделий в архаических комплексах включают в себя не только застежки и "костяные столбики", но и различные проколки, ложки, гребни, иглы и т.д. Используя наконечники стрел в качестве диагностирующего признака, можно попытаться датировать некоторые комплексы

Подонья и Прикубанья и определить их место в хронологической шкале Коссака-Медведской.

Архаические скифские погребения с костяными изделиями не часто содержат колчаные наборы и одиночные экземпляры стрел. Так, из 24 учтенных мною погребений Подонья и Прикубанья с изделиями из кости, только 9 содержат стрелы. Это комплексы Койсуг 5/3, Высочино 30/8, Новоалександровка 7/8 и 24/5, Красногоровка 4/3, Высочино-VII, 8/2, Холмский 4/1. Погребение Красногоровка-III, 13/5 не учитывается в сводках раннескифских погребений, хотя в состав инвентаря могилы подбойной конструкции при женском костяке, ориентированном головой на 3, входят стрелы и обломок костяного изделия с ярко выраженным овальным в сечении листовидным концом. Из 13 наконечников 7 двухлопастные, с длинной втулкой, овальной и лавролистной головкой, длина 3.6-4 см, один двухлопастной с одной заостренной опущенной лопастью, образующей шип. (Рис. 1г, 1-6). Пять наконечников трехлопастные: 3 с лавролистной головкой, длинной втулкой и шипом на ней (Рис. 1г, 7), 1 с остролистной головкой и укороченной втулкой (Рис. 1г, 8), 1 — трехгранный, сильно сточенный, с листовидной в плане головкой (Рис. 1г, 9). Все наконечники относятся к 1 хронологической группе по А.И. Мелюковой. Преобладание двухлопастных наконечников с плавной линией лопастей над трехлопастными с листовидными головками является показателем принадлежности этого колчанного набора ко 2-му этапу РСК по И.Н.Медведской.

В состав инвентаря неопубликованного погр. Займо-Обрыв-I, 6/4 также входят костяные изделия и наконечники стрел.* К моменту раскопок курган не имел насыпи и содержал 5 одновременных погребений. Яма погр. 6 размером 2.5 x 0.65 м длинной осью ориентирована по линии 3-В. Стенки вертикальные, дно на глубине 1.82 м. Костяк взрослого человека лежал в центре ямы в вытянутом положении на спине, головой на 3. По костяку и вокруг него прослежена белая (мел?) подсыпка. У западной стенки, рядом с черепом, стоял лепной плоскодонный сосуд с округлым асимметричным в придонной части туловом, резко отогнутым наружу венчиком, с выраженным рантиком у дна. Плечики плавно переходят в тулово. Поверхность слегка подлощена, шероховатая, тесто грубое, плохо отмученное, обжиг неравномерный, черепок в изломе черный, с примесью толченой ракушки. Высота - 20 см, $D_{вен.}$ 10.5-11 см. $D_{тул.}$ 19 см, $D_{дна}$ 9.5 см (Рис. 2г, 7). У левой бедренной кости найдена подточенная песчаниковая галька-оселок, рядом - железный колчаный крюк. У коленного сустава правой левой ноги находилось скопление бронзовых, костяных и железных наконечников стрел. Рядом найдены остатки древков и 3 мелких костяных изделия в форме стерженька с проточенной бороздкой на одном, и полированной полусферической головкой на другом конце. Высота 0.6 см, $D.$ 0.6-0.7 см (Рис. 2г, 1-3). Датировка автора раскопок 6-5 вв. до н.э. [Белинский 1989] представляется неоправданной, поскольку наконечники стрел представле-

ны архаическими типами. Семь наконечников бронзовые, двухлопастные, втульчатые с лав-ролистной в плане головкой, длинновтульчатые с шипом на втулках; 1 двухлопастной с более короткой втулкой, без шипа; 1 двухлопастной подтреугольной формы без шипа (Рис. 2г, 8-16). Из 13 трехлопастных наконечников 8 втульчатых с остролистной в плане головкой, с шипом на втулке, один сильно сточен и напоминает трехгранный; 5 трехлопастных втульчатых с массивной треугольно-сводчатой в плане головкой (Рис. 2г, 17-29). Два - железные, трехлопастные, втульчатые с остролистной в плане головкой, 1 костяной втульчатый пулевидный (Рис. 2г, 5-6). Все наконечники относятся к 1-й хронологической группе по А.И.Мелюковой; двухлопастные сочетаются с трехлопастными с количественным преобладанием трехлопастных, встречаются и трехлопастные с массивной сводчатой головкой. По мнению И.Н. Медведской, это характерно для комплексов, относящихся к концу 2-го этапа РСК

Детальное исследование наконечников стрел из хорошо известных комплексов показало, что все колчаные наборы в них характерны для 2-го этапа РСК или для переходной группы между 2-м и 3-м этапами. Колчаный набор из Новоалександровки 7/8 (Рис. 1в, 1-15) обнаруживает сходство с наборами келермесского типа. В комплексе Красногоровка 4/3 (Рис. 2а, 8-9) двухлопастной и трехлопастной наконечники имеют аналогии среди стрел, обнаруженных в кладовых Кармир-Блура (пом. 23), что подтверждает употребление таких стрел во время активного функционирования крепости в 7 в. до н.э. [Галанина 1995, 49]. Колчан из Высочино-VII, 8/2 (Рис. 2б, 9-10) можно отнести к концу 2-го этапа РСК, поскольку в нем трехгранные наконечники сочетаются с двухлопастными и имеют аналогии среди наконечников стрел из к. 1 у с. Красное Знамя и к. 1 у с. Ленковцы [Смирнова 1993, 106]. Колчан из Новоалександровки 24/5 можно отнести к концу 2-го этапа РСК, поскольку в нем преобладают двухлопастные наконечники, или к переходной группе между 2-м и 3-м этапами по аналогии с к. 24 Келермеса, отнесенным И.Н.Медведской к этой группе.

Комплекс из Холмского 1/4 также можно включить во 2-й этап РСК, поскольку в колчанном наборе двухлопастные наконечники (53 экз.) преобладают над трехлопастными (38 экз.). Сочетание двухлопастных, трехлопастных и массивных треугольно-сводчатых характерно для конца 2-го этапа РСК.

Таким образом, практически все комплексы с изделиями из кости и колчанными наборами можно отнести ко 2-му этапу РСК, концу 2-го этапа и переходному периоду между 2-м и 3-м этапами. Об абсолютных датах можно говорить очень осторожно, но, по-видимому, самые поздние в данной подборке комплексы не выходят за 7 в. до н.э. Изделия из кости в архаических скифских комплексах нельзя уверенно соотносить только с колчанами и гори-

тами, поскольку из 24 учтенных нижнедонских и кубанских погребений только 9 содержали колчаные наборы.

* Выражаю глубокую благодарность И.В.Белинскому за разрешение использовать неопубликованные материалы

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский 1989: Белинский И.В. Отчет о работах 1-го Приморского отряда АКМ в 1988 г.- Архив АКЛ, КВФ 11898/1.
- Галанина 1995: Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов. - АСГЭ. вып. 32.
- Дубовская 1990: Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунскоп- СА, №2.
- Лукьяшко 1994: Лукьяшко С.И., Ильюков Л.С. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону.-В сб.: Донские древности, вып. 2. Азов.
- Полидович 1994: Полидович Ю.Б. К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья- В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. Тирасполь.
- Смирнова 1993: Смирнова Г.И. Памятники среднего Поднепровья в хронологической схеме ранне-скифской культуры.-РА. №3.
- Черненко 1981: Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев.

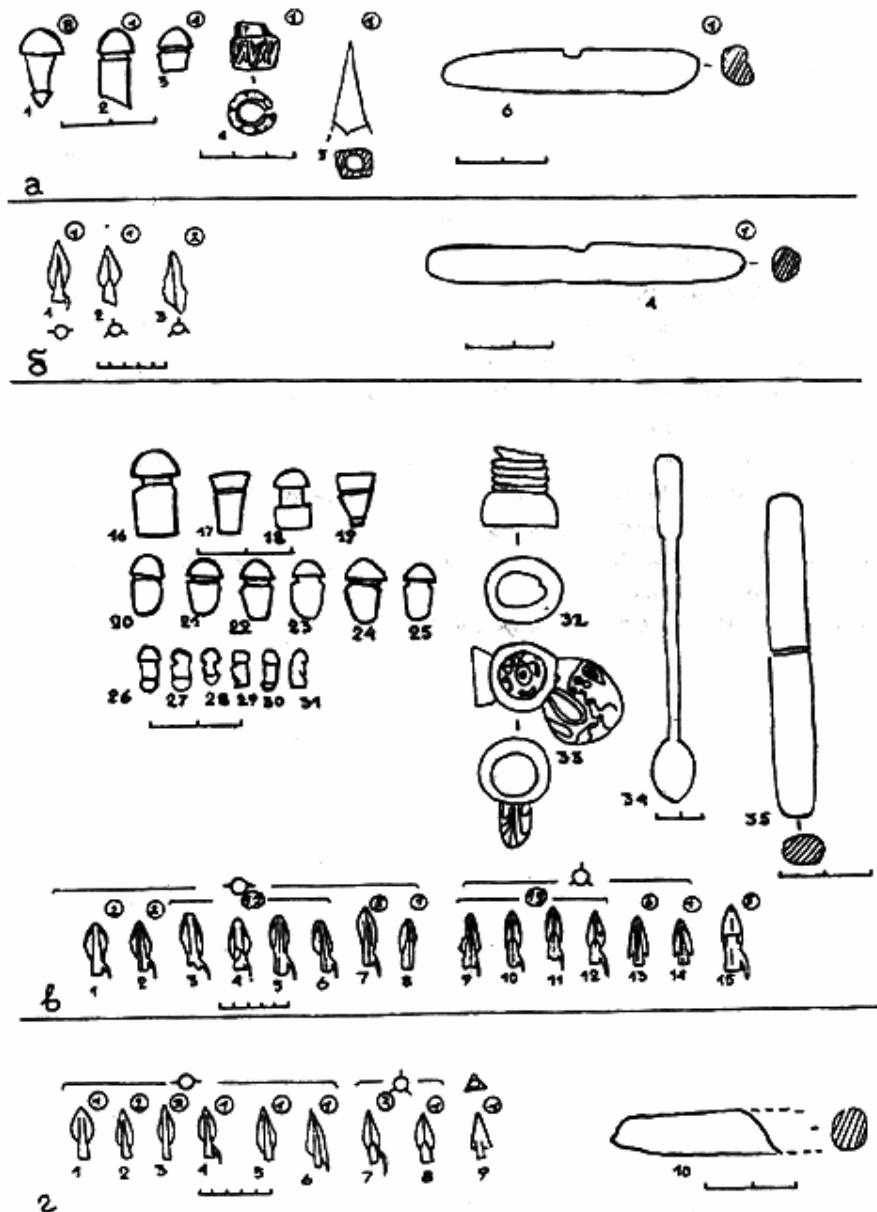

Рис. 1. а- Койсуг 5/3 (1-6- кость); б- Высочино V, 30/8 (1,2- бронза, 3- железо, 4- кость); в- Новоалександровка 7/8 (1-15- бронза, 16-35- кость); г- Красногоровка III, 13/3 (1-9- бронза, 10- кость)

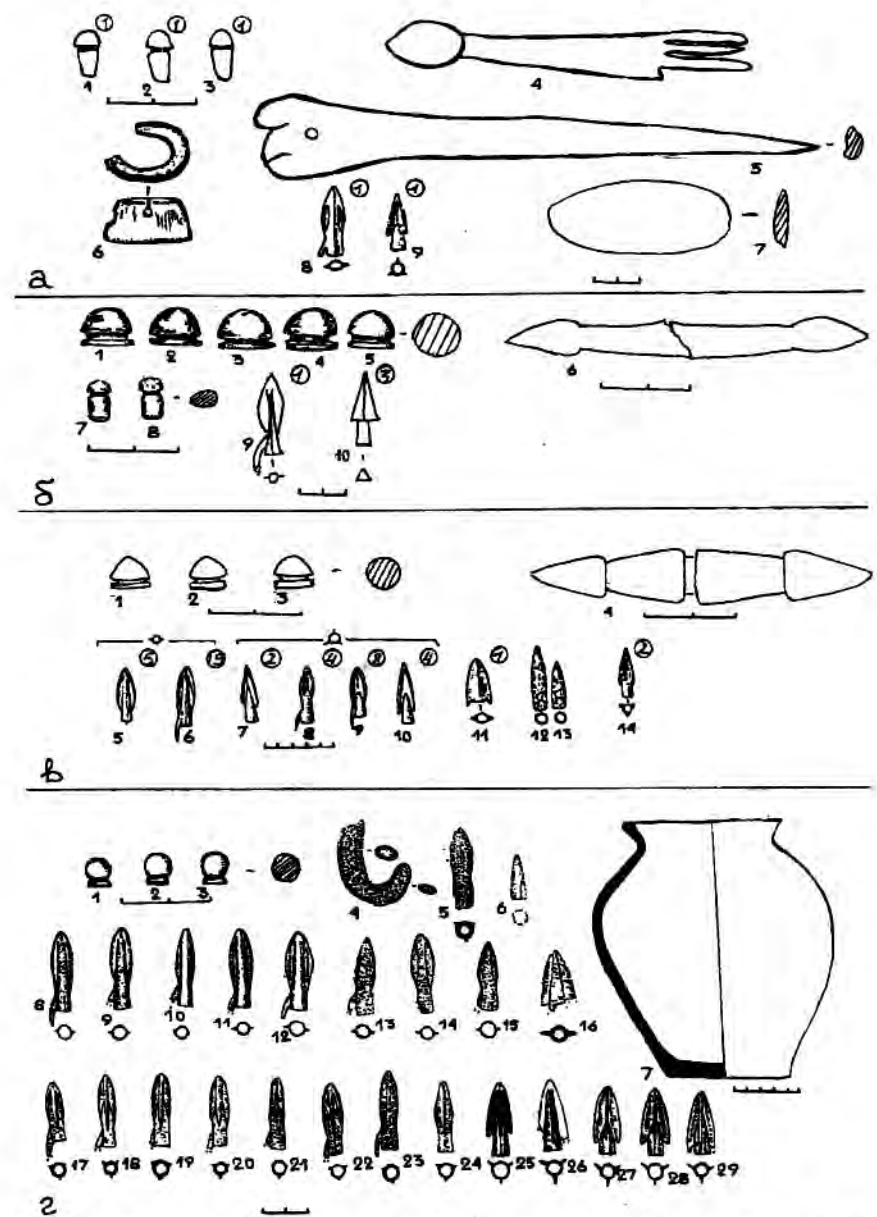

Рис. 2. а- Красногоровка 4/3 (1-7- кость, 8-9- бронза); б- Высочино VII, 8/2 (1-8- кость, 9-10- бронза); в- Новоалександровка 24/5 (1-4, 12,13- кость, 5-11, 14- бронза); г- Займо-Обрыв I, 6/4 (1-3,6- кость, 4,5- железо, 8-29- бронза).

**КОСТЮМ СКИФИИ В АРХАИЧЕСКОЕ (7–6 ВВ. ДО Н.Э.) И
"КЛАССИЧЕСКОЕ" (5–4 ВВ. ДО Н.Э.) ВРЕМЯ:
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ**

Сегодня в литературе существуют две основных концепции, объясняющие перемены в культуре Скифии на рубеже 6-5 вв. до н.э.* До недавнего времени господствовало мнение об *эволюционном* характере этих перемен при *этническом единстве* кочевников Степной Скифии в течение 7-4 вв. до н.э. [ср: Петрухин, Раевский 1998, 78 сл., 99]. Была предложена и другая трактовка. Изменения связываются с *миграцией* из Западного Туркестана новой волны «скифов», которую могли стимулировать последствия похода Кира II на массагетов в 530 г. до н.э. и дальнейших столкновений с номадами. При этом в Скифии предполагается воцарение династии Ариапифа и, возможно, сохранение части первоначального населения, описанного в этнокарте Гекатея Милетского, в Древней Скифии (СЗ Причерноморье, граничащее с Балканским полуостровом (?)). Вообще "новые" (?) скифы, как минимум, с 495 г. до н.э. активно действовали во Фракии, а также на границах греческого Боспора и Ольвии [Алексеев, 1992, 108-116] **.

Обе версии имеют ряд уязвимых сторон и нуждаются в дополнительной аргументации. Одним из важных и надежных средств проверки гипотезы о миграции в конце 6 в. до н.э. могло бы стать сопоставление по обоим периодам такого важнейшего этнопоказателя как *костюм*. На этом пути имеется ряд трудностей. Костюмный комплекс 5-4 вв. до н.э. сегодня неплохо изучен (Клочко 1984; 1992а; 1992б; Мирошина 1980; 1981; Яценко 1993; Yat-senko 1993)***. Определено и его место в общеиранском костюмном комплексе скифо-ахеменидского времени: он наиболее близок таким оседлым этносам Западного Туркестана, как согдийцы и хорезмийцы [Горелик 1979, 33; 1997, 21]. Однако материал *архаического* периода документирован неизмеримо скромнее и почти не привлекал внимание специалистов. Причем, как правило, мы имеем изображения именно "переходного" периода рубежа 6-5 вв. до н.э., которые, в случае справедливости версии А.Ю. Алексеева, в принципе могут относиться как к "более ранним скифам", так и к более поздним восточным мигрантам.

Важным источником могли бы стать *изображения скифов-стрелков в афинской вазовой живописи 6-5 вв. до н.э.* Эта тема рассмотрена в специальной книге М.Вос [1963] и бегло затронута в серии работ других авторов. Имеются добротные публикации сцен со стрелками рубежа веков [Boardman 1975а, Pl. 83, 187; 1975b, Pl. 10; Plassart 1913, Pl. 1-3, 5-8, 17, 77, 129, 160]. Изображения скифских стрелков появляются в Афинах ок. 520-500 гг. до н.э., в правление тиранов Писистрата и Гиппия и исчезают ок. 490 г. до н.э. Видимо, речь идет об одном поколении *наемников*, использовавшихся в военных целях и "исчезнувших" затем в силу каких-то внешних причин [Vos 1963, 61, 86ff.; Алексеев 1992, 103]****.

Особенно интересно предполагаемое шествие "гвардии" одного из афинских тиранов из 18 скифских лучников и 24 местных гоплитов [Plassart 1913, Pl. 6; Vos 1963, Pl. H,b]. Иногда скиф-стрелок изображается рядом с 1-2 героями троянского цикла греческого эпоса [Plassart 1913, Pl. 1-3]. Воины пользовались национальным оружием (лук, колчан у левого бока, иногда секира) и подчас традиционно воевали на коне [Vos 1963, Pl. X, XIV]. Среди них есть и юноши [Vos 1963, Pl. IVb, VII, IXa].

Более поздние изображения "скифов", по справедливому замечанию М. Вое, становятся малочисленнее и, самое главное, *утрачивают "скифскую" этнографическую точность* в костюме [Vos 1963, 61]. Дело в том, что теперь Афины закупили скифских *рабов* для несения городской полицейской службы. Впервые они упомянуты Аристофаном в "Ахарнях" в 425 г. до н.э. Первоначально рабов-полицейских было куплено 300 человек (Андокид, "О мире с лакедонянами", III, 391 г. до н.э.), а затем их число в Афинах возросло до 1000. Эти рабы, видимо, быстро утратили отдельные, малоприспособные в городе элементы национальной одежды. Действительно, пешие стрелки часто изображаются *босыми* и *вдобавок - неподпоясанными*, что для кочевников во все времена было не вполне прилично. Влиянием костюма греческих воинов можно объяснить наличие короткой одежды с пришитым складчатым подолом [Vos 1963, Pl. IX; Рис. 1, 11]. В отличие от самих кочевников, для греческих художников-вазописцев запахнутый *налево* кафтан-kurtak был не важным элементом этнической идентификации, а лишь экзотической деталью. Поэтому изредка происходила путаница, и кафтан изображался запахнутым "неестественным способом" - направо [Vos 1963, Pl. IX, X]. Вероятно, в конце 5 в. до н.э. в контингенте "скифских стрелков" преобладали уже свободные афиняне, получавшие приличное ежедневное денежное жалование [Фролов 1998а, 148 сл.].

Если предположить, что версия А.Ю. Алексеева справедлива, и что "афинские скифы" рубежа 6-5 вв. до н.э. были наемниками, беглецами из среды "архаических скифов", то в этом случае логично ожидать встретить на изображениях. 1. этнографически точный костюм иранских народов скифо-ахеменидского времени; 2. серьезные отличия костюма стрелков как от персидского, так и от более позднего скифского; 3. наличие элементов, наиболее близких не одежде согдийцев и хорезмийцев, а одежде *других* среднеазиатских этносов или же тождество в *других элементах* одежды. Постараемся проверить эту гипотезу*****.

При первом же знакомстве с серией афинских изображений (Рис. 1) становятся очевидными как *значительные отличия* костюмного комплекса персонажей от более позднего скифского, так и специфические параллели с костюмом конкретных ираноязычных народов *Западного Туркестана* [Горелик 1985, Т. II, III; Горелик 1997, Т. III, IV]. Сходство с "поздним" скифским прослежено, в основном, в *орнаментации* наплечной и поясной одежды

[ср.: Яценко 1993, Рис. 3-4] Впрочем, декор используемых тканей, войлока и формы нашитых бляшек могут быть близки не только в силу этнического единства.

Типы *головных уборов*, за исключением одного (Рис. 1, 5), *не известны* в более поздних скифских материалах 5-4 вв. до н.э. Резко преобладает тип башлыка с ровным краем надо лбом, тонкими завязками-поушниками по бокам и узким назатыльником. Верх скроен из плотного материала в виде тонкого узкого шпиля, который обычно поддерживался вертикально [PL I,b; III,b; II,IV,VI; IX,b; Рис. 1, 3-4]. Зато этот тип, судя по ахеменидским рельефам Персеполя и Накш-и Рустама с изображениями народов-данников, характерен для *саков-тиграхауда* или "острошапочных". Саки "заморские" носили его верх опушенным на затылок, т.е. он делался из более мягкого материала [Горелик 1997, Т. IV, 3-4]. Другой вариант этого типа изображен на килике мастера Андокида [Алексеев 1992, обложка]. Его острый узкий верх отделен горизонтальной полосой и пересечен другой полосой по диагонали [Рис. 1, 9]. Совершенно идентичный образец видим у тех же *саков-тиграхауда* [Горелик 1997, Т. IV, 4 верхний]. Третий вариант башлыка этого типа отличается небольшим околышем, а верх украшен диагональными полосами [Snodgrass 1967, fig. 38]. Такой же убор и с тем же декором много позже известен у средневековых аланов Предкавказья [Ср.: МАК, 1900, 172].

Другой тип башлыка, изображенный у некоторых стрелков-всадников [P1. X, XI; Рис. 1, 8], имеет более низкий верх и двухъярусный околыш. Этот же тип убора представлен на глиняных статуэтках всадников-скифов времен переднеазиатских походов из Нейрабы [Ильинская 1982, Рис. 3, 1]. Наиболее близкий образец известен у *саков "заморских"* [Горелик 1997, Т. IV, 3]. Третий тип башлыка, с большим шишаком над головой и широкими поушниками, изображался у безбородых юношей [P1. VII, IX,a; Рис. 1, 2]. Он не имеет точных аналогий. Четвертый тип убора имеет высокий яйцевидный верх, длинный и широкий назатыльник и широкую полосу декора в средней части [P1. VIII; Рис. 1, 7]. Все эти черты характерны и для убора мужчины на обухе более ранней келермесской секиры [Раевский 1985, Рис. 9].

Весьма оригинален пятый тип головного убора. Это небольшая полусферическая шапочка, на макушке которой имеется отверстие, куда продета вверх толстая прядь волос, свисающая в виде «конского хвоста» [PL IV,b; Рис. 1, 5). Подобный убор обнаружен в скифском кургане Передериева Могила в Донбассе [Моруженко, 1992]. Ту же специфическую шапочку с продетой через ворворку прядью мы видим у молодых мужчин-согдийцев позже, когда в раннем средневековье в местном искусстве стали изображать не только божества, но и живых людей [Живопись..., 1954, Т. VII, XXXVII].

Отметим также, что на статуэтках скифов 7 в. до н.э. из Мемфиса представлены всадники в башлыке еще одного типа [Ильинская 1982, Рис. 1, 4-5]. Его верх плотно облегает

голову, а широкий назатыльник доходит до плеч. Близкий убор, но с более узким назатыльником, позже, в 4 в. до н.э., изображен у трех мужчин на пластине из Сахновки.

Афинские стрелки часто изображены в профиль. Однако в ряде случаев определенно видно, что спереди полы кафтанов-kurtak у юношей скошены в виде узких клиньев на подоле не с боков к центру, как это было распространено в 5—4 вв. до н.э., а противоположным образом [P1 IV,b, VL,a, IX,b, Рис. 1, 13]. Такая традиция документируется при Ахеменидах у многих как кочевых (саки-тиграхауда, хаумаварга и "заморские"), так и оседлых (согдийцы и хорезмийцы) ираноязычных этносов Западного Туркестана [Горелик 1985, Т. II, 3-4; 1997, Т. IV]. В ряде случаев кафтаны безрукавные [P1. II,b, VI,a; X; Рис. 1, 10]. Для индоиранских кочевников скифского времени это документируется лишь у саков Центрального Тянь-Шаня [Ср.: Винник, 1977, Рис. на с. 582].

Кафтаны обычно короткие, до низа бедер. В одном случае известна одежда до середины голени, что также не выявлено у скифов 5-4 вв. до н.э. Она носилась наглухо застегнутой [P1. III; Рис. 1, 12] и была богато орнаментирована сочетанием треугольников с крестами, а на бортах - "бегущей спиралью". Тот же тип одежды изображен на персонаже с обуха келермесской секиры [Раевский 1985, Рис. 9; Кисель 1997, Рис. 2, 3]. Она декорирована на подоле двумя парами крупных "мировых деревьев" по два на каждой полке; такая декоративная схема до 20 в. сохранялась на мужских кафтанах восточноиранских белуджей, у которых считалась оберегом [Гафферберг 1970, 87; Рис. 13, 1].

Полоса, украшенная меандром или "бегущей волной", подчас обшивала борта *кафтана* [P1. III; XII,b] и подол [P1. VI,a]. На боках представлен декор в виде вертикальной линии крестов [P1. XI], на рукавах - в виде цветных узких полос [P1 XIV]. Документировано несколько вариантов декора *штанов*, и в каждом случае он особый [Рис. 1, 16-23]. Прямых соответствий орнаменту образцов 5-4 вв. до н.э. не известно, за исключением самого простого - из вертикальных рядов крестиков. *Неоднократно* встречены вертикальные полосы из точек, крестов и ланцетовидных фигур. Любопытен орнамент с горизонтальными рядами трилистников [P1. XIV; Рис. 1, 20].

Обувь у афинских стрелков, к сожалению, передана схематично и только в нижней части. Однако мы имеем два изображения у "архаических скифов": на упомянутом обухе келермесской секиры и уникальном каменном изваянии скифа-всадника рубежа 6-5 вв. до н.э. из с. Виноградовка, Одесской области [Субботин и др. 1992, 5; Рис. 1; Ольховский, Евдокимов 1994, 17, илл. 6, № 8]. В обоих случаях это сапожки до середины голени, т.е. выше, чем известные в более позднее время. Судя по изображению из Виноградовки, их голенища кроились отдельно от низа, окрашенного в красный цвет.

Волосы обычно спрятаны под башлыком, надо лбом они ровно подстрижены. Лишь в одном случае мы видим зачесанный налево длинный чуб [РІ. IV, b], что также не известно у более поздних скифов.

Женский костюм переломного (?) для Скифии рубежа 6-5 вв. до н.э. известен пока на единственном изображении на щитке перстня Аргота ("перстень Скила"), изготовленного в Ольвии [Виноградов 1980, 107 сл]. Представлена сидящая на троне богиня, держащая в руках зеркало и лист клена ("винограда"); два листика украшают трон. Ее сармато-аланский аналог (богиня с большим листом в руке) в 1-2 вв. н.э. представлен на медальонах из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму [Яценко 1992, 76; Рис. 2, б]. Высказана версия, что здесь изображен *мужской* персонаж, а точнее - греческий Дионис-Загрей [Кузнецова, 1986, 4сл], с аргументацией которой пока нельзя согласиться по нескольким причинам: во-первых, при этом обходится вниманием *костюм* персонажа, он не имеет ничего общего с греческим, зато специфичен для ряда иранских этносов древности; во-вторых, ключевым для исследовательницы является утверждение, что богиня-женщина с зеркалом не упоминается в *текстах* иранских народов, что не совсем верно. Достаточно вспомнить образ богини, дочери Солнца, небесной девы Ацирухс/Агунды в осетинском нартском эпосе в эпизоде, связанном с будущим браком [Нарты 1989, 261]. И, в-третьих, не учитывается то, что в искусстве *других* иранских народов (персы, кушаны, согдийцы) с зеркалом изображались только *женщины*-богини.

Костюм богини чрезвычайно оригинален, он *ни в одном* из своих элементов не похож на более поздние образцы 5-4 вв. до н.э. и поэтому может быть связан еще с "архаическими" скифами. Показательна близость ряда его элементов описанным выше мужским. На богине надеты широкая распашная куртка с рукавами до локтей, широкие шаровары в крупных складках, туфли с загнутыми внутрь острыми носами и поверх прически - полусферический головной убор с отверстием на макушке, в которое пропущена крупная прядь волос (ср. выше, РІ. IV, b; Рис. 1, 5). Подобный убор у обоих полов известен позже, во 2-7 вв. н.э. у ираноязычных *хотано-саков* Синьцзяна [мужчины: Stein 1907, РІ. XLIV; Дьяконова, Сорокин 1960, №№ 15, 19; женщины: Stein 1921, РІ. CXXVI].

Даже если бы не существовало других доказательств, можно без особых сомнений утверждать отсутствие близкого этнического родства между "скифами" 7-6 и 5-4 вв. до н.э., т.к. костюм является важнейшим показателем этнической специфики. У последних также есть специфические элементы костюма, сходные с костюмом синхронных этносов Западного Туркестана и Южной Сибири, но это совершенно иные элементы. При этом мы должны учитывать неизбежные последствия *смешения* двух волн мигрантов в Южнорусских степях.

* В основе данного текста - начальный раздел большой статьи «Очерки об антропоморфных изображениях скифов VII-IV вв. до н.э.», подготовленной в 1993-1994 гг. для вып. 10/11 «Петербургского археологического вестника». К сожалению, он так и не был издан.

** Я признателен А.Ю. Алексееву, М.В. Горелику Д.С. Раевскому за обсуждение этой темы в 1993-95 гг.

*** Сегодня на эту тему имеется обширная литература из более чем 25 одних лишь специальных публикаций. Большинство из них принадлежат перу Л.С. Ключко.

**** Экзотическое предположение о том, что это изображались *греки-ордinarie* при всадниках-гоплитах, но одетые в скифский костюм и носящие скифское оружие [Plassart 1913, 172], подержанное, как будто, Э.Д. Фроловым [Фролов 1998а, 138], не имеет фактического подтверждения. С точки зрения нравов тогдашнего греческого общества оно может рассматриваться как курьез: скифы считались наиболее варварским и неукротимым народом: [Фролов 1998б, 132]. Некоторые персонажи помечены недвусмысленной надписью «Scythos» [Plassart 1913, РІ. 1].

***** Далее в тексте, наряду со ссылкой на Рис.1, указываются также номера таблиц в монографии М. Вос (1963).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1992: Алексеев А.Ю. *Скифская хроника. (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк).* СПб.
- Винник 1977: Винник Д.Ф. *Работы Иссык-Кульского отряда.* - АО-1976. М.
- Виноградов 1980: Виноградов Ю.Г. *Перстень царя Скила.* - СА. № 3.
- Гафферберг 1970: Гафферберг Э.Г. *Одежда белуджей Туркменской ССР.* - СМАЭ. Т. XXVI.
- Горелик 1979: Горелик М.В. *Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов древности.* - ТД III Всесоюзной конференции "Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен".
- Горелик 1985: Горелик М.В. *К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада.* - Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.
- Горелик 1997: Горелик М.В. *Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексе костюма иранских народов VI-IV вв. до н.э.* - Базы данных по истории Европы в средние века. Вып. 3. М.
- Дьяконова, Сорокин 1960: Дьяконова В.К. Сорокин С.С. *Хотанские древности. Терракота и шtuk Л.*
- Жипопись..., 1954: *Живопись древнего Пенджикента.* М.
- Ильинская 1982: Ильинская В.А. *Изображения скифов времени переднеазиатских походов.* - Древности степной Скифии. Киев.
- Кисель 1997: Кисель В.А. *Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса.* СПб.
- Ключко 1984: Ключко Л.С. *Верхній плечовий одяг скіфів.* - Археологія, вип. 47. Київ.
- Ключко 1992а: Ключко Л.С. *Сікфський жіночий костюм. Автореф. дис.канд. іст. наук. Київ.* Ключко 1992б: Ключко Л.С. *Скифская обувь.* - СА, № 1.
- Ключко 1993: Ключко Л.С. *Скіфський дитячий костюм.* - Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва із колекцій Музею Історичних коштовностей України. Київ.
- Кузнецова 1986: Кузнецова Т.М. *О сюжете на перстне царя Скила.* - КСИА. вып. 186.

- Мирошина 1980: Мирошина ТВ. Скифские калафы. - *СА, № 1*.
- Мирошина 1981: Мирошина ТВ. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. - *СА, № 4*.
- Моруженко А.А., 1992. Моруженко А.А., Скифский курган Передериева Могила. - *Археологія, № 4, Київ*
- Нарты, 1989. Нарты Осетинский героический эпос, кн. 2. М.
- Ольховский, Евдокимов 1994: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-IV вв. до н.э. М.
- Петрухин, Раевский 1998: Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. (Учебное пособие). М.
- Раевский 1985: Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.
- Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхое А.С., Охотников СБ., Редина Е.Ф., Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. Киев.
- Фролов 1998а: Фролов Э.Д. Скифы в Афинах. - *ВДИ, №1*.
- Фролов 1998б: Фролов Э.Д. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофи-гурных вазах). - *Проблемы археологии, вып. 4, СПб.*
- Яценко 1992: Яценко С.А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов. - *Проблемы этнографии осетин, вып. 2, Владикавказ.*
- Яценко 1993: Яценко С.А. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (К вопросу об этнографизме изображений). - *Вестник Шелкового пути, Археологические источники, вып. 1, М.*
- Boardman 1975a,b: Boardman J. Athenian Black Figure Vases. The Archaic Period. L, (publ.1985).
- Plassart 1913: Plassart A. Les archers d'Athenes. - *REG, XXVI, 117, Avril-Juin.*
- Snodgrass 1967: Snodgrass A. Arms and Armour of the Greeks. L.
- Stein 1907: Stein A. Ancient Khotan, Vol. 11. Oxford
- Stein 1921: Stein A. Serindia, Vol. IV: Plates. Oxford
- Vos 1963: Vos M.F. Scythian archers in archaic vase-painting (*Archeologieia traectina, Vol. VI*). Groningen.
- Yatsenko S.A., 1992. Yatsenko S.A., Clothing of Iranian Tribes on the Pontic Steppes and in the Caucasus. - *Encyclopaedia Iranica, Vol. V, Fasc. 7, Costa Mesa (Cal).*

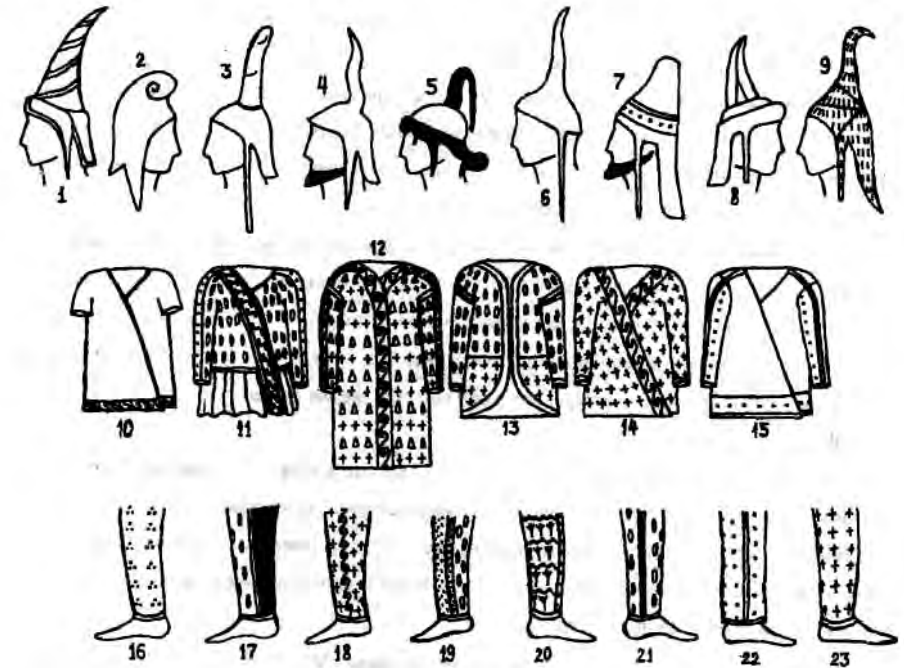

Рис. 1. Костюм скифских воинов-стрелков в Афинах рубежа 6-5 вв. до н.э. по материалам вазовой живописи

ГЕРАКЛЕЙСКИЙ ХОЙНИК

Очень много пили жители Северного Причерноморья в эпоху эллинизма крепкого и душистого [Теофраст цит. по: 15, р. 191, note 108] гераклейского вина. Вот почему керамическая тара Гераклеи Понтийской является самым массовым материалом для периода с нач. 4 по первую четв. 3 вв. до н.э. История исследования гераклейских керамиев столь подробно освещена в литературе, что прибавлять что-либо к уже написанному я нахожу просто неуместным [Ср.: 1; 2; 3; 4; 6, с.7, 100 сл.; 12; 16]. В силу большого количества имеющегося материала, в данной работе я ограничусь анализом трех основных типов амфор: I, Ia и II, существовавших в период от конца 5 по третью четв. 4 в. до н.э.

В исследовании рассматривались только целые амфоры, которых сейчас известно более 200. В разное время многие сосуды подвергались фактическим замерам. Там, где информацией о фактической емкости я не владею, или сомневаюсь в ее точности, используется система математического расчета емкостей по чертежам в М. 1:1, где профиль сосуда изображен половиной продольного сечения. При этом все сосуды условно принимаются как твердые вращающиеся тела, что, безусловно, в какой-то степени не верно, т.к. при обработке на круге и во время обжига сосудов в некоторых местах выходит из оси симметрии. Тем не менее, зная, что все торговые амфоры моделировались под определенный стандарт, мы как бы исправляем огрехи древнего гончара, который, конечно же, не стремился изготовить кособокую амфору.

Проведя на чертеже ось симметрии по всей высоте амфоры, и разделив объем серией ортогональных сечений, можно получить псевдоусеченно-конические сечения, которые, имея малую высоту, уподобляются истинным усеченно-коническим сечениям. Ошибки, которые следуют из идеального исправления наклонной стороны конусов, не являются значительными из-за большого числа сечений.

Для расчета объема каждого сечения по формуле $V = \pi h/3 (R^2 + r + Rr)$ берется его высота и оба радиуса. Сумма объемов всех усеченно-конических сечений дает общую вместимость амфоры.

Проверки показали, что разница между математическим расчетом и фактическим замером составляет ок. 300 мл. Уровень допуска вполне приемлем, т.к. при замерах водой какая-то часть ее впитывается стенками, а сыпучие вещества распределяются по объему с разной плотностью: на дне она выше, чем в области плечиков.

Методика восстановления древней технологии моделирования амфор была разработана на материалах херсонесской [8, с.12 сл., 77 сл.] и синопской [9, с. 181 сл., 14, р.107 ff.] керамической тары. На уровне гипотезы были реконструированы формулы расчета для ам-

фор пифоидной ($V_{\text{теорет.}} = H_4 D_{\text{ср.}}$), конической ($V_{\text{теорет.}} = \frac{11}{14} H_4 D_{\text{ср.}}^2$) и шаровидной ($V_{\text{теорет.}} = \frac{8}{7} H_4 D_{\text{ср.}}^2$) [11, с. 97 сл.].

Реконструкция античной методики моделирования греческой тары осуществляется в три этапа. Сначала определяются предполагаемые стандартные меры емкости в античных мерах, затем отслеживаются устойчивые линейные размеры в древних единицах для каждого вероятного стандарта (фракции), и, наконец, полученные выводы по стандартам меры и линейным мерам проверяются с помощью реконструированных формул расчета объема тел вращения.

Первая задача выполняется по следующей схеме. Вся выборка, состоящая из замеренных и зачерченных амфор, выстраивается в виде вариационного ряда от наибольших к наименьшим значениям. При этом определялись закономерные интервалы значений. Затем производился расчет предполагаемых стандартных мер емкости амфор не в метрических, а в античных единицах емкостей, что представляется принципиально важным. В таблицах отражены все возможные переводы емкости в античные меры. При пересчете с метрических в древние единицы учтено, что полная емкость амфоры, как правило, должна быть несколько больше стандартной меры. Катон, например, прямо советует заполнять амфоры до основания ручек (Cato, 113).

Такой запланированный излишек емкости в какой-то степени компенсировал возможную ошибку в изготовлении сосуда, а, кроме того, обеспечивал воздушную прослойку между пробкой и содержимым. Исследования показали, что эта разница приблизительно была равна объему горла [8, с.32].

Второй этап работы логически продолжает первый: стандартные меры емкости должны были рассчитываться на основании определенных линейных размеров. У каждого сосуда выделены в качестве важнейших линейных признаков *глубина* (H_0), *наибольший диаметр тулова* (D), *диаметр устья* (d), *высота верхней части* (H_1), *высота горла* (H_3), *глубина нижней части* ($H_4 = H_0 - H_3$). По каждой из предполагаемых стандартных мер емкости гераклейских амфор определены разброс и средние арифметические значения отмеченных параметров в метрических единицах (мм), а затем они переведены в эквиваленты в античных мерах длины (дактили). Предпочтение отдавалось тем показателям, которые близки или равны целым числам, а также (предпочтительно) могут выражаться целым числом не только в мелких единицах длины (дактилях), но и в более крупных (футах). Выяснилось, что для линейных параметров гераклейских амфор более всего подходят аттические дактили и футы.

Правильность выводов, сделанных на первых двух этапах работы удалось проверить, применив реконструированную древнюю методику расчета амфорных стандартов, для чего использовались приведенные выше формулы вычисления объемов амфор.

Метрологический анализ гераклейских амфор, производившихся с конца 5 по третью четв. 4 вв. до н.э., позволяет наметить основные тенденции развития форм и стандартов -тары этого центра.

Морфология гераклейских амфор в исследуемое время развивалась по традиционной схеме от "пифоидных профилей к коническим". При этом стандарт емкости неуклонно понижался. "Конусы" 30-х гг. 4 в. до н.э. ощутимо легче "пифоидов" конца 5 в. до н.э.

Стандартные меры гераклейских амфор чаще всего реконструируются в аттических единицах объема - хойниках, хоях и гемигектах,- и лишь иногда находятся приемлемые эквиваленты в понтийских единицах - аддиксах и марисах. Несколькостораживает то обстоятельство, что отдельные фракции не имеют эквивалента в других античных единицах объема.

Выводы о содержании многочисленных фракций гераклейских амфор позволяют выстроить численный ряд (правый столбец табл. 1), ранжировка которого позволяет предположить, что единицей объема в Геракле Понтийской могла быть локальная мера с содержанием ок. 1.41 литра, которую условно можно назвать "гераклейский хойник" (далее - ГХ).

Если принять эту гипотезу, то все рассмотренные ниже фракции гераклейской тары находят свои эквиваленты в предполагаемых локальных единицах объема.

Производство I типа гераклейских амфор укладывается во временной промежуток от конца 5 до середины 70-х гг. 4 вв. до н.э. Самые поздние экземпляры найдены в елизаветовском к. 130 (1983 г., РГПИ п.о. №17), в к.5 никоинийского некрополя (ОАМ, п.о. Ник-89 к 5, п.7), в нимфейской яме 1951 г. (ГЭ. НФ. 51.939) и в к.69 мог. "Царский" на Дону (РОМК, п.о. №188-Е).

Динамика стандартов гераклейской тары на протяжении всего времени производства амфор типа I выглядит следующим образом (Табл. 1). Вариант 1-1 (Рис. 1, 1) представляет полный стандарт в 12 ГХ (16.92 л), но не исключено, что одновременно это соответствовало 4 аттическим гемигектам (17.52 л.). Последняя мера была самой распространенной в Синопе с середины 4 в. до н.э., а в Херсонесе с конца 4 в. до н.э., хотя в данном случае понтийская мера кажется предпочтительней.

Фракциями этого стандарта выступают в это же время амфоры вариантов 1-2 (10 ГХ или 3 понтийских аддикса) и 1-3 (7.5 ГХ). Можно выделить еще один, 6 вариант I типа. Единственную известную амфору этого варианта (Рис. 1, 5) скорее всего следует интерпретировать как фракцию в 4 ГХ.

Таблица 1 Содержание стандартных мер емкости гераклейских амфор типов 1,1а, II

Тип	Вариант	Расчетная мера по формуле (в литрах)	Античная мера				
			аттический хойник	гемигект	хус	Аддикс	геракл. хойник
I	1	17.00		4 (17.52)	5 (16.42)	4(18.2)	12 (16.92)
	2	13.7		3 (13.14)	4 (13.13)	3 (13.65)	10(14.1)
	3	10.88		2.5 (10.95)	3.5(11.5)	2.	7.5 (10.57)
	4	9.85			3 (9.85)	2(9.10)	7 (9.87)
	5	7.08		1.5(6.56)	2(6.56)	1.5 (6.83)	5 (7.05)
	6	6.25	5 (5.47)				4 (5.64)
Ia	1	9.8			3 (9.85)	2(9.10)	7 (9.87)
	2	8.33		2 (8.75)	2.5 (8.21)		6 (8.46)
	3	7.5		1.5 (6.57)	2 (6.56)	1.5 (6.83)	5(7.05)
	4	5.83	5 (5.47)				4 (5.64)
II	1	8.7		2 (8.76)	2.5 (8.21)		6 (8.46)
	2	6.25		1.5(6.57)	2 (6.56)		4.5 (6.35)
	3	5.83	5 (5.47)				4 (5.64)
	4	≈ 4	4 (4.37)				3 (4.23)

Иначе следует объяснять стандарты вариантов I-4 и I-5. Первый с объемом в 7 ГХ, или в 1 понтийский марис (9.7 л.) [2, с. 109], судя по всему, с 90-х гг. 4 века становится базовым, и эта мера считается полностандартной (Рис. 1, 2). Синхронный ему вариант I-5, таким образом, может быть фракцией в 5 ГХ.

В 70-е гг. 4 века в амфорном производстве Гераклеи Понтийской впервые отмечается смена типо-стандарта. Самые ранние образцы амфор этого типа найдены в комплексе порфмийской ямы 1987 г., надежно датированном не позднее первой пол. 70-х гг. [5]. Фиксируемый переход от производства типа I к типу Ia не носил одномоментного характера, занял несколько лет, но можно утверждать, что он произошел в результате официального утверждения нового типо-стандарта и не был результатом эволюции или модификации I типа. Следует признать, что морфологические отличия типа Ia от предыдущего типа I не столь уж велики. Увеличилась высота горла, плечики стали более пологими, что, естественно, изменило пропорции сосуда. В чем прослеживается абсолютная преемственность, так это в содержании мер емкости. Базовым стандартом во все десятилетия, пока продолжался выпуск типа Ia была мера в 7 ГХ (Рис. 1, 3). Самые поздние сосуды этого типа, относящиеся к 30-м гг. 4 в. до н.э., происходят из к.43 и к.44 мог. Панское I [10, с.132 сл., №13].

Наряду с основным стандартом в рамках типа Ia производились амфоры уменьшенных фракций в 6, 5 и 4 ГХ (Рис. 1, 6). Из перечисленных, только фракция в 6 ГХ (Рис. 1, 4) не была известна в рамках I типа тары.

Морфология II типа амфор является совершенно новым явлением в гераклеиском амфорном производстве. Вполне возможно, что в 70-е гг. 4 века гераклиоты освоили производство нового сорта вина, и для его реализации потребовались сосуды отличного от предыдущих, "модного", силуэта. Самой характерной деталью II типа является коническая форма тулова, что при сохранении примерно тех же линейных размеров, что и у амфор типа Ia, обуславливало несколько меньшее содержание стандарта и фракций.

Судя по хронологии клейменных сосудов, II тип не сменяет и не вытесняет тип Ia. а появляется и бытует, наряду с последним с 70-х по 30-е гг 4 в. до н.э. Начало выпуска амфор типа II в 70-е гг документировано находкой фрагментированной амфоры в к.4 никонийского некрополя (1972 г., ОАМ. №9344). Самой поздней, твердо датированной 30-ми гг. 4 века, является амфора из ямы №9 на пос. у с. Николаевка [7, с.25, Рис. 7, 5]. Новая коническая профилировка привела к тому, что основной и самой крупной фракцией в рамках II типа стала мера в 6 ГХ (Рис. 1, 8), повторяющая стандарт, синхронно существовавший у тары типа Ia.

Аналогичный дубляж прослеживается для меры в 4 ГХ [Рис. 1, 7], которая появилась еще в рамках I типа и повторена в типах Ia и II. Более мелкие фракции в 4.5 и 3 ГХ, отмеченные только у II типа, были менее популярны и фиксируются не для всего периода производства амфор этой группы.

Таким образом, в рассмотренный период в Геракле Понтийской, как и в других античных центрах (Хиос, Фасос) [2, с 96 сл.; 13, р,22], за основу объема амфорной тары был взят местный стандарт - гераклеиский хойник, равный примерно 1.41 л., кратный широко используемым в Средиземноморье аттическим мерам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанов П. Анализ и датирование амфорных печатей Гераклеи Понтийской.- *Thracia Pontica.* Т. II София, 1985.
2. Брашинский И.Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской.- *НЭ, 1965. Т. V.*
3. Брашинский И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской. - *НЭ, 1984. Т. XV.*
4. Василенко Б.А. О характере гераклеиского клейменения в первой половине IV в. до н.э.-*НЭ, 1974. Т. XI*
5. Бахтина М.Ю. Отчет о работе Порфмийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 году.- *Архив ИИМКРАН.*
6. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960.
7. Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М, 1975.

8. Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV- V вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989.
9. Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор- В сб.: *Греческие амфоры.* Саратов, 1992.
10. Монахов С.Ю., Рогов Е. Я. Амфоры некрополя Панское I.- *АМА. Вып. 7. Саратов*1990.
11. Монахов С.Ю., Слонов В.Н. К реконструкции античной методики расчета и моделирования древнегреческих амфор.- *ВЦИ. 1992. №2.*
12. Павличенко Н.А. К вопросу о времени бытования предлога ЕΠΙ в гераклеиских клеймах- В сб.: *Греческие амфоры.* Саратов, 1992.
13. Lang M. A. New Inscription from Thasos: Specifications for a Measure- *BCH. 1952, Vol. 76.*
14. Monachov S.J. Les amphores de Sinope-Anatolia antiqua, 1993. Vol. 2
15. Salviat F. Le vin de Thasos. Amphores, vin et sources écrites.- *BCH, 1986. Suppl. XIII.*
16. Šelov-Kovedjaev Th. V. Histoire et état actuel de l'epigraphie céramique Grecque (amphores et miles) en Union Sovetique.- *BCH. 1986. Suppl. XIII.*

ХРОНОЛОГИЯ ЦАРСТВА СКИЛУРА

(по археологическим данным)

Устойчивый интерес к царству Скилура, как к особому явлению в истории Северного Причерноморья, вызван многими обстоятельствами. Однако история этого государственного образования реконструировалась на основе письменных и нумизматических источников [1, с. 59 сл.; 2, с. 230 сл.; 3; 4, с. 86 сл.; 5], а его хронология никогда не была предметом специального исследования. Внешнеполитическая деятельность Скилура (рождение которого предполагается в 70-60-е гг. 2 в. до н.э. [2, с. 249 сл.]) рассматривалась либо на фоне событий всего столетия, либо ограничивалась второй его половиной, а смерть царя связывалась с событиями Диофантовых войн. Генетическая связь позднескифской культуры и культуры степных скифов 7 - 4 вв. до н.э. сомнений обычно не вызывала, а период существования Крымской Скифии в 3 в. до - 3 в. н.э. представлялся завершающим этапом тысячелетней истории скифов Северного Причерноморья [6, с. 5 сл.; 7, с. 213].

Сравнительно недавно была высказана точка зрения, согласно которой между памятниками степных скифов и самыми ранними позднескифскими существует значительный временной разрыв, а материальная культура поздних скифов не имеет выраженных черт классической скифской культуры. В этом случае ее формирование представляется процессом синтеза самых различных культур региона, причиной которого стал весь комплекс событий конца 3 - нач. 2 вв. до н.э. [8, с. 89 сл.; 12, с. 36 сл.]. В качестве археологического подтверждения той или иной точки зрения наиболее часто использовались материалы раскопок Неаполя Скифского – самого информативного позднескифского памятника Крыма. В данной работе не имеет смысла приводить все многообразие таких упоминаний, но уместно дать краткую характеристику наиболее современных данных, имеющих непосредственное отношение к теме.

"Неапольская" история теперь [11, с. 89 сл.; 12, с. 36 сл.] достоверно прослежена со второй четверти (?) – середины 2 в. до н.э. (период E), когда будущая территория крепости была занята группой укрепленных усадеб. Затем на этом месте появляется сильно разреженное поселение, в структуре которого выделяются примитивные предшественники мегаронов - однокамерные строения удлиненных пропорций. Качественным сдвигом в развитии "Протонеаполя" можно считать реконструкцию самого большого мегарона и одновременное возведение первой оборонительной стены. Почти сразу после этого строительства весь населенный пункт был уничтожен тотальным пожаром, случившимся ок. 135 г. до н.э. (Рис. 1, 1).

В следующий период ("крепостной дворцовый" D) практически единственным фундаментальным комплексом внутри неапольской крепости был Южный дворец у центральных

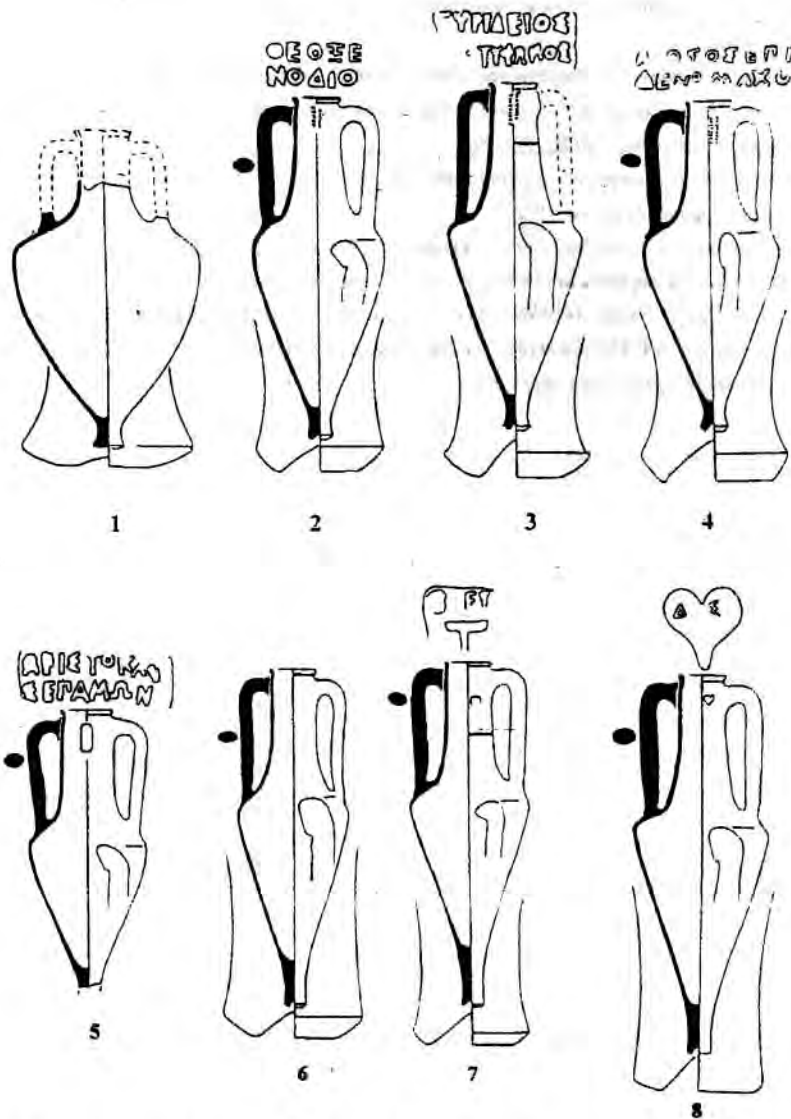

Рис.1. 1- Херсонес (ГХЗ, инв. №3/37174); 2- пос.Козырка (ИИМК, п.о. №170, 1986 г.); 3- Никоний, 1970 г. (ОАМ, №83411); 4- Эрмитаж (ГЭ.ТЕ. 1911. 294); 5- [10, с.132, №7]; 6- к.43 некр. Панское I [10, с.132, №13]; 7- Советский р-н, Крым (Кр.КМ, инв. №А-24425); 8- Тамань (ГЭ.Т. 1913. 99).

ворот. На протяжении четверти века этот архитектурный комплекс ежегодно (!) подвергался косметическим ремонтам и, кроме того, был дважды кардинально реконструирован, что привело к образованию уникальной стратиграфической колонки, не имеющей аналогов в памятниках Северного Причерноморья. Первая перестройка произошла сразу после пожара, вторая, гораздо более кардинальная и масштабная, - в 120-х гг. до н.э. В конечном итоге здесь был создан обособленный архитектурный ансамбль сложной структуры, центром которого стали мегарон и закрытый двор с примыкающими к ним домами греческого типа. Наиболее пышно - портиками, скульптурой, рельефами и алтарями - был оформлен южный, парадный фасад комплекса (Рис. 1, 4).

Особое место в структуре дворца было отведено знаменитому мавзолею, пристроенному к оборонительной стене. Согласно результатам его повторного исследования, главный покойник в нем первоначально находился на роскошном тронном ложе (бывший "саркофаг царицы") (Рис. 1, 3). Через короткий промежуток времени, в течение которого в камеру было впущено не менее 9 гробов с богатыми захоронениями, возникла необходимость тайного и максимально быстрого перезахоронения его тела, которое спешно поместили в заранее заготовленную каменную гробницу (Рис. 1, 2). Затем, после тщательной маскировки места ее расположения, был полностью блокирован внешний вход в мавзолей, а внутри сооружена лестница. По ней можно было попасть в коридор, проложенный сквозь сырцовый массив крепостной стены и напрямую связавший погребальный покой с дворцом. Этим путем, во время общего разрушения комплекса, в мавзолей проникли грабители, потревожившие второстепенные захоронения и растерявшие часть золотых бляшек перед зданием с портиками.

В такой реконструкции начальная история мавзолея Неаполя Скифского может быть с одной стороны ограничена 120-ми гг. до н.э. (предварительное возведение погребальной камеры во время общей генеральной перестройки дворцового комплекса), а с другой - сроком пребывания здесь понтийских войск Диофанта (111-110 гг. до н.э.).

Это обстоятельство, в совокупности со всеми прочими данными, позволяет окончательно и однозначно подтвердить предположение ПН.Шульца [13, с.24] о том, что в каменной гробнице мавзолея захоронен знаменитый царь Скилур, тело которого представляло собой исключительную общественную и государственную ценность.

Сравним полученную картину с ситуацией на Восточном некрополе Неаполя. Хорошо известно, что наиболее ранние захоронения позднескифской культуры согласно самой общей типологии разделяются на две группы: подкурганые плитовые ящики-склепы, содержавшие до 200 захоронений, и грунтовые катакомбы, сгруппированные в могильники и впущенные в курганы [14, с.52 сл.]. Первые типичны для Крыма и, как правило, датируются в пределах одного - трех столетий. "Грунтовые склепы" территориально связаны с Неаполем

и его округой (Восточный некрополь, Битак, Димитрове Левадки, Кермен Кыр), с Северо-Западным (Беляус, Кульчук, Кара-Тобе) и Юго-Западным (Вилино, Тенистое) Крымом, и традиционно отнесены к концу 2 - 1 вв. до н.э. [14, с.23 сл.]. Основные признаки пофобений этого типа: небольшие размеры большинства камер, содержавших останки одного-двадцати человек, большой процент парных катакомб с общей входной ямой. Подавляющее количество умерших захоронено в вытянутом положении на спине с различной ориентацией, варианты положения рук и ног отличаются многообразием, изредка прослежены остатки деревянных гробов и органических подстилок. Большинство костяков сопровождалось одним-тремя предметами, довольно часты погребения совсем безинвентарные. Керамика присутствует сравнительно редко, часть сосудов составляют курильницы, светильники и туалетные флаконы. Особенно показательна резкая ограниченность предметов вооружения при частой встречаемости деталей воинской гарнитуры: ременных наборов, портупейных крюков, поясных блях, наконечников ножен (Рис. 2, 3,4).

Изучение материалов раскопок всех доступных комплексов позволило прийти к выводу о синхронности значительной их части неапольскому "крепостному дворцовому" периоду D и о датировке их второй пол. - последней третью 2 в. до н.э. Восточный некрополь Неаполя Скифского, возникший у подножия плотины более раннего водохранилища, в это время имел отчетливые признаки воинского кладбища.

Таким образом, материалы Неаполя Скифского и других памятников Крыма демонстрируют наложение на местную "тавро-скифскую" основу потенциально более активной культуры с выраженными чертами кочевого уклада. Произошло это, согласно неапольской хронологии в 140-е — 130-е гг. до н.э. Новой аристократией была сформирована особая новая идеология и создан феномен Южного дворца Неаполя - резиденции Скилура и сакрального центра официального царского культа и [12, с.45 сл.].

Обращение к синхронной этнополитической истории показывает, что нечто подобное происходило на обширных территориях центральной и южной Евразии. Активизация хуннов на востоке, хунно-юэчжийский конфликт, падение Греко-Бактрии, появление новых кочевых фуппировок в степях Южного Урала, распространение на Северном Кавказе ката-комбного обряда захоронения, связанного с кочевниками сармато-массагетского круга, раз-фом Таманского толоса [15, с.6 сл.; 16, 17, с.104 сл.; 18, с.89; 19, с.111 сл.] - звенья одной цепи, к которым можно прибавить и крымские события. Иначе говоря, царский род Скилура и его аристократическое окружение, а также подчиненные им воинские формирования в значительной своей части были выходцами из кочевой варварской среды Предкавказья-Прикубанья, а появление их в Крыму было следствием мощного восточного импульса первой пол. - середины 2 в. до н.э.

Если Скилур, дожив примерно до 40 лет [20, с.560], умер и был погребен в мавзолее в 114-113 гг., то наложение этих цифр на историю неапольского дворцового комплекса демонстрирует любопытные совпадения. Так, ко времени упомянутого пожара этому человеку должно было быть от 19 до 24 лет. Стремительное развитие Южного дворца сразу после катастрофы (параллельно с многократным укреплением оборонительных стен Неаполя) и его вторая генеральная реконструкция соответствуют наиболее активному возрасту "хозяина" мавзолея между 25 и 32 годами. В таком случае все это являлось прямым отражением активного правления Скилура, которое может быть теперь ограничено временным отрезком между серединой 130-х и 114/113 гг. до н.э. Именно за эти два десятилетия и были, вероятно, осуществлены и создание государства, и ольвийский протекторат, и захват херсонесской хоры, и упрочение династических связей с Боспором.

Очевидно, что возникновение дворца, строительство оборонительных сооружений и последовавший затем сильный пожар отражают борьбу за выживание в смутное время военного противостояния различных варварских группировок, одной из которых были сатархи-тохары, известные по нескольким источникам [21, с. 139 сл.].

В таком контексте исключительную важность приобретает подкурганый комплекс, раскопанный в 1994 г. С.Г.Колтуховым в 10 км к ЮЗ от Неаполя [22]. Впускное катакомбное погребение воина с верховым конем может быть датировано серединой - третьей четв. 2 в. до н.э. [Рис. 2, 1]. Сочетание выразительного конского убора (железный с крючком и пластинчатый бронзовый налобники, бронзовые нащечники аналогичные латенским бубуечским, железные удила с крестовидными псалиями), вооружения (длинный сарматский меч с кольцевым навершием, черешковые и втульчатые железные и бронзовый наконечники стрел, три копья) и античной буро-лаковой керамики ставят этот комплекс на одно из первых мест в ряду себе подобных [Ср.: 9, с.64 сл.; 23, с. 123].

Большинство подобных находок (Бубуечь, Великопоское, Снигиревка, Ахтанисовская, Клименков хутор, Бравичены и др.) связаны, вероятно, с возрастанием в указанное время активности прикубанских сарматов, и маркируют ареал перемещений их воинских кон-тингентов. С равной степенью вероятности воин из кург. У с. Чистенькое мог быть и завоевателем Неаполя, и мигрантом-кочевником, которые стояли у истоков формирования царства Скилура. Второе предположение косвенно подтверждается известной формой для отливки конского налобника с крючком (Рис. 2, 3) из надежно датированного пригородного комплекса, близкого по времени Южному дворцу Неаполя Скифского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э.* - *ВДИ. 1987, №1.*

2. *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса.* М., 1989.
3. *Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма.* - В сб.: *Древний восток и античная цивилизация.* Л., 1988.
4. *Храпунов І.М. До соціально-політичної характеристики тздноостфського царства.* - *Археологія.*
5. *Зубарь В.М. Скилур и Ольеия.* - *СА. 1996, №4.*
6. *Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов.* Киев, 1979.
7. *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма.* - *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, вып. III.* Симферополь, 1993.
8. *Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. - III в. н.э.).* - *Автореф. дисс. канд. ист. наук.* Киев, 1992.
9. *Пуздровский А.К. Население Крымской Скифии во I в. до н.э. - III в. н.э. (этнополитический аспект).* - *Автореф. дисс. канд. ист. наук.* Киев, 1993.
10. *Зайцев Ю.П. Неаполь скифский во I в. до н.э. - III в. н.э.* - *Автореф. дисс. канд. ист. наук.* Киев, 1995.
11. *Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя скифского.* - *Древности степного Причерноморья и Крыма, вып. V.* Запорожье, 1995.
12. *Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя скифского.* - *ВДИ. 1997, №3.*
13. *Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского.* М., 1953.
14. *Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму.* - *САМ, вып. Д1-7.* М., 1991.
15. *Скрипкин А.С. К проблеме исторической интерпретации археологических памятников в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э.* - В сб.: *Античная цивилизация и варварский мир.* Новочеркасск, 1993.
16. *Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья).* - *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века.* Ростов н/Д, 1990.
17. *Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время.* М., 1993.
18. *Сокольский НИ. Таманский толос и резиденция Хрисалиска.* М., 1976.
19. *Полин С.В. От Скифии кСарматии.* Киев, 1995.
20. *Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу.* М., 1955.
21. *Десятников Ю.М. Сатархи.* - *ВДИ. 1973. М.*
22. *Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Впускное воинское погребение позднеэллинистического периода в кургане у с. Чистенькое.* - *Археология Крыма. 1996. М2.*
23. *Симоненко А.В. О позднескифских налобниках.* - В сб.: *Древности степной Скифии.* Киев, 1982.

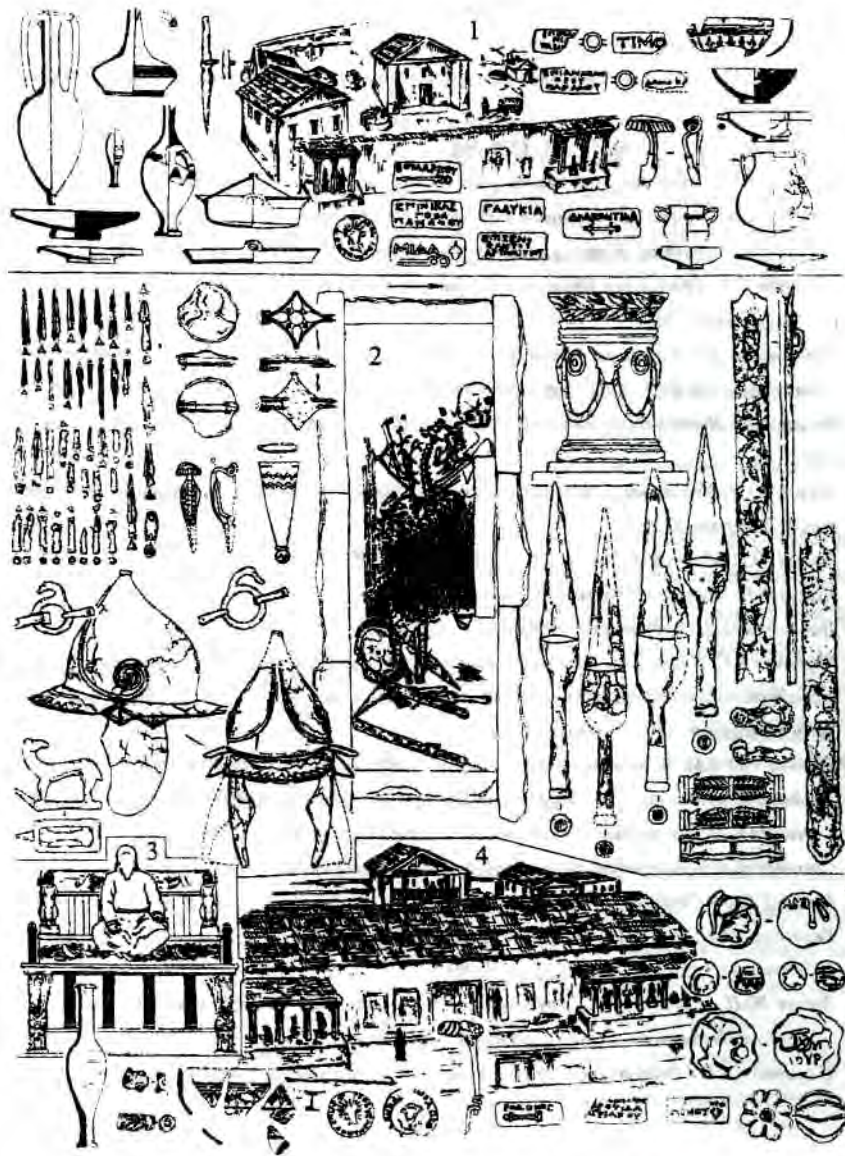

Рис. 1. Южный дворец Неаполя смирфского: 1— реконструкция комплекса и некоторые находки времени пожара, 2— план и основные находки захоронения в каменной гробнице мавзолея (Скилура); 3— реконструкция деревянного резного ложа из мавзолея, 4— реконструкция комплекса и некоторые находки времени Диофантовых войн.

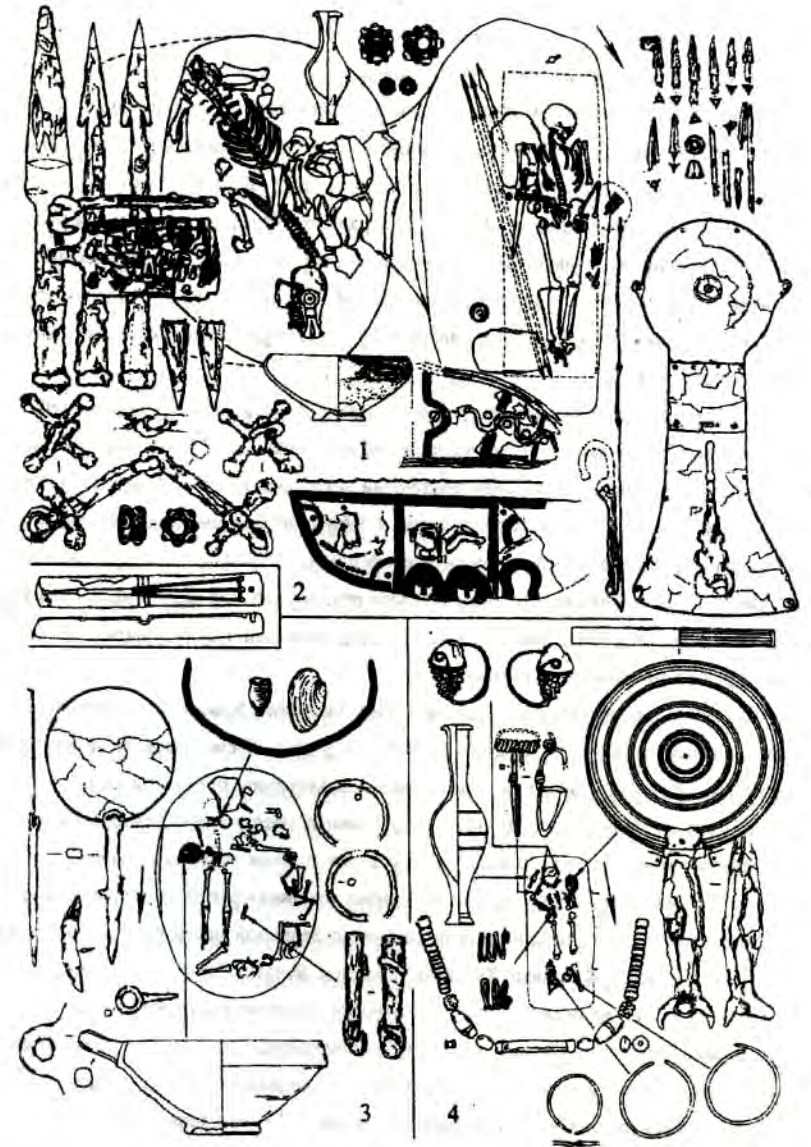

Рис. 2. 1— комплекс впускного погребения из кургана у с. Чистенькое; 2— литейная форма из ручки родосской амфоры для отливки налобника с крючком; 3— Восточный некрополь, комплекс № 57/1982; 4— Восточный некрополь, комплекс № 21/1957.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ САРМАТОВ В КРЫМ НА РУБЕЖЕ 1-2 вв. н. э.

Изучение Крымских древностей последних вв. до н.э. — первых вв. н.э. началось в 1827 г., когда на городище Керменчик, обычно отождествляемым с Неаполем письменных источников, А.П.Бларамбергом были сделаны первые случайные находки. Во второй пол. 19 в. было открыто еще несколько поселений: Чайка, Беяус, Кульчук, Караджи в Северо-Западном Крыму, Кермен-Кыр и Зуйское - в Центральном. Однако раскопки в дореволюционное время проводились только на Керменчике-Неаполе, преимущественно на некрополе. Накопленный археологический материал позволил Н.Л.Эрнсту в 1927 г. объединить его в единую "неапольскую" культуру, отождествленную с историческими скифами, и позднее названную позднескифской.

В послевоенные годы новый этап в изучении позднескифских древностей Крыма связан с работами Тавро-скифской экспедиции под руководством П.Н.Шульца. В конце 40-х - нач. 50-х гг. был открыт и исследован Восточный некрополь Неаполя Скифского. Там фиксировались два типа погребальных сооружений с забитыми камнем входными ямами: фунтовые склепы с многократными и подбойные могилы с одиночными захоронениями. Керменчик-Неаполь, как наиболее изученный из всех позднескифских памятников, стал эталонным для этой культуры, а изучение новых памятников позволило выделить в позднескифской культуре Крыма локальные варианты.

Первый из них составили могильники Юго-Западного Крыма (Заветинский, Красно-зоринский, Скалистинские II и III, Бельбекские I-IV и др.). Исследованные на них подбойные могилы с забитыми камнем входными ямами аналогичны раскопаным на Восточном некрополе Неаполя. Наличие других типов погребальных сооружений (плитовых могил, простых грунтовых ям, и ям с заплечиками) и отсутствие склепов позволило выделить перечисленные памятники в особый, юго-западный, вариант позднескифской культуры Крыма.

Во второй вариант вошли памятники Северо-Западной части полуострова с прилегающей с юга долиной р. Западный Булганак (Кульчук, Беяус, Кара-Тобе, Кольчугино). Основной тип погребений на некрополях — аналогичные неапольским грунтовые склепы с многократными захоронениями. Бедные, а часто и безинвентарные могилы, как правило детские, существенно отличаются от аналогичных гробниц Юго-Западного Крыма и Неаполя.

Различаются эти регионы и типами поселений. В Северо-Западном Крыму и долине р.Булганак это либо небольшие прибрежные городища, возникшие на местах греческих усадеб и окруженные стенами или валом, часто присыпанным к греческим стенам, либо "мысовые" городища на мысах с крутыми склонами, защищенные с напольной стороны стеной. В Юго-Западном Крыму - это окруженные стенами убежища без жилых построек с

примыкающими к ним селищами. Исключение здесь составляют "мысовые" городища Аль-ма-Кермен и Усть-Альма.

Между двумя группами памятников расположена группа переходных, таких как Усть-Альма и Неаполь Скифский, на некрополях которых исследованы погребальные сооружения, характерные для обоих регионов.

Анализ находок позволил установить хронологические рамки как всей культуры в целом, так и ее локальных вариантов. Памятники Северо-Западного Крыма датированы 2 в. до н.э. - 1 в. н.э. Время их заустения на рубеже 1-2 вв. н.э. определено достаточно точно по монетным находкам. Могильники Юго-Западного Крыма их исследователи И. И. Гущина И.А. Высотская, И.А. Богданова датировали концом 1 в. до н.э. - 3 в. н.э. Нижняя дата опирается на датировки некоторых групп краснолаковой керамики, прежде всего самосской, предложенные Т.Н.Книпович. Согласно этой схеме памятники обоих регионов сосуществовали ок. 100 лет.

Однако сравнение вещественных комплексов из памятников обоих регионов показывает их полное несоответствие. В Северо-Западном Крыму найдены фибулы среднелатенской схемы, "воинские", лучковые подвязные 1 варианта, ранние типы фибул-брошей, чернолаковая керамика, мегарские чаши, сосуды с барботинным орнаментом, ранние формы понтийской краснолаковой керамики и др. и нет поздних фибул с завитком и лучковых 2 и 3 вариантов.

Такого набора нет в наиболее ранних погребениях Юго-Западного Крыма и Неаполя Скифского, за исключением Усть-Альмы. Здесь представлены более поздние фибулы с ленточной спинкой и кнопкой или завитком на конце пластинчатого приемника, лучковые 2 и 3 вариантов основной серии, смычковые, лучковые "инкерманской" и "лебяжьинской" (вариант 2) серий, фибулы-броши с эмалью, самосская посуда, поздние формы понтийской краснолаковой керамики, ажурные подвески, браслеты с концами в форме змеиных головок и др. Находки однотипных вещей на памятниках обоих регионов единичны.

Таким образом, анализ инвентаря свидетельствует о разновременности двух локальных вариантов позднескифской культуры. Могильники Юго-Западного Крыма возникли, видимо, уже после заустения северо-западной части полуострова и долины р. Булганак. Поскольку последнее событие относится к рубежу 1-2 вв. н.э., можно предположить, что первые поселенцы проникли в юго-западную часть предгорий только в нач. 2 в. н.э. Учитывая совпадение двух дат, логично было бы связать освоение новой территории с переселением скифов, однако анализ археологических данных этого не подтверждает. Практически единовременное появление таких инноваций, как подбойные могилы, могилы с заплечиками и простые грунтовые ямы, использование в обряде кошмы, оружия сарматских типов, зеркал-

подвесок, браслетов с концами в форме змеиных головок, ажурных подвесок и др. указывают на сарматскую принадлежность пришельцев. Характерные для скифов многократные погребения в грунтовых склепах на могильниках, возникших в нач. 2 в. н.э. не фиксируются. Даже на давно существовавших некрополях (Неаполь Скифский, Усть-Альма) с рубежа 1-2 вв. н.э. используются только ранее существовавшие склепы, а сооружение новых практически прекращается. Все это свидетельствует о доминировании пришельцев над коренным скифским населением.

По целому ряду признаков крымские могильники, возникшие в нач. 2 в. н.э. наиболее близки сарматским захоронениям Волго-Донского междуречья 1 в. н.э. В них совпадают процентное соотношение различных типов погребальных сооружений, широкое распространение зеркал-подвесок, некоторые формы лепной посуды, преобладание импортной гончарной керамики над лепной и т.д. Кроме того, наиболее ранние крымские захоронения 2 в. н.э. имеют южную ориентировку, типичную для развитой прохоровской культуры Волго-Донского междуречья, связываемой с аорсами.

Считается, что не позднее середины 1 в. н.э. на этой территории распространяется диагональный обряд захоронения в квадратных ямах под индивидуальной насыпью. Ранняя дата его появления основана на датировках фибул и импортной металлической посуды, поскольку другие категории инвентаря (гончарная керамика, зеркала и др.) датируются шире - в пределах 1 - 2 вв. до н.э. Фибулы из самых ранних погребений - лучковые подвязные 2 и 3 вариантов, боспорские сильно профилированные, фибулы с пластинчатой спинкой и кнопкой или завитком на конце приемника,- традиционно датируются второй пол. 1 - 2 вв. н.э. Но все эти категории инвентаря в Крыму фиксируются только на памятниках северо-западной группы. Для обоснования ранней даты не может быть опорой и импортная металлическая посуда, поскольку исследователями уже неоднократно отмечался факт ее длительного, до 100 лет и более, использования сарматами.

Можно заключить, что в Волго-Донском междуречье диагональные погребения появляются лишь в нач. 2, а в 1 в. н.э. население оставившее их существовало только в Заволжье, куда северо-причерноморские фибулы не проникали.

В нач. 2 в. н.э. этнополитическая ситуация в сарматских степях резко меняется (Рис. 1). Из Средней Азии в степи Заволжья вторгается новая группа кочевников, что приводит к миграции сарматов на запад. Ранее занимавшие степи Заволжья носители диагонального обряда погребения, убедительно связываемые с аланами, вынуждены были откочевать в междуречье Волги и Дона, занятое аорсами. По-видимому, под их ударами племенной союз последних распадается, и часть входивших в него племен через Боспор вторгается в Крым. Перейдя на новом месте к оседлости, сарматы заимствуют у живших здесь ранее скифов неко-

торые обычаи, но в целом сохраняют особенности своей культуры. Используя для погребения своих соплеменников насыпи древних курганов (кург. у Братского кладбища в Севастополе, Мамай-Оба, Константиновка и др.), они одновременно закладывают и фунтовые могильники (Заветное, Красная Заря, Бельбек IV и др.).

О ФОРМИРОВАНИИ "ПРИЧЕРНОМОРСКОГО ГРАФИЧЕСКОГО СТИЛЯ» НА ФАЛАРАХ 2 - 1 вв. до н.э.

В сарматскую эпоху в материальной культуре восточноевропейских кочевников появляются наборы фаларов особого облика - серебряные с позолотой бляхи, в центре которых обычно помещен медальон с чеканным изображением. Среди них выделяются различные стилистические группы: фалары "ионийского" стиля (Рис. 1,1), подражающие "ионийским" изделия боспорских мастерских [Засецкая 1965, 34 (Рис. 1, 2)], "греко-бактрийские" [Тревер 1940 (Рис.1, 3)], фалары "причерноморского графического стиля" [Мордвинцева 1996, 10 сл. (Рис. 1, 4)].

К первым относятся фалары с изображением львов из Федуловского клада, нагрудное украшение из ст. Ахтанизовской и крупные фалары, найденные у ст. Успенской. Найденны они в Прикубанье, на Тамани и в низовьях Дона (Рис. 2, А) и датируются концом 3 - 2 вв. до н.э. [Берхин 1962, 37 сл.; Засецкая 1965; Кропоткин 1970, 21; Засецкая, Марченко 1995, 98 сл., Рис. 6, 4].

Фалары стиля, который можно назвать "боспорским", подражающие ионийским уздечным наборам, происходят с той же территории (Рис. 2, Б) и датируются тем же временем [Засецкая 1965, 34 сл.; Марченко 1996, 79].

Находки "греко-бактрийского" стиля группируются к востоку от Волги (Рис. 2, В) и датируются 2-1 вв. до н.э. [Тревер 1940, 50; Мордвинцева 1996, 12].

Фалары "причерноморского графического стиля", синхронные "греко-бактрийским", были отнесены К.В.Тревер [1940, 52 сл.] к изделиям Греко-Бактрии, однако недавний анализ стилистических и конструктивных особенностей фаларов из Причерноморья показал, что они составляют особую группу [Мордвинцева 1998, 64 сл.]. Они обнаружены в кладах, найденных, преимущественно, в Северном, Северо-Западном Причерноморье и Прикубанье (Рис. 2, Г) [Мордвинцева 1996, 13 сл.]. Таким образом, фалары двух последних стилей появляются в Восточной Европе примерно в одно и то же время, но на разных территориях, своеобразным рубежом между которыми служит Волга.

Изготовление фаларов, найденных к востоку от Волги, связывают обычно с греко-бактрийскими центрами [Тревер 1940; Treister 1999, 588 ff., 596]. Исторический контекст их появления у сарматов тоже сравнительно ясен [Скрипкин 1990].

Что же касается предметов "причерноморского графического стиля", то место их производства и этнокультурная атрибуция еще не вполне определены. Но прежде чем обратиться к этому, следует рассмотреть признаки данных вещей.

Всего к этой стилистической группе относятся 39 фаларов.

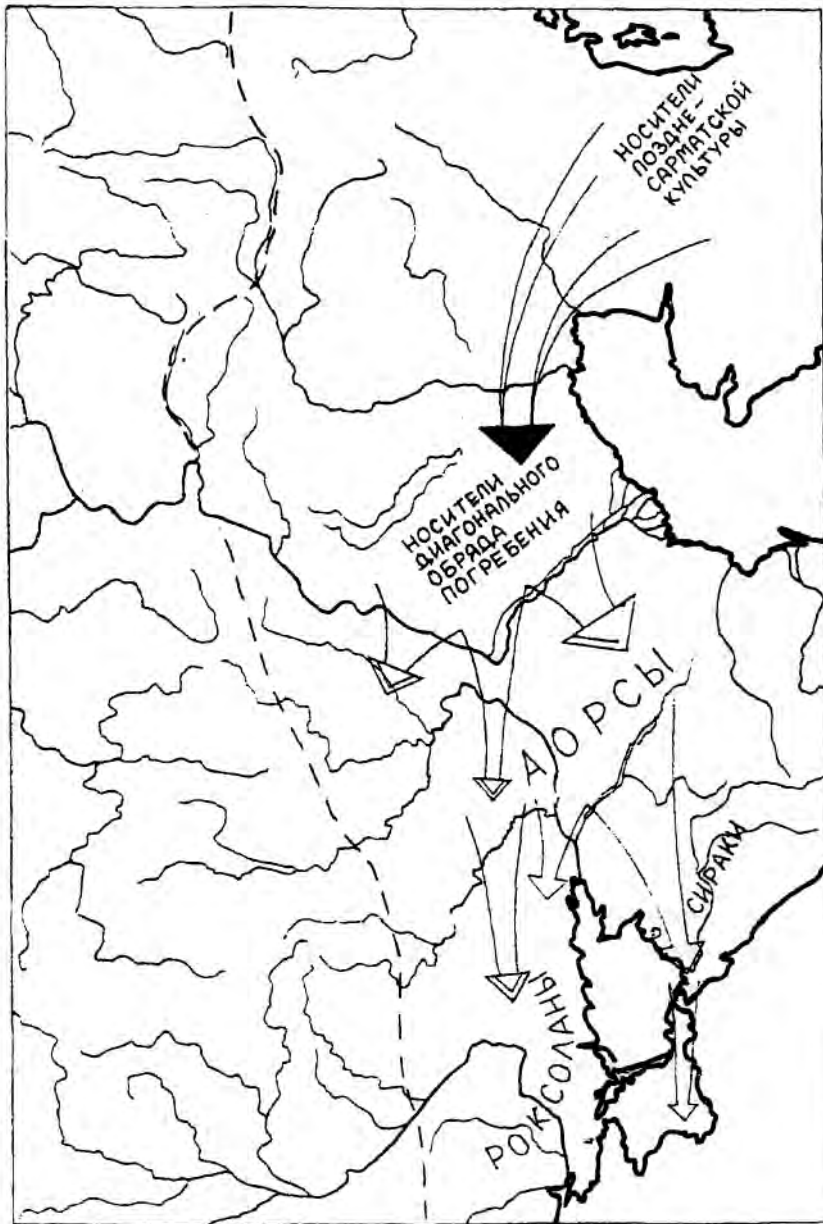

Рис.1. Миграции сарматов на рубеже 1-2 вв. н.э.

Форма их приближается к полусферической, изобразительное пространство организовано по принципу медальона, - центральное изображение окружено чередующимися полосами различных орнаментов, которые сами по себе играют значительную роль в построении изобразительного пространства вещи.

В центре помещаются преимущественно растительные композиции, либо головы людей или животных анфас (личины). Изредка встречаются профильные изображения и многофигурные композиции. Сильная выпуклость изделия сочетается с низким рельефом изображений, нюансы рельефа зачастую заменяются графическими приемами. Пропорции фигур обычно искажены; диспропорциональность дополняется грубостью и резкостью контуров и черт лиц персонажей.

Существует определенный набор элементов орнамента, помещаемых в стандартных сочетаниях. Наиболее популярны овы, зигзаг, бегущая волна, кружочки, листья аканфа и лотоса, одиночные и двойные полосы "веревочки", заполнение свободного пространства рядами точек. Элементы орнамента крупные, резкие, местами неровные.

Все фалары сделаны из кованого серебряного листа в технике выколотки по твердой модели, край оформлен в виде утолщения треугольной формы. После придания изделиям полусферической формы, изображения были доработаны графически различными инструментами, в т.ч. особыми штампами. Отдельные элементы композиции покрывались затем позолотой.

Карта распространения фаларов показывает, что, помимо вещей "причерноморского стиля", в Прикубанье и на Нижнем Дону были в употреблении фалары других стилистических групп - "ионийские" и "боспорские", появившиеся здесь раньше.

С интересующей нас группой предметов их связывают некоторые общие черты, указывающие на возможность их участия в формировании вещей нового стиля. Это, прежде всего, общий принцип композиции: в центре фалара часто помещается некая личина (Медуза Горгона, львиная морда) или же растительная розетка. Медальон на фаларах "ионийского" стиля тоже окружен богатыми растительными орнаментами. Выполнены эти предметы в технике выколотки рельефа, иногда сопровождающейся оформлением края в виде утолщения треугольной формы, что также объединяет их с изделиями "причерноморского графического стиля".

Некоторое сходство с "боспорскими" фаларами прослеживается в наборе таких элементов орнамента, как "веревочка" и "жемчужины" по краю.

Этим, пожалуй, и ограничивается близость сравниваемых групп изделий. Такие важные признаки, как полусферическая форма, низкий рельеф изображений, преобладание

пышных растительных розетт в центральном медальоне, обилие графических орнаментов - пока остаются без объяснения.

Почти все эти признаки характерны для так называемых мегарских чаш, пик распространения которых приходится как раз на 2-1 вв. до н.э., причем именно в этот период растительные орнаменты на них вытесняют все прочие.

Полусферический профиль для фаларов "причерноморского графического стиля", так сильно роднящий их с мегарскими чашами, выбран был, конечно, не случайно. При том, что такая форма упряжных блях, скорее всего, была достаточно неудобна в повседневном использовании, в данном случае значимым, видимо, было само воспроизведение внешнего вида, а, возможно, и идеи чаши.

О родстве идеи фалара и чаши можно судить хотя бы по тому, что известны случаи переделки сосудов в упряжные бляхи. Так, в качестве седельных фаларов были приспособлены блюда из 1 Прохоровского кургана [Мордвинцева 1996 а]. Позднее, в 1 в. н.э., в сарматских комплексах встречаются полусферические чаши, переделанные в нагрудные бляхи (Тросу 1986). По мнению Е.И.Беспалого, нагрудная бляха из кург. у п. Дачи могла использоваться и как фалар, и как чаша [Беспалый 1992]. Интересно, что в римской армии пешие воины награждались за особые заслуги фиалами, а конные - фаларами [Büttner 1957, 127, 144].

Имея между собой много общего, эти две группы вещей все же отличаются по стилю - на фаларах растительные розетты, и другие элементы декора изображаются иными средствами, чем на рельефной малоазийской керамике и серебряных сосудах [Oliver 1977]. Например, ряды ов, зигзага, бегущей волны и др., рельефные на мегарских чашах, показаны здесь с помощью особых пунсонов. Рельефные листья аканфа и лотоса становятся более плоскими, и украшаются графическими деталями. Все это свидетельствует, видимо, о какой-то самостоятельной изобразительной и производственной традиции. Причем, поскольку некоторые типы пунсонов для нанесения орнамента нигде, кроме Северного Причерноморья не встречаются, остается предположить, что сделаны они были там же. Скорее всего, вещи эти были изготовлены причерноморскими греками для степных варваров, что было традиционно: в мастерских городов Северного Причерноморья издавна изготавливались предметы из драгоценных металлов по заказу кочевников.

Подобную ситуацию мы наблюдаем и в предшествующее время: в богатых скифских курганах 4 в. до н.э. найден ряд предметов торевтики, выполненных причерноморскими мастерами для скифов. Среди них есть изделия, в некоторой мере сходные с вещами "причерноморского графического" стиля. Это серия сосудов сферической и полусферической формы (Куль-Оба, Воронежский, Гайманова Могила, Солоха) и так называемые "колпачки" (Передериева Могила) (Рис. 3).

Эта группа вещей обращает на себя внимание, прежде всего потому, что здесь рельефные изображения, также как и в случае с фаларами "причерноморского графического стиля", помещены на выпуклой поверхности. Этот признак объединяет две рассматриваемые группы материала по сходству пространственных, композиционных и технологических задач. На некоторых из этих предметов сделана частичная позолота, что создает эффект двуцветности. На сосудах и "колпачках" изображены композиции из антропоморфных фигур в сочетании с растительными и геометрическими орнаментами.

В отличие от фаларов, поверхность сосудов членится на фризы, один из которых отведен композиции из антропоморфных фигур. Нижняя часть сосудов, подобно дну чаш, расчерчена сильно стилизованным растительным орнаментом. Фриз с основной композицией отделен по верхнему и нижнему краям прочерченными полосами орнамента: ов, плетенки, лепестков, либо просто линий. Подобная композиция, в целом не свойственная фаларам "причерноморского, графического стиля", имеется на двух из них (Старобельск, Твардица (Рис. 4, 5), стоящих несколько особняком, и, возможно, наиболее ранних [Мордвинцева 1999]).

Тем не менее, определенное композиционное сходство между сравниваемыми группами материала, на наш взгляд, существует. Расчерченное стилизованными лепестками дно сосуда, при взгляде на него снизу, представляет собой некое подобие медальона, окруженного рядами геометрического орнамента. Тот факт, что некоторые из рассматриваемых сосудов круглодонные, усиливает их родство с чашами, и, соответственно, позволяет предполагать и некоторое композиционное сходство с фаларами.

В изображениях на сосудах местами графические приемы заменяют нюансы рельефа. Наиболее ярко это выражено в трактовке причесок, бород, а контуры тела ограничиваются прочерченной линией. При этом сам рельеф слабо разработан, что на разных вещах проявляется в различной степени. Иными словами, в греко-скифской торевице замена рельефа графическими приемами прослеживается только как тенденция.

И, наконец, скифские сосуды, отличаясь от чаш и фаларов большей сложностью формы, также сделаны в технике выколотки по твердой модели [Минасян 1997].

Объяснение родства столь мало похожих друг на друга предметов может быть объяснено, на наш взгляд, следующим. И те, и другие были сделаны причерноморскими греками для степных варваров. При этом описанные выше приемы изготовления обеих групп предметов позволяют сделать вывод о некоторой преемственности производственной традиции, которая могла сохраниться в городах Северного Причерноморья даже в условиях общего упадка культуры 3 - 1 вв. до н.э.

То есть сохраняется ситуация своеобразного диалога заказчика и мастера, взаимодействие которых и привело к созданию как тех, так и других вещей. Причем, несмотря на смену заказчика, мастер, видимо, в какой-то степени наследовал представления и приемы своих предшественников.

Однако остается группа предметов "причерноморского графического стиля", ряд черт которых прослеженными общими тенденциями не объясняется. Это налобные и нагрудные фалары Янчокракского и Таганрогского кладов и наплечные бляхи из Зубовского кургана (Рис. 4).

На одном из Янчокракских фаларов (Рис. 4, 1) изображено крылатое божество, форма головы которого традиционна для кельтского искусства [Jacobsthal 1969]. Позже этот признак был воспринят фракийской традицией. На той же бляхе совершенно отдельно от фигуры божества помещено изображение птицы, композиционно с ней не связанное. Четкость контуров крыльев и подробная разработка перьев обеих персонажей композиции сближает их с фракийскими изображениями (ср. кубок из Аджиголе и др.).

На другом фаларе этого набора (Рис. 4, 2) изображен сфинкс со щитом кельтского типа [Щукин 1994], передние конечности которого показаны в виде человеческих ног, а задние оканчиваются копытами. Аналогии этому мотиву есть на этрусских ситулах 6 в. до н.э. Сама же идея изображения крылатого монстра со щитом воплощена в греческой скульптуре сирены 6 в. до н.э. из собрания Ny Carlsberg Gliptotek, Копенгаген.

На налобной бляхе из Таганрогского клада (Рис. 4, 3) помещена протомы лошади. Особенности этого изображения является глаз, расположенный поперек головы, расширяющаяся морда с завитком на носу, направленное вперед и вверх ухо. Поперечное расположение глаза традиционно для кельто-фракийского искусства [Traci 1989, Nos. 125/3,8,10,11,15,16; 183/25; 208/4; L'Art Celtique 1990, 94]. Остальные признаки отмечаются также на украшениях этрусских ваз "буккеро" 6 в. до н.э., македонской терракоте 4 в. до н.э. и кельтских монетах с легендой KASIOS конца 2-1 вв. до н.э.

На фаларах Зубовского кургана изображена свастикаобразная композиция из четырех фигурок то ли птичек, то ли рыбок (Рис. 4, 4), совершенно аналогичная композиции, правда, из женских фигурок, найденной во Фракии [Traci 1989, No 158].

Зафиксированные на этих предметах "кельто-фракийские" признаки характеризуют руку мастера. Так, например, невозможно представить, что такое специфическое изображение глаза, как на таганрогском фаларе, было сделано иначе, как по привычке. То же можно сказать о форме головы божества, манере изображения черт его лица, крыльев, о трактовке фигуры птицы на фаларе из Янчокрака. Приходится предположить, что мастера, изготовив-

шие эти вещи, ко 2 в. до н.э. были, как минимум, знакомы с "кельто-фракийской" изобразительной и, возможно, даже производственной традициями.

Иные "кельто-фракийские" черты характеризуют запросы заказчика. Таковы, например, композиция на фаларе из Янчокрака, персонажи которой не связаны определенно выраженным действием, своеобразный сфинкс на другой янчокракской бляхе, свастикооб-разная композиция на зубовском фаларе. Отметим, что все перечисленные сюжеты очень архаичны и не имеют аналогий в изобразительном репертуаре того времени. Остальные сюжеты на фаларах "причерноморского графического стиля", хотя и не так ярко, выделяются из репертуара, существовавшего в то время в Северном Причерноморье.

Необходимо добавить, что на дако-фракийской территории найдены предметы близкие по стилю и по технике изготовления (способ золочения, утолщение краев путем ковки) северо-причерноморским. Это находки в Галиче, Серче, Хераштреу (Рис. 5). Кроме фаларов в таком же стиле выполнены фибулы-броши, кубки, чаши. Наиболее существенным различием этих двух групп является отсутствие особых инструментов для нанесения орнаментов на предметы дако-фракийской группы, что указывает на различные центры их изготовления [Мордвинцева 1998 а, 111].

К тому же и те, и другие фалары, относятся к одному типу упряжи, характерному также для кельто-римского конского снаряжения, что лишний раз свидетельствует о близости наших фаларов западному миру. Возможно, о том же могут говорить и обстоятельства их находки. Значительное большинство фаларов происходит не из погребений, а из насыпей курганов или естественных возвышенностей, - иначе говоря, из кладов, в которые также включены шлемы типа "Монтефортино" и бронзовая северо-италийская посуда эпохи позднего латена [Раев 1994]. Из кладов же происходит и основная часть дако-фракийских парадных упряжных наборов, тогда как фалары прочих стилистических групп и типов найдены в погребениях

Однако, перечисленные "кельто-фракийские" черты на фаларах "причерноморского графического стиля" не могут свидетельствовать о том, что они принадлежали именно кельтам или фракийцам. Одновременные им собственно кельтские вещи имеют другой облик, характеризуются иными как композиционными, так и стилистическими признаками (Ср., напр., выделенные Д.Алленом [1971] "кельтские" фалары из собрания Парижской Национальной библиотеки с надписью Митридата Евпатора, с о.Сарк, из Лейдена, Стара Загоры (Рис. б). На них помещены сложные сюжетные композиции или же одиночные профильные фигуры животных, вокруг медальона по краю нет рядов пышного орнамента. В трактовке фигур животных заметны признаки переднеазиатской традиции, причем графические прие-

мы используются преимущественно при орнаментальной разделке поверхности тел. Точки на фоне образуют не ряды, а более сложный орнамент, завитки и другие узоры.

Таким образом, хотя связь фаларов "причерноморского графического стиля" с кельто-фракийским миром и наблюдается, она не прямая. Полного сходства между предметами этих регионов нет, а выделенные общие признаки достаточно редки и заставляют обращаться к разновременным памятникам. Объяснение этого, возможно, лежит в исторических реалиях археологически мало известного 3 в. до н.э., являющегося переходным от скифской к сарматской эпохе в степях Северного Причерноморья.

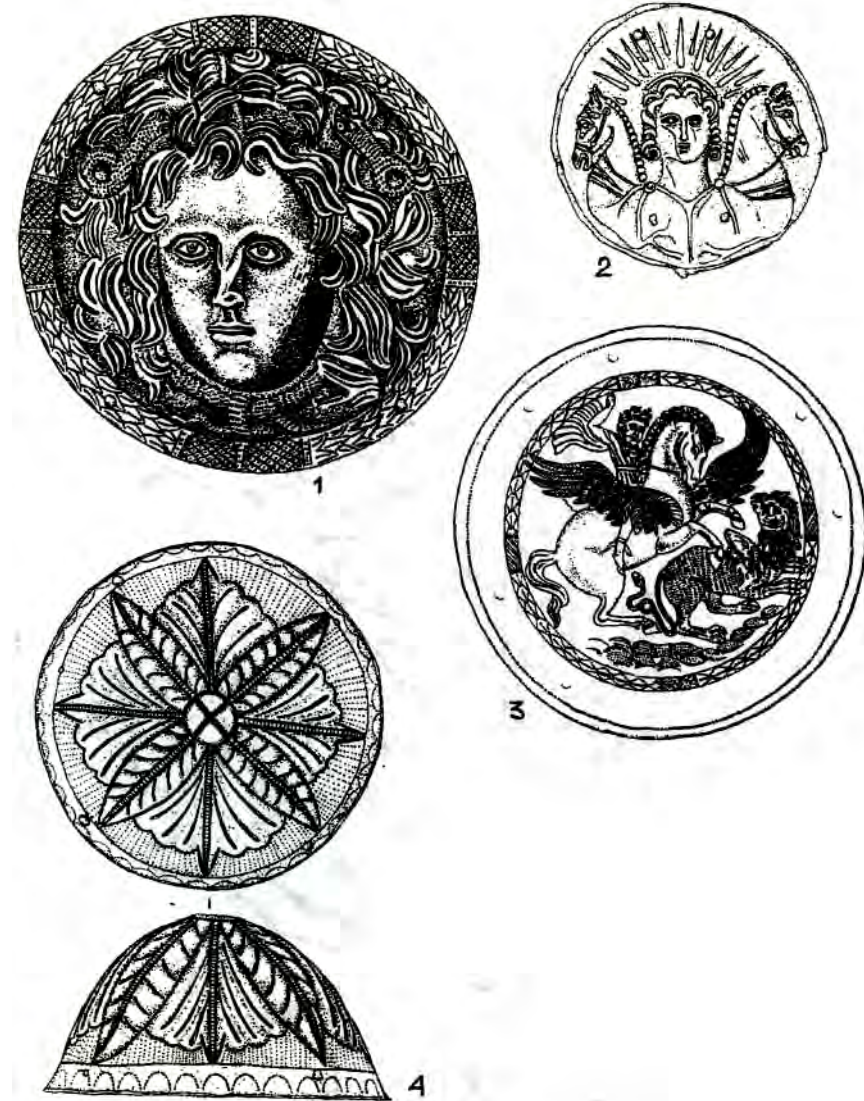
ЛИТЕРАТУРА

- Берхин 1962: Берхин И.П. О месте производства серебряных фаларов из "Федуловского клада" - СГЭ, вып. XXII.
- Беспальный Е. М. 1992: Беспальный Е.М. Курган сарматского времени у города Азова, - СА, №1.
- Гросу 1986: Гросу ВМ. Сарматское погребение в Поднестровье. - СА, №1.
- Засецкая 1965: Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада - АСГЭ, вып. 7.
- Засецкая, Марченко 1995: Засецкая И.П., Марченко ИМ. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. - АСГЭ, № 32.
- Кропоткин 1970: Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н.э.) - САМ, вып. Д1-27. М.
- Минасян 1996: Минасян Р.С. О способе изготовления металлических сосудов с рельефными изображениями в скифскую эпоху (кубок из "Частых" курганов). - В сб.: Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.
- Мордвинцева 1996: Мордвинцева ВМ. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в 3в. до н.э. - I пол. II в. н.э. - Автореф. дисс. кад. ист. наук. СПб.
- Мордвинцева 1996 а: Мордвинцева ВМ. О вторичном использовании ахеменидских блюд из I Прохоровского кургана - РА, №2.
- Мордвинцева 1998: Мордвинцева ВМ. О термине "Греко-бактрийский стиль". - Ювелирный стиль и материальная культура. ТД участников 5 коллоквиума. СПб.
- Мордвинцева 1998 а: Мордвинцева ВМ. О месте изготовления фаларов Янчокракского клада. - STRATUM + ПАВ. СПб.-Кишинев.
- Мордвинцева 1999: Мордвинцева ВМ. Старобельский клад. - Археологические вести. СПб.
- Скрипкин 1990: Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Тревер 1940: Тревер КВ. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л.
- Щукин 1994: Щукин МБ. От Индии до Ла-Манша. О фаларах греко-бактрийского типа, сарматах, химерах и политике Митридата Евпатора. В сб.: Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.
- Allen 1971: Allen D.F. The Stark Hoard. Oxford.

Buttner 1957: Buttner A. *Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen im römischen Heer.*- *Bormer Jahrbucher, H. 157. L'Art Celtique.* Flammarion, 1990. Jacobsthal 1969: Jacobsthal P. *Early Celtic Art.* Oxford.

Oliver 1977: Oliver A. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver.* Toledo, Ohio.

Raev 1994: Raev B.A. *Bronze Vessels of the Late La-Tene Period from Sarmatia.*- *Akten der 10. Tagung über alike Bronzen. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte im Baden-Württemberg 45.*

ис. 1. Стилистические группы фаларов 3–1 вв. до н.э. 1– ионийский (Ахтанизовская); 2– юспорский (Федулов); 3– “греко-бактрийский” (Володарка); 4– “причерноморский графический” (Янчокрак).

Рис. 2. Карта распространения различных групп фаларов.

■ - А- совместные находки фаларов ионийского и "боспорского" стилей; ■ - Б- фалары "боспорского" стиля; ● - В- фалары "греко-бактрийского" стиля; ▲ - Г- фалары "причерноморского графического" стиля; △ - Д- "дакийская" группа фаларов (по Д.Аллену); ◆ - Е- "кельтская" группа фаларов (по Д.Аллену).

1- Федулов; 2- Ахтанизовская; 3- Успенская; 4- Верхний; 5- Новоузенск; 6- Володарка; 7- Ишим; 8- Сидорова; 9- Сибирская коллекция Петра I; 10- Твардица; 11- Булаховка; 12- Янчокрак; 13- Балаклея; 14- Таганрог; 15- Новоджерелинская; 16- Сергеевская; 17- Кореновск; 18- Зубовский; 19- Жугово, к.27; 20- Кривая Лука; 21- Галиче; 22- Серче; 23- Херештреу; 24- Стара Загора; 25- Понт (Парижская Национальная библиотека); 26- Обераден; 27- Хельден; 28- Сарк.

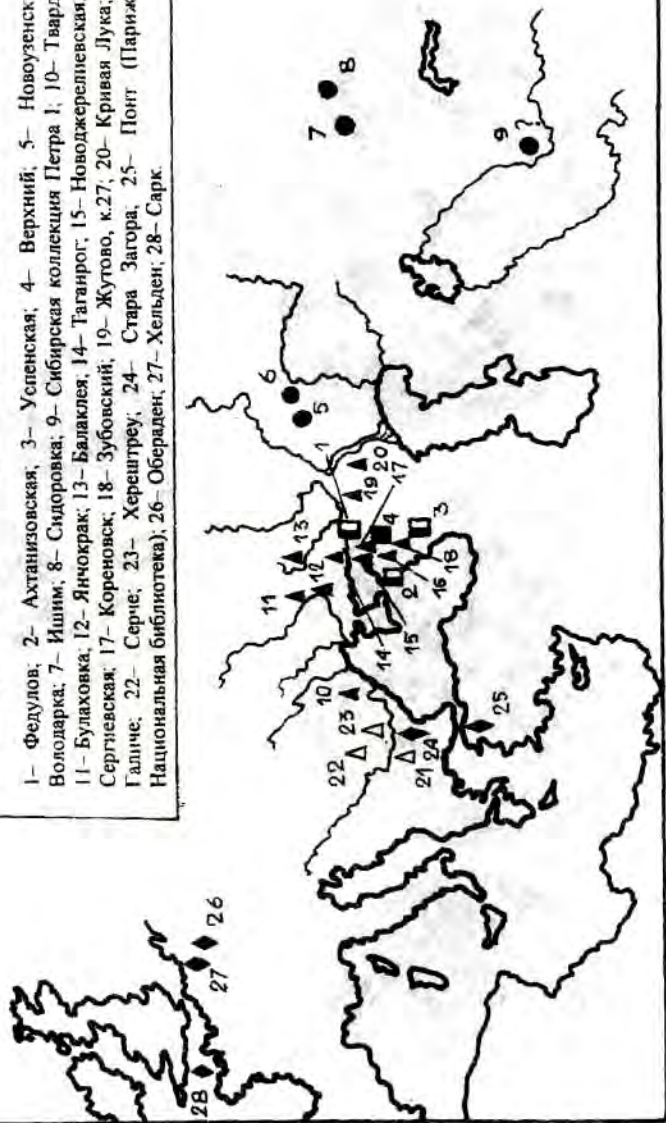

Рис. 3. Греко-скифские сосуды: 1- Куль-Оба; 2- Солоха

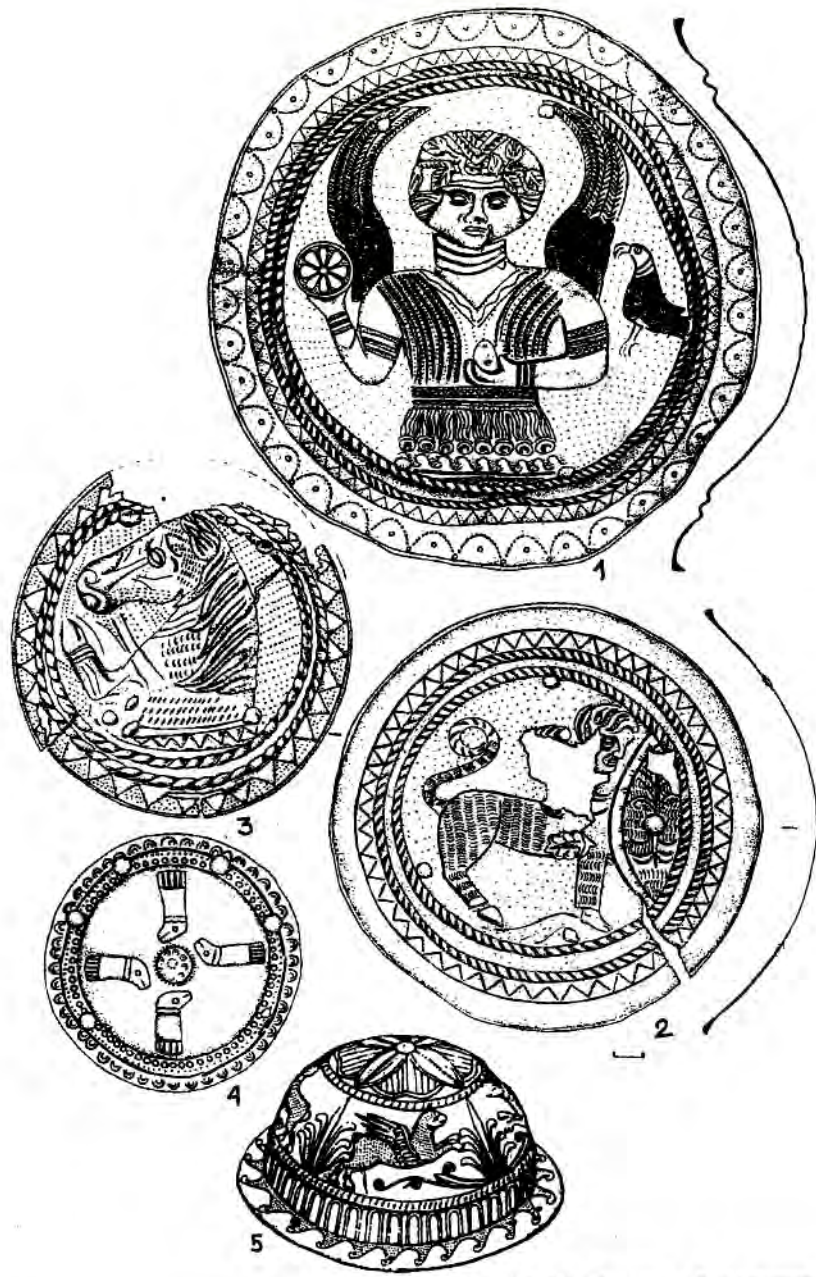

Рис. 4. Фалары "причерноморского графического стиля": 1,2- Янчокрак; 3- Таганрог; 4- Зубовский; 5- Твардица.

Рис.5. Изделия "дако-фракийской" группы: 1,3- Серче; 4- Херештреу; 5- Сынкрайени

САРМАТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Сведения о вторжении в Греко-Бактрию тохаров, сакарауков, асиев и пасиан из-за Яксарта позволили исследователям предположить участие в событиях и сарматских отрядов с севера. Действительно, Страбон говорит о приходе завоевателей из области саков за Яксартом, граничившей с областью согдианов. Однако следует учитывать, что Страбон, как и Птолемей (IV. 14.2), представлял Сыр-Дарью текущей сначала с юга на север, а потом поворачивающей на запад в Каспий. Страбон (XI, 1,4, VII, 4, VIII, 2,8, XI, 2) уточнял, что Яксарт отделяет согдийцев от номадов-саков, и эти народы всей своей территорией противостоят Индии, т.к. ее большая часть располагается вдоль Паропамиса. К бактрам же они развернуты меньшей частью. Таким образом, саки и согды, как у Птолемея и Плиния (VI, 48-50), расселены вдоль долготной линии Яксарта, а появившиеся племена пересекли Сырдарью с востока на запад, чем отрицается участие сарматов.

С аорсами связывают сведения о стране Яньцай, хотя лингвистическая сторона такой гипотезы достаточно уязвима [Teggard 1939]. Китайцы практически не различали Каспий и Арал, а первый мог объединяться со вторым и даже с Черным морем. Все это "морское пространство" бесконечно простиралось на север, соединяясь с Северным океаном, и столь же неопределенно удалялось на запад [Енокі 1955]. Но при употреблении китайцами понятия "западное море" оно всегда соотносится с Каспием, а далее на запад с Черным, Средиземным морями. Море возле Яньцай часто называется "озером/болотом" и "северным" именно по отношению к Кангюю, что позволяет говорить о смутных представлениях об отличие Арала, даже при его объединении с Каспием. В Яньцай росли хвойные деревья, ракитник, ковыль и белая трава. По Страбону (XI, VII, 4) за Яксартом росли ели, которых не было в верхней и восточной Азии. В 3 в. до н.э. - 1 в. н.э. наблюдалось повышенное обводнение аральского бассейна, когда реки представляли из себя тихие протоки со стоячими или медленно текущими водами с покрытыми камышом и тугаями берегами [Трошев 1993]. "Болотом/озером" легче представить Арал, а не Каспий.

Сведения о соседстве с Римом касаются не отдельно Яньцай, а группы из трех государств, самым западным из которых являлось Лю по среднему течению Волги [Зуев 1995]. Яньцай нельзя помещать в Северном Прикаспии, т.к. к северу от него должно находиться Янь. Непосредственное соседство Канполя на севере или северо-западе с Яньцай препятствует помещению последнего к северу или северо-западу от Арала. Такое соседство вопреки всем данным должно было поместить между странами Арал. Нельзя проводить маршрут от Канполя до Яньцай через 5 владений первого при отсутствии сведений об ориентировках и расстояниях от последних. Эти владения помещаются от Заравшана до Куван-Дарьи и Жан-

Рис. 6. 1,2- "Кельтские" фалары из коллекции Парижской Национальной библиотеки (1 с надписью Митридата VI Евпатора)

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ РАННИХ АЛАН В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ны-Дарьи, т.е. сами примыкают к Аралу. Для дороги между Кангюем и Яньцай остаются только заясаратские владения первого. Китайцы использовали наиболее известные караванные пути, обеспечивавшие максимальные удобства и безопасность. Именно таким и был путь вдоль Сырдарьи до ее низовий.

Столицы Давани гг. Эрши и Гуйшань более обосновано сопоставляют с городищем Мархамат и развалинами древнего Касана [Бернштам 1952; Заднепровский 1997]. Расстояние от Кангюя до Эрши определяется на СЗ 2000 ли [ШЦ, 123] или от Гуйшана на север 1510 ли [ШЦ, 95]. По трассе Ош - Джамбул, проложенной вдоль старой караванной дороги, 500 км. Вряд ли стоит вводить поправку в 20-30% [Боровкова 1989]. В горах для изменения маршрутов нет широких возможностей. Учитывая разницу между старой и современной дорогами Кашгар - Ош, непосредственно примыкающей к нашей дороге, в ~ 8% [Заднепровский 1997], можно предположить такое же уменьшение для горного участка до Джамбула. Далее маршрут пролегал вдоль Сырдарьи по малопересеченной местности, что также не дает оснований для значительных корректировок расстояний. С учетом поправок и ханьского ли (414 м) получим полное совпадение конечного пункта в районе 18 км трассы Тортколь - Староикан. Определение расстояния до Яньцай вновь в 2000 ли представляется достаточным условным, т.к. Чжан-Цянь впервые определял его в китайских мерах, а маршрут его путешествия свидетельствует о получении сведений о Яньцай из вторых рук. Позднее китайские посольства направлялись в Яньцай, и Ян Шыгоу уточнил, что Яньцай лежит к северу от Канпоя на 1000 ли. В таком случае Яньцай помещался на 27 км от Теренозека. Если взять танское ли (531 м), то Яньцай отодвинется на 42 км далее Джусалы. С учетом поправки остановимся в 3 км от современного Джалагаша. Таким образом, государство Яньцай следует локализовать к ЮВ от Арала, что подтверждается и другими сравнениями сведений китайских и западных источников [Зуев 1995].

Строя планы для третьей войны с Римом (66-63 гг. до н.э.), Митридат VI Евпатор продолжил политику привлечения в качестве союзников варварских племен Северного Причерноморья. Он обменялся подарками и заключил союзы с вождями народов вокруг Меотиды, скрепив их брачными узами (Аппиана, Митр, войны, 102). Известные археологические находки свидетельствуют об участии в кампаниях Митридата сарматов Нижнего Дона, Кубани и Центрального Предкавказья [Марченко 1996, 128 сл.; Раев, Яценко 1993, 117; Берлизов, Еременко 1998, 26 сл.], под которыми, прежде всего, следует понимать сираков и аорсов. На территории проживания первых в Прикубанье выделяются памятники зубовско-воздвиженской группы, принадлежащей, как полагают, родственному сиракам населению [Березовская 1989, 82 сл.]. Его осторожно сопоставляли с аланами и событиями 65 г. до н.э. [Щукин 1993, 112 сл.]. На основании анализа части памятников группы и близких им погребений на Нижнем Дону и в Поволжье, было предложено связать их с мигрантами из Центральной Азии, которые принесли юэчжийские и саяно-алтайские элементы культуры и были интегрированы в сиракский союз. Их участие в событиях оказалось отмечено в произведениях Аннея Лукана, Валерия Флакка и Аммиана Марцеллина, указывающих на алан. Не исключается вовлеченность в события и других, более мелких ираноязычных племен, например кочевавших у устья Кубани аспургиан [Раев, Яценко 1993; Раев 1994, 24]. Данное предположение было скептически встречено некоторыми исследователями. Критика археологического аспекта аланской атрибуции памятников [Берлизов 1993, 10] уже рассматривалась [Раев 1998, 71ff.]. Другие возражения [Сергацков 1998, 45], отражающие известные сомнения в корректности приводимых источников фактов [Абрамова 1993, 171, 175], нуждаются в особом разборе.

Анней Лукан ("Фарсалия", VIII, 215-255) приписывает речи Гнея Помпея к Дейотару слова: "... если я в то время, как стремился к Каспийским запорам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов ...". Кроме указания на столкновение Помпея с аланами в Закавказье, мы имеем дело с одним из первых упоминаний аланов в западных источниках вообще. Это фраза философа Аннея Сенеки, дяди поэта: "Истр, представляющий путь к бугству диким аланам" ("Вестник", 630). Эта же фраза в несколько измененном виде звучит в произведении Лукана (II, 45-55), как жалоба римских воинов: "... пусть не связывает массагета скифский Истр... ". Таким образом, мы сталкиваемся с первым отождествлением алан со среднеазиатскими массагетами, которое будет повторено Дионом Кассием ("Римская история", LXIX, 15,1) и Аммианом Марцелином ("Деяния", XXIII, 5,16). Причем оба автора говорят о закавказских походах алан, а второе событие относится как раз к собы-

тиям 65 г. до н.э. Такое отождествление алан с массагетами не позволяет видеть в последних появившихся в середине 2 в. н.э. поздних сарматов [Яценко 1993, 85]. Оно продолжало сказываться спустя столетия. Так, Аммиан Марцеллин (XXXI, 3,1) говорит о разгроме гуннами алан-танаитов, а Евсевий Иероним ("Письмо 77. К океану", 8) указывает на вторжение гуннов в Закавказье "... от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов..." через Дарьял [Гаглойти 1966,77 сл.].

Предполагается [Кузнецов 1992, 29], что под именем масаков (мазамаки/мазакаси/мазакаки) массагетов на Северном Кавказе упоминает Плиний (VI, 21). Этот народ помещается после напров, эседонов и колхов вместе с камаками, оранами, автаками, кантиокаптами и агаматами/асгаматами. Уже соседство двух групп позволяет помещать масаков на СЗ Кавказе. В непосредственном окружении племени фигурируют камаки, чье название сопоставимо с "крытыми лодками" - "камарами", на которых ахейцы, зихи и гениохи совершали морские набеги (Страбон, XI, II, 12). В "кантиокаптах" предполагают слияние названий кантиков и сапеев, помещаемых Плинием (VI, 22) на Охари, отождествляемом с Ахардеем (Страбон, XI, V, 8), т.е. Манычем или, вероятнее, Кубанью. Агаматы сопоставимы с яксаматами Птолемея (V, 8,16) на Танаисе. Возможно, в оранах следует видеть искаженное название ариев-алан. Наиболее близко к имени автаков у самого Плиния (VI, 50) стоит имя астаков/астоков, помещаемых в Закаспии рядом с эседонами. Они сопоставимы с асиями, вместе с тохарами захватившими Греко-Бактрию (Страбон XL, XII, 8), и асеями Птолемея [V, 8, 16] к востоку от Танаиса. Где-то здесь Плиний [VI, 19] помещает и мессениан, сравнимых с массаеями Птолемея (VI, 14) в "*Scythia intra Imaum Montem*" и упомянутыми асеями.

Сенека и Лукан говорят о совершаемых за Дунай рейдах алан-массагетов, но никоим образом не указывают, как и Валерий Марциал ("14 книг эпиграмм", VII, 30,6), на их расселение возле Дуная. Пояснения "Разных схолий" (МП, 223), что аланы были племенем за Дунаем и названы по р. Алана, явно отражают более позднее расселение части алан, соответствуя средневековому названию р.Прут "Аланская река". Лукан (III, 266-283), повествуя о воинах Помпея, наоборот помещает эседонов, аримаспов, атриев и массагетов возле Меотиды, что соответствует сведениям Аппиана о союзниках Митридата. В "Разных схолиях" (III, 283) массагеты прямо противопоставляются сарматам и помещаются в "отдаленной Германии", т.е. Сарматии. Указание же на бывшую войну массагетов с сарматами (Лукан, III, 283; "Разные схолии", III, 283) может соотноситься с информацией Аммиана Марцеллина (XXXI, 2,13) о долгой борьбе аланов с соседними народами.

Возле Танаиса и Меотиды помещал алан Иосиф Флавий ("О войне иудейской", V, 7,4) и, предположительно, Амвросий Медиоланский ("О разрушении Иерусалима", V, 1). В большинстве греческих вариантов древних рукописей "Иудейских древностей" во фрагменте

XVIII, 4, 96-100 называются аланы, а в латинском 4 в. н.э. - скифы, что является поздней интерполяцией. В первой же работе иудейского историка отмечено, что "... племя аланов есть часть скифов...". Флавий ("Иудейские древности", I, 6, 122, 126; "О войне иудейской", VII, 4,3) называет скифов потомками Магога, что явно отделяет их от сарматов, но потом признает сарматов частью скифов. По контексту, в последнем случае речь идет о племенах Приду-навья. Другим автором, отмечавшим скифов-алан за Меотидой, был Птолемей (III, 5,7). Он же отмечает алан-скифов и аланорсов в "*Scythia intra Imaum Montem*", простиравшейся от Волги до Алтая и Тянь-Шаня. Следовательно, аланы-скифы были выходцами из "Азиатской Скифии", что не противоречит их массагетской идентификации. Вообще противопоставление в исторической науке алан-скифов и алан-массагетов представляется проблематичным. Т.А.Габуев [1996] считает, что аланорсы локализируются возле СЗ оконечности Тянь-Шаня, т.е. на землях Канпо, а их присутствие здесь сопоставимо с завоеванием Канпоем Яньцай и переименованием государства в Аланья. Однако по карте следует разделить земли Канпо и аланорсов (Яньцай?). Видимо, отождествляются с аланами скифы и в "Тактике" Флавия Арриана. Однако информация источника отличается во многом смутными представлениями об аланах, скифах и савроматах, делая его сомнительным при этнической идентификации алан.

Вместе с массагетами у Лукана фигурируют арии, чье название прямо сопоставимо с основой этнонаименования алан. Согласно Птолемею (IV, 8,17-25), некие арихи локализируются между астураканами (аспургиане) и синдами. Страбон (XI,II, II) включает аррехов вместе с аспургианами в число меотских племен. Отмечает арихов/аринхов среди тавров Аммиан Марцеллин (XXII, 8,33). Возможно, в окончании названия племени присутствует суффиксальная морфема адыгских языков "хэ". Собственно иранское название отмечает Плиний (IV, 41), фиксируя возле Дуная аррейских сарматов, или арреатов, где *-та* служит показателем множественного числа [Harmatta 1970, 29]. Птолемей (VI, 14,1,4) помещал возле Яксарта, наряду с ятиями и тохарами, ариаков (иран. суфф. *-ака*), в СЗ Причерноморье Плиний (V, 82) и Помпоний Мела ("Землеописание", II, 7) фиксирует племя и реку Асиак. Арри-ан ("Перипл Понта Евксинского", 31) упоминает "гавань исиаков". Юлий Солин (XIV, 14) называет их асиатами, повторяя иранскую конструкцию названия арреатов к западу от ариаков и аорсов размещал асиотов Птолемей (VI, 14). К северу от Яксарта ему были известны иасты. Эти наблюдения, возможно, следует сопоставить с упомянутыми выше оранами и автаками Плиния, а исиаки Арриана напоминают об иссах Плиния (VI, 22), перешедших Тана-ис с Тагорами. Тогда под иссами (иасты?) следовало бы подразумевать первое упоминание юэчжей-асиев или усуней в Восточной Европе.

Нахождение ариев возле Дуная и Меотиды сопоставимо со сведениями Лукана (III, 199-200) о "варварской Конне" в низовьях Дуная, которая по "Разным схолиям" (II, 200) была

и в отдаленных частях Европы, т.е. возле Дона. Ее нельзя прямо соотносить с Канпоем [Мацулевич 1947, 127; Скрипкин 1992, 41], что не исключает из рассмотрения проблемы продолжения на западе в лице ареатов и Кона связи алан и Кангюя. Кроме Плиния никто не отмечает ареатов на Дунае, Кона которой включалась Луканом в число союзников Помпея. Возможно, увязывание с сарматской землей и послужило при причиной "поселения" там Плинием ариев, тогда как арии-аланы и их Кона находились в Приазовье.

Показательно, что они были соседями аспургиан (Страбон, XII, III, 29; Элий Героди-ан, VII, 180; Птолемей V, 8,17; Стефан Византийский, Певтенгерова карта X чье участие в войне 65 г. до н.э. также предполагается. По Страбону (X, II, 11), аспургиане расселились на земле синдов. Его сведения интересно сравнить с рассказом Лукиана Самосатского ("Токсарид, или дружба", 51-55) о междоусобной войне за боспорский престол с участием скифов, савроматов и алан. По ее окончанию аланы обязались перед Боспором подчинить синдов. В.В.Латышев [1909, 93] отметил, что, хотя в рассказе имена царей и созвучны именам Спартокидов, но сами события относятся к периоду появления в регионе алан. Примечательно, что если у Страбона земля синдов отходит аспургианам, то у Лукиана Самосатского покорением синдов занялись аланы, т.е. на месте аспургиан оказываются аланы. Возможно, прав был Ю.М Десятников [1974, 158], связавший разрушение северо-причерноморских городов в конце 2 в. до н.э. и возникновение новых приемов строительства с появившимися в регионе тохарами, к которым он предположительно относил и аспургиан, пришедших в Восточную Европу в указанный период с первой волной алан. С аспургианами был тесно связан боспорский царь Аспург. Тамгообразные знаки его династии более свидетельствуют об аланском, а не сарматском происхождении хозяев. Отец Аспурга Аеандр некогда был этнархом (Псевдо-Лукиан, 17), т.е. руководителем племени/племен или царских земель, где и появляются аспургиане, чьи начальники войдут в число высших магистратов государства. Он правил до 17/16 гг. до н.э., прожив 93 года (Дион Кассий, LIV, 24,4). Следовательно, его родители должны были жить здесь в конце 2 - нач. 1 вв. до н.э.

Другим обитателем региона Лукан называет мифический народ аримаспов, с которым древние связывали легенды о борьбе с грифонами. По давней традиции, известной еще Гелланику и зафиксированной позднее Страбоном (XI, V, 2), в Европе к северу от Сиваша и Меотиды жили савроматы, исседоны, аримаспы и гипербореи возле Океана. Данная "лестница" или ее "ступени" фиксируются еще у Аристея, Гекатея, Геродота и Дамаста. Причем в ее основании они все помещают скифов, а не савроматов. Если признать, что Гелланик отразил историю, произошедшую вскоре после отмеченной его современником Геродотом, то Дамаст Сигейский был не только современником обоих, но и учеником Гелланика.

Для Аристея границей Европы и Азии служил Фасис, тогда как Гелланик принимал за нее Танаис, что и вело к "смещению" всех народов в Европейскую Скифию.

Большинство современных исследователей связывают легенду о грифонах с золотоносным Алтаем [Доватур, Каллистов, Шишова 1983, 257]. Во многих курганах скифского времени Саяно-Алтая найдены пробитые черепа людей и животных, что сопоставляется с чеканами с изображениями голов хищной птицы татарской культуры и сказкой, записанной в СЗ Монголии, о коршуне, некогда имевшем от неба силу и власть пробивать черепа людей и есть их мозги [Куручкин, Субботин 1993, 60 сл.]. С легендами о грифонах связывают погребальные традиции тувинцев [Турсунов 1975, 42 сл.]. Р. Кристингер [1961, 10] сопоставил легенды об аримаспах с наскальными изображениями и каменными изваяниями трехглазых существ андроновской культуры Минусинской котловины. Решение нашло свое продолжение в разработках Д. А. Мачинского [1989, 20 сл.; 1993, 3 сл., 23]. В Минусинской котловине отмечаются погребенные со следами посмертной трепанации черепов, которые моделировались глиной и обмазывались гипсом. Гипсовые "головы" считаются предшественниками таштыкских масок [Пшеницына 1975, 44 сл.], на которых татуировка воспроизводит спиральные завитки или концентрические окружности примерно в той части лба, где на окуневских стелах располагался "третий глаз". Примечательно, что с движением юэчжей хронологически совпадает прекращение функционирования татарских поселений.

Видимо, вместе с ними в Приазовье попадают соответствующие легенды, что отразилось в западных источниках в виде представлений о реальном народе. Плиний (IV, 82) свидетельствует об аримаспах на Северном Кавказе, что отмечает и Валерий Флакк ("Аргонавтики 8 книг", VI, 130), ставя аримаспов рядом с микеями и кессейцами, которые сопоставимы с мехлессом (Птолемей, V, 9,6) в Колхиде и Киссейскими горами (Плиний, VI, 21), скорее всего, СВ отрогами Кавказа. Аммиан Марцеллин (XXIII, 6,13) помещает аримаспов рядом с кадусиями, соседями албанцев (Страбон, XI, VI, 1). Псевдо-Орфей ("Поход аргонавтов", 1055-1082) говорит о богатом народе аримаспах, живущих вокруг Меотийского озера, впервые фиксируя алан где-то в Европе. С легендами об аримаспах связаны многие страницы Нартского эпоса осетин, в частности появление образа одноглазого уаига. Они позволяют говорить о двух этапах их появления, которые находят практически аналогичную друг другу в истории цепочку передвижения азиатских народов при сравнении сведений Геродота и более поздних китайских источников, начинающуюся с аримаспов и юэчжей-тохар. Появление образа одноглазого уаига связывают с традицией сарматов-исседонов, но приводимые наблюдения [Клейн 1976, 228 сл.] подтверждают приведенное выше решение и отражают аланский этап истории.

Рядом с аримаспами древние источники обычно помещали и исседонов, от которых, по Геродоту, и стали известны сведения об аримасапах и грифонах. Возможно, с их западной миграцией связано упоминание Плинием Старшим (IV, 88; VI, 20) эседонов от Бука (Сиваш) выше Меотиды и в горах до колхов. На Кавказе помещал их Помпоний Мела (I, 115). Соответствующую локализацию дает и Валерий Флакк: "... явившийся слишком поздно Ибер и исседонские фаланги, не участвуя в сражении...", описывая, как полагают [Гаглойти 1995, 50], закавказский поход алан 35 г.

Как мы видим, несмотря на известные поэтические вольности в произведении Лукана, его представления об участниках войны 65 г. до н.э. исторически достаточно конкретны и объективны. Причем, они вполне соответствуют отмечаемым восточным инновациям в материалах зубовско-воздвиженской группы. Их связь с культурами юэчжей и Саяно-Алтая напоминает о заключениях исследователей, что за юэчжами и пазырыкцами скрываются массагеты [Епоки 1959; Зуев 1974], хорошо знакомые Лукану. Возможно, и помещение Птолемеем соседей аримаспов исседонов в Средней Азии, объясняемое использованием его информатором Мариусом Тирским иранского перевода китайского путеводителя по Восточному Туркестану, где "юэчжи", якобы ошибочно переведены как массагеты [Шилов 1983, 40], диктовалось данными наблюдениями. Мариус Тирский пользовался информацией сирийского купца Маеса Титиана, чьи посланцы посещали Восточный Туркестан. Привлечение последним перевода китайского путеводителя достаточно сомнительно [Томсон 1953, 431]. Решение о появлении тогда тохаров-юэчжей в Восточной Европе представляется вполне вероятным [Ту-аллагов 1998]. Интересно, что Страбон (XI, VII, 4), Плиний (VI, 48-50), Птолемей (VI, 14,2), продолжая традицию Эратосфена и Патрокла, считали Яксарт/Сырдарью впадающей в Каспий. По Ф.Тагарду [1939, 196], Птолемей идентифицировал Яксарт с Эмбой, что делает понятным помещение аорсов на Яксарте (Птолемей, VI, 14), у которого расселяются тохары и ятии (Птолемей, VI, 11,12), тождественные юэчжам (Ywati) [Pulleyblank 1966, 22]. Интересно, что и Плиний [VI, 48,50] неожиданно помещает возле Бактрии эседонов и аорсов вместе с северокавказскими гелами. Отождествление появившихся в Восточной Европе алан с массагетами может указывать и на проход восточных мигрантов через земли массагетов, чьи западные границы приближались к Эмбе. Многокомпонентная волна "восточных мигрантов", в которой выделяются тохары-юэчжи, могла включать в свой состав и самих массагетов. Они прежде всего и были отмечены западными авторами, опиравшимися на знания о народе и местах его обитания в Азии. Такое развитие событий лишнее раз отмечает и этническое различие ранних алан и сарматов.

Нет никаких оснований полагать, что Лукан смешал названия "аланы" и "албаны", или предпочитать в рукописи Лукана чтение "албаны" вместо "аланы" [Браунд 1996, 171]

Если аланы стали известны только в середине 1 в. н.э., то даже поэму не украсил бы их "перенос" на сто лет назад. Пояснение же "Разных схолий" (VIII, 223), что прозвание алан "вечно воинственными" говорит о их долгом сопротивлении Риму, указывает на давние сведения о народе к моменту написания поэмы. Точно так Амвросий Медиоланский отмечает долгую неизвестность аланов, совершивших поход 72 г. н.э., из-за их расселения среди других неукротимых племен, живших в труднопроходимых областях. Упоминание Лукана, что Помпей стремился к Каспийскому проходу, преследуя врага, могло относиться к пришедшим с севера кочевникам, а не албанам, которые в таком случае покидали свою страну.

Другое поэтическое сообщение оставил Валерий Флакк (VI, 40-45): "Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам, и свирепых генихов. Увы, он не знал... какой ужас предстоял ахейским городам...". Этногеографическое окружение алан вполне справедливо рассматривается как указание на их приход из северо-западных регионов Кавказа. Вероятно, сведения восходят к источнику Плиния [Ростовцев 1925, 60]. Последний, даже без учета приведенных наблюдений, в своем перечислении народов ставит алан и роксалан дальше всех от Истра (Плиний, IV, 80), видимо, к востоку от Днепра, возле Меотиды [Симоненко 1992, 160 сл.], совмещая при этом сведения о Южном Буге и Кубани [Скржинская 1977, 25 сл.]. Отрицать же корректность информации Валерия Флакка только на основании специфики жанра его произведения нельзя. Поэма оказалась достаточно информативной при реконструкции скифской генеалогической легенды и аланского похода в Закавказье 35 г. н.э., что свидетельствует о тщательности отбора сведений ее автором.

Развитию событий у Лукана вполне соответствует сообщение Аммиана Марцеллина (XXIII, 5,16), которое он передает в обращении императора Юлиана к войску: "... не говоря уже о ... Помпее, который, пройдя земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийские озера..." Как мы видели, Аммиан Марцеллин, видимо, часто основывается на сведениях своего предшественника. Но если Лукан говорит о следовании Помпея по земле Албании, то Аммиан приписывает ему вторжение во владения массагетов. Речь должна идти о аланах-массагетах СВ Кавказа, которых особенно часто упоминали позднее армянские источники.

Неоднократно указывалось, что другие авторы, описывающие поход Помпея, говорят только о его столкновениях с албанами и иберами. Кроме того, по сообщению Плутарха (XXXVI), Помпей не дошел до Каспия трех переходов из-за ядовитых пресмыкающихся. Причина кажется не совсем понятной, т.к. события происходили в декабре, после Кроний/Сатурналий 17 декабря, когда активность ядовитых гадов прекращается. Сами же столкновения с албанами происходили в СЗ Албании (Плутарх, XXXIX-XXXV; Аппиан, 103; Ди-

он Кассий, XXXVI-XXXVII; Страбон, XI, III, 5). О меотийских союзниках Митридата сообщает только Аппиан. Но Митридат уже вернулся на Боспор через Колхиду, и рассмотрение последующего столкновения Помпей с албанским царем Орисом никак не решает проблемы участия этих алан. Они могли сопровождать только самого Митридата, как союзники из числа меотийских правителей Аппиана, о чем говорят и данные археологии. Да и Валерий Флакк не считает своих алан союзниками албанов,

Аппиан, Плутарх, Дион Кассий сообщают, что противостояние римлян и албанов происходило на Куре, Иори и Алазани. Плиний (VI, 39) называет Куру, под которой следует понимать ее верховья (Страбон, XI, III, 2), границей между Арменией, Иберией и Албанией. Помпеи двигался по албанской земле, но, как сообщает Дион Кассий (XXVII, 3-4), местное население добровольно снабжало армию продуктами, т.е. албаны не воевали с Помпеем. И Алиев [1975, 150 сл.] на основании анализа письменных и археологических данных полагает, что римляне столкнулись не с самими албанами, а с ираноязычными кочевниками, издавна игравшими важную роль на северных границах Закавказских государств, а теперь выступили под предводительством брата албанского царя Косиса.

Плутарх, Аппиан и Дион Кассий называют в числе союзников Ориса/Ороза, жившего севернее Куры, или Косиса амазонок. Их "появление" могло диктоваться представлениями римлян о легендарном народе. Исследователи не исключают, что в определенных случаях за ними могли скрываться и какие-то сарматские племена. Страбон (XI, III, 3; IV, 5) замечает, что горные (северные) иберы и албаны состояли в родстве со скифами и сарматами, имея с ними много общего в обычаях и получая от них военную помощь в случае "войны с чужеземцами". Из области северных кочевников через Дарьял шла дорога. Здесь же по соседству с легами и гелами или гаргарейцами жили амазонки (Страбон XI, V, 1), о чем сообщил Феофан Митиленский, сопровождавший Помпея в походе, а также Метродор Скепсийский и Гипсикрат. Эту же локализацию повторяет Плутарх.

Изложенные факты позволяют предполагать, что Помпей действительно столкнулся на СЗ Албании с ираноязычными кочевниками. Часть их могла прийти, например, с Северного Кавказа через Дербентский проход, т.к. зимой путь через Дарьял недоступен. Отсюда они двинулись навстречу Помпею, а после поражения этим же путем должны были уходить. Их действия в регионе, история которого тесно связана с ираноязычным кочевым населением, могли повлиять на утверждение о проходе Помпея по территории массагетов. Не исключено, что они, поддержанные какими-то меотийскими контингентами алан, действовали в русле политики Митридата. Но в момент столкновения Помпея с закавказскими государствами основную роль играли другие аланские объединения. Здесь в первую очередь следует отметить известные представления о тесной "связи" страны массагетов СВ Кавказа с Ама-

зонками [Еремян 1967]. Это затрагивает дискуссионную проблему о появлении алан, например, в лице юэчжей-тохаров, в Центральном Предкавказье и на западном побережье Каспия.

В решении вопроса о появлении алан в Восточной Европе особый интерес представляет информация Страбона. Его карту относят к концу 3 - нач. 2 или к концу 2 в. н.э. [Ростовцев 1914]. Вторая датировка представляется более убедительной [Мачинский 1974]. Интересно, что (II, V, 7; IV, 31; XI, III, 3; VI, 2; VIII, 8) упоминает между Меотидой и Каспием, а также на равнинах Центрального Предкавказья "скифов". Д. А. Мачинский [1974, 126], обратив внимание на причисление к скифам роксалан, считает, что "скифами" в источнике называются крымские кочевники и народы, живущие к востоку от Каспия. В причерноморских степях к ним причисляются только роксаланы, противопоставляемые сарматам, что может указывать на закаспийское происхождение первых. Для населения между Доном и Каспием отмечается особый термин, выступающий в нескольких близких вариантах: "сарматы и скифы", "сарматы, или/тоже скифы". А.В.Симоненко [1993, 109] считает использование термина "скифы" достаточно условным, поскольку к востоку от Дона каких-либо скифов нет.

Действительно, у Страбона термин "скифы" употребляется в различных значениях. Он используется для обозначения древних скифов Северного Причерноморья (Страбон, II, 21; VII, VIII, 7-8; VI, 3; XI, II, 5; XII, III, 26; XIII, I, 22) и их потомков в лице позднескифского населения Крыма, с которым столкнулся Митридат Евпатор (Страбон, VII, IV, 3, 7). Географ отмечает его использование древними для обозначения жителей северных стран вообще (Страбон I, II, 27-28), но знает и "верное" различие между гиперборейцами, савроматами и аримаспами над Понтом, Истром и Адриатическим морем, и саками и массагетами к востоку от Каспия (Страбон, XI, VI, 2).

Первая группа народов ко времени Страбона уже не соответствовала реальной этно-географической картине региона, и определение "скифы" осталось только для закаспийского населения, наиболее часто упоминаемого в источнике. Страбон (I, II, I; II, I, 3; IV, 7; III, IV, 17, 31; VII, III, 9; XI, I, 7; VI, 2; VII, 1, 4; VIII, 1-2, 5, 8; IX, 2-3; XIV, 15; XVII, I, 46; III, 24) считает "восточными скифами" племена от устья Каспия до Восточного моря и Индии, включая в них даев (апарны, ксанфии, писсур), саков, массагетов, хорасмиев, аттасиев, асиев, пасианов, тохаров, сакаравлов и др. Лишь однажды (XI, II, 1), перечисляя народы от северных стран и океана, он называет "скифов-кочевников, живущих в кибитках, а еще далее от них вглубь страны - сарматов (тоже скифы)". Но ранее географ давал разъяснение, что кочующие в кибитках скифы и сарматы есть древние гиппемолги, живущие у северного океана (I, I, 6; VII, III, 2), поэтому объединение здесь скифов и сарматов не может рассматриваться в плане этнической идентификации народов, относясь к кругу модернизированных древних легендарных представлений. Вероятно, к нему восходят и сведения Птолемея (V, 8, 16) о сарматах-

гипербореях северных территорий Сарматии, тем более, что Страбон не знал реальных народов к северу от Танаиса, поскольку кочевники не допускали туда иноземцев. Его достоверные данные относились к народам, жившим к востоку от Танаиса к Каспию, и на юг к Кавказу, где реально выступают аорсы и сираки, которые и претендуют на роль "сарматов". Используемые в тексте сочетания "савроматы, а также скифы", "скифы и/или сарматы" при наличии отдельных упоминаний "скифов" свидетельствуют о различном происхождении народов, фигурирующих под этими названиями. "Скифы" не принадлежат к кругу древних причерноморских скифов или их потомков, что оставляет нам только возможность признания их закаспийского происхождения. Потому и пришедшие в Северное Причерноморье роксаланы названы последними из известных скифов (Страбон II, V, 7), поскольку они занимали самое западное положение в обширном скифском мире. Земли "скифов" за Танаисом простирались именно до "восточных скифов". Они более точно размещаются рядом с ахейцами, зигами и гениохами (Страбон III, IV, 31), возможно, включая в себя неизвестных ранее набианов и панксанов возле сираков, первых из которых сопоставляют, согласно Плинию (VI, 22), с нерипами, перешедшими Танаис вместе с тагорами.

Свидетельство Страбона напоминает о выявленных на Северном Кавказе памятниках скифской культуры, которые сопоставляют с сообщениями древних источников о пребывании кочевников в регионе. Привлекать данные Гекатея Милетского, считавшего границей Европы и Азии Фасис-Кубань [Мачинский 1989, 19], рискованно, т.к. автор не говорит о собственно скифах на Северном Кавказе, а относит к "народам скифским" многие известные и неизвестные племена. Например, им называются исепы в Европе, сопоставляемые далее с исседонами в Азии ("Землеописание", Фр. 158, 168), европейские эды (Фр. 159), которые под именем эдонов помещаются Плинием (VI, 50) в Средней Азии, а Страбоном (VII II, 36; XI, III, 16) в Западной Европе, и т.д. Гелланик (Фр. 92) помещает скифов выше синдов и меотов. Обращает на себя внимание прямая перестановка скифов с савроматами. Эсхил ("Прикованный Прометей", 427-440, 729-761) расселяет скифов вокруг Меотийского озера, принимая за границу Европы и Азии Фасис (Ср.: "Отрывки", Фр. 190, 191). В целом же у автора смутные представления о реальной географии региона ("Прикованный Прометей"; 729-761). Скифская страна представлялась ему безлюдной пустыней (Ст. 1-2), что с равной долей вероятности рассматривалось в "Позднейших схолиях" (2) как указание на заселенность скифами или безлюдность Кавказа. Возможно, сопоставление "скифской страны" со "скифской дорогой" представляет собой отголосок воспоминаний о закавказских походах скифов, а не их проживание там.

Позднее в источниках, содержащих подробные сведения о скифах и строго определивших границы Скифии по Танаису, нет никаких данных о скифах на Кавказе. Исключени-

ем является Дионисий Периегет ("Описание населенной земли", 14-22, 142-68), который, как некогда Эсхил, сообщает, что вокруг Меотийского озера живут скифы, а Танаис течет в Скифию. Автор знает и мнение о разделении Европы и Азии по перешейку между Черным и Каспийским морями. Речь идет о широтном делении Европы и Азии по линии Фасис-Каспий-Арал-Сырдарья, существовавшим в античной географической традиции наряду с меридиональным. По Дионисию (652-710), передающему более древнюю картину размещения племен, чем существовавшая в его время (Ростовцев 1925, 80, сл.), Танаис катится в угол Меотиды по скифской земле из гор Кавказа, т.е. его истоки путаются с кавказской рекой, напр., с Манычем.

У Диодора Сицилийского ("Историческая библиотека", II, 43), использовавшего ранние ионийские источники [Ростовцев 1925, 115 сл.], "скифы" (массагеты, саки, аримаспы) расселяются от Индийского океана до Каспийского моря и Меотийского озера, приобретая с древнейших времен земли от Океана и Меотийского озера до Танаиса, а также страну в горах до Кавказа. Их первая территория, обходящая районы Северного Кавказа, явно соответствует легендарным представлениям о северных народах и прямо указывает на локализацию к востоку от Танаиса, предложенных для поселения савроматам. Страна же в "горах Кавказа" не может идентифицироваться с северокавказскими равнинами, более соответствуя закавказской Сакамене (Страбон, II, i, 14, XI, VII, 2; VIII, 4; XIV, 4). Диодор Сицилийский указывает затем (II, 43, 4, 45-46) на захват скифами земель от Танаиса до Фракии, но аналогичные действия амазонок, распространившихся от р. Термодонт, отдадут весь Северный Кавказ амазонкам, оставляя скифам плацдарм на далеком севере. Следует помнить и о компилятивном характере произведения, в котором амазонки одновременно выступают отдельным народом, признаются скифскими женщинами, связывают свою судьбу со скифами, но отделяются от савроматов, которые отождествляются с сарматами, иногда включаемыми в число скифов.

Плиний (III, 149; IV, 41, 44, 85) также знает древних скифов и их потомков, отошедших к Дунаю и в Крым. Автор замечает, что скифами считают себя вообще все племена к северу от Истра. Их имя сохраняется за отдельными народами, переходя в известных землях в имена сарматов и германцев (IV, 80). Именно к таким народам относятся на севере "скифы" возле аримаспов, скифы-антропофаги и "номады" (VI, 35, 53; IV, 88; VII, 9). Последний термин прилагается и к кочевым скифам (IV, 84), когда-то известным Геродоту (IV, 56). Они с гилеями помещаются на Гипанисе в Синдской Скифии. Но здесь обнаруживается явная путаница Южного Буга и Кубани. Плиний (VI, 38) помещает скифов вокруг Скифского залива, причисляя к ним савроматов, номадов и абзоев, последние из которых сопоставимы с древними абиями. Для номадов и абзоев, представления о которых достаточно близки (Страбон, VII, III, 2), можно констатировать только их далекое северное происхождение (у Птоле-

мея абии-скифы помещаются на востоке Азии). Реальными же народами предстают только савроматы-сарматы (Плиний, VI, 21).

Плиний (TV, 88; VI, 20) знает возле Меотиды напеев и авхетов. Имя первых сопоставимо с известным Диодору Сицилийскому (II, 3-4) именем одного из легендарных предков скифов. Кроме того, автор (IV, 88; VI, 50) дублирует историю народов событиями на землях к востоку от Сырдарьи. С другой стороны, локализуя истоки Гипаниса в землях авхетов, автор мог отразить легенду о происхождении народа от сына Колаксия Липоксия, сближая авхетов с номадами, или вновь использовать сведения о Кубани.

Скифские народы Плиния (саки, массагеты, астаки, эсседоны, эвхоты, напеи, палеи и др.) жили за Яксартом/Сырдарьей. Показательно, что если на западе уничтожение напеев и танаитов приписывается авхетам, то на востоке - спалеям (Плиний, VI, 50). Последние оказываются известны на западе как сатархеи-спалеи, перешедшие Дон вместе с сатархеями и Тагорами, т.е. в составе тохаро-юэчжийской волны. Они же сопоставимы со скифами-сатавками (Плиний, V, 85), являясь единственным из восточных мигрантов, которых можно было назвать скифами только в результате отнесения к зяксартским пришельцам. Это сопоставление важно для отождествления авхетов с тагарцами [Курочкин, Субботин 1993, 9 сл.], что позволяет рассматривать сведения Плиния в контексте тохарской миграции на запад. Самых спалеев Плиний (VI, 22) разместил на Охариин, т.е. Кубани или Маныче (ср. на-бианов и панксанов Страбона?). На Меотиде за керкетами локализируются серии/серны (Плиний, VI, 16,19), которые сопоставимы со скифами-сардами, помещаемыми вместе с сираками к западу от Меотиды (Плиний IV, 83). Видимо, в последнем случае вновь оказалась проблема идентификации Гипаниса. Скифы-сарды, вероятно, еще один пришедший из Азии народ, разместившийся, что немаловажно, рядом с сираками. Заметим, что Плиний (VI, 53) помещает каких-то скифов за пустыней у горного хребта Табиса. У Птолемея (VI, 14, 7) близкое название носят горы Тапур, к западу от которых поселились аланы-скифы, аланорсы и мес-

сиане

Отнесению роксалан к скифам и их отделению от сарматов у Страбона [Мачинский 1974, 126] противопоставляется идентификация народа с сарматским племенем у Тацита [Симоненко 1993, 109]. Но Тацит ("О происхождении германцев и местоположении Германии", 46) пользуется термином "сарматы" для обозначения кочевников вообще. Давно подмечено, что он игнорирует алан, хотя в его время они были уже хорошо известны. В них большинство сообщений о сарматах, среди которых выделяются языги и роксаланы, связывается с СЗ Причерноморьем и более западными районами ("Анналы", II, 29-30; "История", I, 2,79; III, 5,24; IV, 4,54; "О происхождении...", 1, 17, 43, 46). Лишь однажды, повествуя о

войне 49 г н.э. за боспорский престол, Тацит ("Анн.", XII, 15-16) говорит о сираках и аорсах, действия которых обычно связывают с Прикубаньем.

Единожды Тацит ("Анн.", II, 60) сообщает о прошлом завоевании Скифии фараоном Рамзесом, что является искаженным отголоском давнего похода скифов на Египет и не может браться в расчет. Реальные же Скифия и скифы, состоявшие в кровном родстве с парфянскими Аршакидами, располагаются для Тацита к востоку от Каспия ("Анн.", VI, 36,41,44), что связано с историей "восточных скифов". На таком фоне особенно значимо упоминание скифов в Восточной Европе.

В 16 г. н.э. Аршакид Вононом пытался бежать из Киликии через армян, албанов и гениохов к своему родственнику скифскому царю (Тацит, "Анн", II, 68). Одни исследователи считают, что он стремился попасть к прикаспийским маскутам [Еремян 1967, 48 сл.], другие говорят об аланах или Боспоре [Тревер 1959, 116 сл.]. Последнее предположение предпочтительней, т.к. оно основано на традиционных для того времени представлениях о расселении варварских народов. Албания же граничила с Сарматией у Дарьяльских ворот [Халилов 1992, 69]. Вонон мог искать убежище у царей Боспора или у аланских правителей, правивших к востоку от него, т.е. Тацит знал о пребывании "скифов" возле сираков и аорсов.

Второй раз Тацит ("Анн.", II, 65) сообщает о предложении фракийского царя Рескупорида (12 - 19 гг. н.э.) императору Тиберию, сделанном практически в то же время, воевать с бастарнами и скифами. Речь здесь не может идти о поздних скифах Добруджи и Крыма, не представлявших уже опасности для соседей, тогда как набеги сарматов за Дунай начинаются с 16 г. до н.э. Более вероятно, что подразумевались языги и роксаланы, обитавшие между бастарнами (Страбон, II, 2,4). Птолемей (III, 5,10) помещал между бастарнами и роксаланами уннов, сопоставимых с азиатскими хуннами. Учитывая понимание Тацитом этнонима "скифы", следует обратить внимание на распространение фаларов, выполненных с использованием характерных восточных элементов [Еременко, Шукин 1993, 110; Шукин 1994, 145 сл.; Мордвинцева 1998, 34 сл.].

Рассмотренные данные античных письменных источников позволяют предполагать, что ранние аланы появились в Восточной Европе в конце 2 - нач. 1 вв. до н.э. и были связаны с конгломератом народов, мигрировавших из районов Центральной Азии. Они оказались известны западным авторам под различными названиями. В середине 1 в. до н.э. аланы уже фиксируются на понтийской карте Марка Агриппы (63-12 гг. до н.э.) [Mullenhoff 1892, 81]. В целом появление ранних алан было связано с миграционными процессами, развернувшимися под влияние и в ходе юэчжийско-тохарского переселения, которое докатилось до Кубани и Дона.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова 1993: Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в до н.э. - IV в. н.э.). М.
- Алиев 1975: Кинтерпретации параграфов 1,3,4 и 5 IV главы XI книги "Географии" Страбона-ВДИ №3..
- Березовская 1989: Березовская Л.Ю. К проблеме выделения и датировки памятников зубовско-воздвиженской группы,- ТД Кубанской археологической конференции. Краснодар.
- Берлизов 1993: "Зубовско-воздвиженская группа" и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени.- ТД 2 Кубанская археологической конференции. Краснодар.
- Берлизов, Еременко 1998: Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблемы интерпретации- Древности Кубани, вып. 7. Краснодар.
- Браунд 1996: Браунд Д. "Препарируя сарматов": проблемы источниковедческой и археологической методологии-ВДИ, №3.
- Гаглойти 1966: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.
- Гаглойти 1995: К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе.- В сб.: Аланы: история и культура (Alanica III). Владикавказ.
- Десятчиков 1974: Десятчиков Ю.М Процесс сарматизации Боспора- Дисс. канд. ист. наук. М.
- Доватур, Каллистов, Шишова 1982: Доватур АИ., Каллистов И.А, Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.
- Еременко, Щукин 1992: Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена- Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Еремян 1967: Еремян С.Т. Страна "Механолия" надписи Кааба-и-Зардуит-ВДИ, №4.
- Зуев 1974: Зуев Ю.А. Юэчжи и кушаны в свете китайских источников- В сб.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. М.
- Клейн 1976: Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов- В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Кузнецов 1992: Кузнецов В.А. Очерки истории алан, Владикавказ.
- Курочкин, Субботин 1993: Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клепцы) с головой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения).- АЦВМ. ч.2. (Материалы 3 археологического семинара). Новочеркасск.
- Латышев 1909: Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб.
- Марченко 1996: Марченко И.И. Сираки Кубани Краснодар.
- Мацулевич 1947: Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии- СЭ, № VI-VII
- Мачинский 1974: Мачинский ДА. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во Пв. до н.э. - /в. н.э.- АСГЭ, вып. 16.

- Мачинский 1989: Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII - Vев. до н.э.- Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов) (Материалы 2 археологического семинара). Новочеркасск.
- Мачинский 1993: Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристеея до Волошина- Скифия и Боспор (материалы конф. памяти акад. М.И.Ростовцева). Новочеркасск.
- Мордвинова 1998: Мордвинова В.И. Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов.- НАВ, вып. 1. Волгоград.
- Пишеницына 1975: Пишеницына М.Н. Глиняная "голова" — предшественник таптыкской маски.-КСИА. вып. 142.
- Раев 1994: Аланы и Рим: археологические реалии в историческом контексте.- АЦВМ. ТД 4 археологического семинара. Новочеркасск.
- Раев, Яценко 1993: О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы).- Скифия и Боспор (материалы конф. памяти акад. М.И. Ростовцева). Новочеркасск.
- Ростовцев 1914: Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков.
- Ростовцев 1925: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.
- Сергацков 1998: Сергацков И.В. О некоторых обстоятельствах появления алан в Восточной Европе.- НАВ, вып. 1. Волгоград.
- Симоненко 1992: Симоненко А.В. Фарзой иИнисмей - аорсы или аланы?- ВДИ, №3.
- Симоненко 1993: Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев.
- Скржинская 1977: Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Скрипкин 1992: Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнической истории. Научный доклад ... докт. ист. наук. М.
- Томсон 1953: Томсон Док. История древней географии. М. Тревер 1959: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. - VII в. н. э. М.,-Л.
- Туаллагов 1998: Туаллагов А.А. К вопросу о происхождении осетин-дигорцев- Национально-государственное и федеративное строительство на Северном Кавказе: опыт, проблемы, специфика. Владикавказ.
- Турсунов 1975: Турсунов Е.Д. Тюрко-монгольские версии Сказания об ослеплении ишклопа.-СТ. №3.
- Халилов 1992: Халилов М.Дж. Сарматия - Кавказская Албания: границы, контакты (I в. до н.э. - II в. н.э.).- АЦВМ. ч. 1. Материалы 3 археологического семинара. Новочеркасск.
- Шилов 1983: Шилов В.П.. Аорсы (историко-археологический очерк).- В сб. История и культура сарматов. Саратов.
- Щукин 1994: Щукин МБ. На рубеже эр. СПб.
- Яценко 1993: Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н.э. (локализация и политическая история). ПАВ, вып. 6.
- Christenger 1961: Christenger R. Les Arimaspes.- Asiatische Studien. Bd XIV

Enoki 1959: Enoki K. Yueh-shih - Scythians identity. A Hypothesis.- *International Symposium on history of Eastern and Western Cultural Contacts*. Tokyo-Kyoto.

Harmatta 1970: Harmatta J. *Studies in the History and Language of the Sarmatians*. Szeged.

Müllenhoff 1892: Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde*. Bd. III. Berlin.

Pulleyblank 1966: Pulleyblank E. G. *Chinese and Indo-Europeans*- *JRAS*. No 1-2

Raev 1998: Raev B.A. *New finds of the alanian graves with import goods in the Krasnodar region- Adalya, II*

Teggard 1939: Teggard F.G. *Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events*. Berkeley.

ПОХОД АЛАН В ЗАКАВКАЗЬЕ В 135 Г.

В отечественной науке продолжает остро дискутироваться вопрос о времени появления алан на Северном Кавказе. В этой связи актуальным представляется изучение характера закавказских походов номадов в 1-2 вв. н.э. и состав их участников. В данной работе анализируются данные о походе алан в 135 г. Н.Э. Берлизоз [1994] осторожно предположил, что в данном случае имел место прорыв кочевников "из Канпоия и Давани (поход алан-маскутов 135 г.?)" через Закавказье в Сарматии, "что определило своеобразие позднесарматской культуры". Однако вопрос о том, какие конкретно аланы участвовали в походе 135 г. остается открытым.

Свидетельство об этом походе оставил Дион Кассий. Исследователи часто пользуются переводом В.В.Латышева: "Другая война была поднята из земли альбанов, по происхождению массагетов, Фарасманом (царем Иберии - Ф.Г.), она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологеса (царя Парфии - Ф.Г.), а с другой стороны побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана".

Некоторые специалисты буквально восприняли данный вариант перевода и поход 135 г. приписывали албанам, другие справедливо полагали, что албаны явно смешаны с аланами, т.к. первые никак не могли произойти от массагетов. Кроме того, имеется авторитетное свидетельство названного Дионом Кассием римского правителя Каппадокии Флавия Арриана. Своих противников он назвал *станами*; сохранилась часть его работы "Диспозиция против алан", в которой он дает советы для успешной борьбы с аланской конницей.

Из этого можно заключить, что перевод интересующего нас фрагмента в издании В.В.Латышева неточен. Существуют и другие переводы, например, К.Гана: "Фарасман (II), царь Иберский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли. Набеги этих варваров, главным образом, были направлены на Мидию, и только боязнь римского могущества, по-видимому, спасла Армению и Каппадокию от их вторжения. Они возвратились в свою землю, испугавшись Флавия Арриана, правителя Каппадокии, и удовлетворившись дарами, которыми их осыпал Вологез II, царь Парфянский". Несколько иначе перевел этот фрагмент Ю.С.Гаглойти: война "была поднята из земли аланов, которые являются массагетами, (иберийским царем - Ю.Г.) Фарасманом. Эта война сильно потрясла Мидию и затронула также Армению и Каппадокию".

Описываемый поход нашел отражение в закавказских хрониках, по которым армянский царь Валарш Е (117-140 гг.) сумел откупиться от алан "подарками". Правда, Мовсес Хоренаци явно приукрасил успехи Валарша II в отражении аланского вторжения: "Во дни

его (Валарша II - Ф.Г.) массы северян, я разумею толпы хазаров и басилов, объединившись,... Перейдя через Кур, они рассыпались по сую сторону. Им навстречу выступил Ва-ларш во главе многочисленных храбрых воинов и рассеял полчища, все поле усеял их трупами и, преследуя их перед собою, прошел ущелье Чора. Здесь снова соединяются неприятели и строятся к бою. Хотя храбрые армяне, опрокинув их, обращают в бегство, однако Ва-ларш падает от руки мощных копьеносцев". В действительности, активных боевых действий - между аланами ("мощными копьеносцами") и армянами не было: удовлетворившись "дарами", номады вернулись на север.

Валарш II отправил в Рим послов с жалобой на царя Иберии Фарасмана, спровоцировавшего алане кое вторжение. В 138 г. Фарасман с женой сам отправился в столицу империи и, как писал Дион Кассий, так успешно защитил перед императором Адрианом и сенатом свои поступки, что был совершенно оправдан, "владения его были увеличены и ему самому оказаны в Риме необыкновенные почести,...". Император "увеличил его область, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую на Марсовом поле и смотрел на военные упражнения самого Фарасмана, его сына и других знатнейших иберов".

С информацией Диона перекликается свидетельство Элия Спартиана: "Император Адриан никому из царей не давал столько подарков, как царю иберов, которому он, кроме других великолепных подарков, прислал еще слона и царскую охрану в 500 человек". Последнюю цифру, впрочем, многие историки оспаривают, предпочитая иное чтение "отряд в 50 человек".

Интересно, что в столкновении с аланами в 135 г. легат Арриан обратил внимание на специфическую форму аланских штандартов - в виде драконов. По мнению С. А.Яценко, аланский штандарт с надувным драконом, представленный в рельефах колонны Траяна в Риме, впервые появился во время набега кочевников на Мезию зимой 101/2 г. Арриану же принадлежит первое его детальное описание: "Скифские (аланские - Ф.Г.) военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на надувных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего через них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой".

Таким образом, поход 135 г. был спровоцирован Фарасманом, и для этой цели он использовал алан, скорее всего, живших на Северном Кавказе, в непосредственной близости от границ Иберии.

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С МАЛОАЗИЙСКИМ И РИМСКИМ ИМПОРТОМ ИЗ СТ. МИХАЙЛОВСКАЯ (ЗАКУБАНЬЕ)

Среди исследованных у ст. Михайловская сарматских погребений [14а] богатством инвентаря выделяется погребение 25 в кургане 9. Оно впущено в западную полу кургана на глубину 3.81 м. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу II типа по К.Ф.Смирнову [19, Рис.1], ориентированную длинной осью по линии ЮВ-СЗ (Рис. 1). Входная яма в форме вытянутой трапеции, расширяющейся в сторону погребальной камеры размером 2.6 x 2.2 x 1.4 м. Дно колодца полого понижается к входу в камеру, перепад высот составляет 0.7 м; вдоль его длинных стенок у входа в камеру прослежены заплечики. Яма была заполнена сырцовым кирпичом. Вход в камеру оформлен в виде дромоса с арочным сводом длиной 0.6, шириной 1.88 и высотой 0.91 м, заложенного сырцовым кирпичом в 2-3 ряда. Размеры кирпичей 0.4 (0.48) x 0.2 (0.3) x 0.05 м. При разборке заклада обнаружены фрагменты кружального плоскодонного кувшина с коричневым лощением, стенки лепного сосуда, бедренная кость мелкого животного.

Камера в форме правильного овала размером 2.56 x 2.13 м; реконструируемая высота обвалившегося в древности свода - ок. 1.2 м. В заполнении и на дне камеры обнаружены золотые бляшки в форме лунниц и круглых розеток (Рис. 2, г, д) от погребального полога. В центральной части под костяком фиксировалось пятно тлена черного цвета от подстилки.

Костяк женщины 20-25 лет (определение автора) лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЮВ (Рис.1). Череп лицевой частью на ССЗ, кости рук вытянуты вдоль туловища и слегка раскинуты в стороны, кости ног вытянуты и соединены в голенях.

В области шеи и под черепом обнаружены рубленый гагатовый бисер (Рис. 2, л), стеклянная бусина с внутренней позолотой (Рис. 2, п), золотые бляшки-лунницы (Рис. 2, г) и амулетница (Рис. 2, а). У правой и левой височных костей находились золотые височные кольца в 1.5 оборота (Рис. 2, к). На шею погребенной была надета золотая гривна из круглой в сечении проволоки, один конец которой согнут в петлю, а второй загнут крючком (Рис. 2, 1). В земле, заполнявшей череп, находились: бисер гагатовый (Рис. 2, л), вторая золотая амулетница (Рис. 2, б), бронзовая ведеркообразная подвеска (Рис. 2 в). В области грудной клетки прослежена россыпь золотых умбоновидных бляшек (Рис. 2, е). На костях грудины справа от позвонков лежали золотая фибула-брошь и, чуть ниже, бронзовая пружинная фибула. Брошь овальной формы, в центре вставка из стекла темно-лилового цвета, окруженная с четырех сторон вставками из эмали белого и бирюзового цвета в круглых гнездах. По краю щитка напаян ободок из из миниатюрных золотых "катушечек", имитирующий скань (Рис. 3, 1).

Бронзовая фибула с двухвитковой пружиной и внешней тетивой. Массивная, слабо изогнутая спинка орнаментирована рельефными валиками, приемник сплошной треугольный, внешний конец загнут к спинке, и завершается волчьей головкой (Рис. 3,2).

На костях правой руки выше запястья прослежена россыпь треугольных золотых бляшек, орнаментированных параллельными рядами рельефных полосок (Рис. 2 ж) и гагатового бисера (Рис. 2, л) от расшивки рукава. В области запястья находился золотой браслет из гладкого круглого в сечении стержня с несомкнутыми концами (Рис. 3, 2). Аналогичный набор украшений найден при расчистке косней левой руки (Рис. 2, ж, л, 3, 3). У конечных фаланг пальцев правой руки стоял литой стеклянный канфар с прямым, плавно сужающимся к дну туловом на кольцевом поддоне с двумя ручками (Рис. 4,2). В 0.21 м к СВ от правого коленного сустава находился железный нож (Рис. 3,3).

Вплотную к костям левой руки с ЮВ примыкал тлен от деревянной прямоугольной шкатулки красного цвета размерами 30 x 17 x 10 см (Рис. 1 н). В ней находились бронзовое зеркало, кольцо, височные привески, железное шило (Рис. 3, 5), сосудик из мела, керамическая чашечка, бусы, кусочек черного смоловидного вещества и шесть кусочков мела. Зеркало литое с валиком по краю диска, выпуклостью в центре и боковым штырем для насадки рукояти (Рис. 3, 4). Чашечка кружальная, сероглиняная с горизонтально отогнутым бортиком, профилированным туловом и плоским дном (Рис. 4, 1). Бусы: две пастовые шаровидные ребристые светло-голубого цвета (Рис. 2, о), в форме каперса из светло-зеленого стекла с белыми прожилками (Рис. 2, н), в форме сердечка из стекла зеленоватого цвета (Рис. 2, т), стеклянная с внутренней позолотой и пояском из синей пасты (Рис. 2, х), две гагатовые подтра-печиевидной формы (Рис. 2, р,с), шаровидная ребристая из горного хрусталя (Рис. 2, м), бронзовая шаровидная полая (Рис. 2, ф).

В области таза и между бедренными костями обнаружены золотые лунницы от погребального полога (Рис. 2, г). Между берцовыми костями ближе к стопам найдены россыпь рубленого гагатового бисера (Рис. 2, л) и две стеклянные бусины: желтая цилиндрическая полупрозрачная и зеленая шаровидно-биконическая.

В ногах справа от стоп лежала золотая лунница (Рис. 2, г), а в 0.31 м к СВ стояла бронзовая патера с отогнутым наружу венчиком, орнаментированным овами, округлым туловом и плоским слабо вогнутым дном. (Рис. 4, 3). Ручка патеры утрачена в древности, на корпусе сохранился след от крепления атташа в форме кленового листа (Рис. 4, 3 б). На внутренней стороне дна рельефное изображение обнаженной флейтистки, сидящей перед алтарем (Рис. 4, 3 а).

Культурную принадлежность катакомбы позволяет уточнить погребальный обряд. Впускные подкурганые погребения характерны для так называемой "зубовско-

воздвиженской" группы 2-1 вв. до н.э., локализуемой в степном Прикубанье и Восточном Закубанье [14; 12]. Погребальное сооружение в деталях совпадает с конструкцией, прослеженной под курганами 10 и 15 у ст.Тифлисской в 1902 г. [7, с.75 сл.], а набор украшений и его размещение - в курганах 18 у ст.Тифлисской и 29 у ст.Усть-Лабинской [ОАК 1902, с.72 сл., 77 сл, Рис. 153-155]. Все упомянутые погребения объединяют в т.н. "Золотое кладбище", которое, наряду с погребениями "зубовско-воздвиженской" группы, обоснованно считается памятником сарматских племен [3, с. 129, 157]. Поза и ориентировка погребенной, присутствие в могиле золотой гривны, мела, смоловидного вещества (опий-сырец), зеркала характерной формы сближают наш комплекс с памятниками ранне- и среднесарматской культур По-волжья-Приуралья (Археология СССР, с. 169 сл.) и погребениями ранних алан [21].

Погребальный инвентарь и особенности обряда позволяют достаточно узко датировать захоронение из Михайловской. Так, бронзовое зеркало относится к типу VIII по А.М.Хазанову [22], датируемому в пределах 1-2 вв. На Кубани подобные зеркала происходят из погребений первой пол. 1 в. у г Армавир [11, с.88, Таб. VIII], и недавно открытых погребений конца 1 в. до н.э. у ст.Новокорсунская [20], и г.Новокубанска [23].

Золотая гривна аналогична найденной в к. 32 у ст.Усть-Лабинской (ОАК 1902, с 80 сл), сопровождавшейся стеклянным флаконом первой пол. 1 в. н.э.[Ср.: 17, с. 171, Рис.11,52] и фибулой 1 в. до н.э. - 1 в. н.э. [4, с.34].

Золотая фибула-брошь имеет многочисленные аналогии в сарматских погребениях Прикубанья 2 в. до н.э. - нач. 1 в. н.э. [4, с.30 сл., Табл.15; Шедевры... кат. №№ 143, 144, 173, 175, 192]. Небольшие размеры щитка, строгость декора, замена скани ободком из "катушек" позволяют отнести фибулу из Михайловской к позднейшим образцам этого типа и датировать ее нач. 1 в. н.э.

Оригинальна вторая фибула, форма и декор которой сближают ее с раннелатенскими образцами 5-3 вв. до н.э. [4, Табл.1, 1-4; 10, Табл. 32]. Конструкция приемника более характерна для позднелатенских образцов, некоторые из которых также украшались волчьими головками [Ср.: 4, с.23; 27, S.175ff, Abb.4]. Можно предположить, что в данном случае перед нами переходный тип от позднелатенских к фибулам с завитком на конце приемника, появившийся ок. рубежа эр (Рис. 3,6).

Стеклянный канфар имеет многочисленные параллели в погребениях Прикубанья 2 в. до н.э. - нач. 1 в. н.э. и относится к продукции малоазийских мастерских [5, с. 192 сл.; 11, Табл. III, IV, XIII, 13]. Ближайшей аналогией ему является кубок из "Острого" кургана у ст. Ярославской, относящегося к первой пол. 1 в. н.э. [11, с.85, Табл. II, 11].

Интересна бронзовая патера: оформление корпуса и отделка верхнего края овами сближают ее с патерами из Сладковки [26, P1.74], Помпей и Эн-Геди [25, Taf. 4,3, Abb. 6], ко-

торые, согласно типологии Х.Нюбера, относятся к типу E ("Миллинген") и датируются второй пол. 1 - первой пол. 2 вв. н.э. [25, S.45ff]. Вместе с тем, отпечаток атташа в виде кленового листа сближает михайловскую патеру с сосудами типа D ("Хагенов") первой пол. 1 в. н.э. [25, S.38ff]. Возможно, как и в случае с бронзовой фибулой мы имеем дело спереход-ным типом, относящимся, скорее всего, ко второй четверти 1 века.

Золотые бляшки аналогичны украшениям из курганов 1 в. н.э. у ст.Тифлисской и Некрасовской [ОАК 1902, Рис. 153-155; ОАК 1906, Рис. 118]. Бусы в основном относятся к типам, датируемым достаточно широко. Дольчатые бусы голубого фаянса Е.М.Алексеева относит к типу 16 б и датирует в пределах 3 в. до н.э. - 3 в. н.э. [1, с.33 сл.], рубленный гагатый бисер, согласно ее типологии, следует отнести к типу 9 а, датируемому столь же широко [2, с. 12]. Стеклянная сердцевидная бусина, близкая типу 167 датируется уже - 2-1 вв. до н.э. [2, с.73], полихромная бусина в форме каперса типологически близка экземплярам из погребений 1 в. н.э. 8 и 65 мог. Золотая Балка [9, с.22, 66 сл., Рис. 1,13, 31,5]. Так же датируются и трапециевидные пронизи из гагата (тип 40 по Е.М.Алексеевой) [2, с. 16].

Таким образом, комплекс погребения 25 кургана 9 из ст.Михайловская мог сложиться в течение первой пол. 1 в. н.э., а вероятнее, - первой трети этого столетия. Такая датировка подтверждается и деталями обряда: впускные погребения на Кубани в сарматское время преобладают во 2-1 вв до н.э., в то время как большие катакомбы с сырцовым закладом под индивидуальными насыпями широко распространяются в 1-2 вв. [3, с.71сл.; 11, с.87сл.]. Сочетание в обряде и инвентаре комплекса характерных черт "зубовско-воздвиженской" группы и "Золотого кладбища" подкрепляет предлагаемую датировку погребения и позволяет согласиться с мнением М.И.Ростовцева, который считал "зубовско-воздвиженские" памятники лишь хронологическим этапом в рамках единой группы "Золотого кладбища" [18, с.570 сл].

В исследуемом погребении местные сарматские вещи сочетаются с италийской патерой, малоазийским кубком, кельтской (галатской?) фибулой. Импортные предметы и датировка погребения в пределах 30-х - 50-х гг. 1 в. н.э. позволяют связать его с конкретными историческими событиями. Известно, что в 35-37 гг. сарматы участвовали в инспирированной Римом войне между Иберией и Парфией [Тас. Ann., VI, 33]. С результатами этой войны (дипломатические дары, трофеи) можно связать и появление набора импортных вещей в катакомбе из Михайловской. Можно, кажется, уточнить и племенную принадлежность погребенной: катакомбы первых вв. н.э. на Кавказе целым рядом исследователей связываются с ранними аланами [19; 3; 16, 8 и др.]. Считается, что в 35-37 гг. в Закавказье вторглись также аланы. Поэтому можно интерпретировать погребение 25 из кургана 9 у ст.Михайловская как раннеаланское.

1. Алексеева ЕМ. Античные бусы Северного Причерноморья- САИ, вып.Г1-12. ч.1. М., 1975.
2. Алексеева ЕМ. Античные бусы Северного Причерноморья.- САИ. вып.Г1-12. чМ. М.,1978.
3. Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (IVв. до н.э. - III в. н.э.). Черкесск, 1976.
4. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР IIв. до н.э. - IV в. н.э.- САИ. вып. Д1-30. М., 1966.
5. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
6. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М, 1989.
7. Веселовский Н.И. ДАК 1902 г.- Архив ИИМК ф.1 дело 93/1902.
8. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
9. Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
10. Граков Б. Н. Ранний железный век. М, 1977.
11. Гуцина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье.- Археологические исследования на юге Восточной Европы, ч. II. М., 1989.
12. Ждановский А. М., Лымберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 года и дореволюционным материалам).- Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
13. Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология).- I Кубанская археологическая конференция, ТД. Краснодар, 1989.
14. Каминский В. М. Сарматы в Восточном Закубанье.- АЦВМ. Новочеркасск. 1987.
- 14а. Каминский В.И. Сарматские погребения в курганах эпохи бронзы у ст. Михайловской. Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД. Москва, 1987.
15. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - Vв. н.э.).- САИ. вып. Д1-27. М. 1970.
- 1 б. Кузнецов В. А. Ала некие племена Северного Кавказа- МИА №106, 1962.
17. КунинаЗ.А., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора.- ТГЭ. XIII. Л., 1972.
18. Ростовцев МИ. Скифия и Боспор. Л, 1925.
19. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.- СА. 1972, №1.
20. Тарабанов В. А, Кондратов А.В. Раскопки курганов в ст.Ловокорсунской. - АО 1985 г. М, 1986.
21. Фоменко В.А. О смолovidном веществе в погребениях I-VII вв. из района Пятигорья- Студенческие археологические открытия 1987-1988 гг. Грозный. 1989.
22. Хазанова А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал.- СА. 1963, № 4.
23. Шевченко Н. Ф. Отчет о раскопках у г. Новокубанска Краснодарского края в 1985 г.- Архив КГИ-АМЗ, ф. Р-III д. 440.

- 24.Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М, 1987.
- 25.Nuber H. U. Kame und Griffschale.- 53,Bericht der Römisch-Germanischen Komißion., 1972.
- 26.Maksimenko V.E. The Graves with Roman Imports in the Sladkovski Barrow Cemetery. - In: Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin., BAR. Int.Ser, 278. Oxford. 1986.
- 27.Werner J. Spates Keltentum zwischen Rom und Germanien. Aufsätze yum Spätlatenezeit. München, 1979.

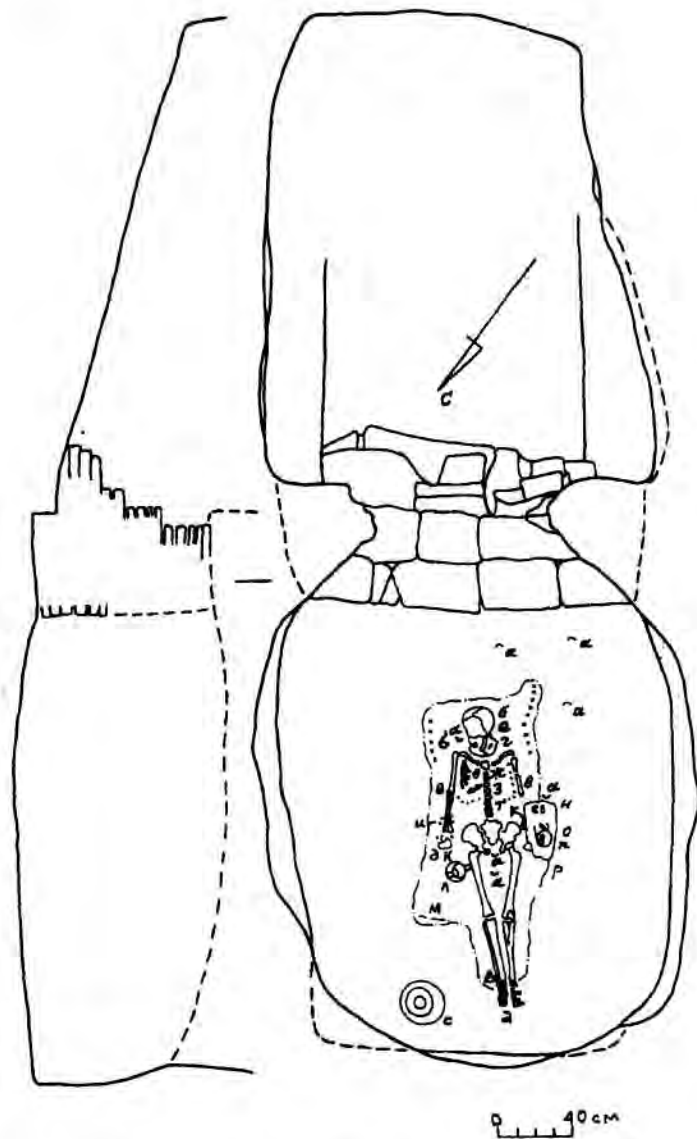

Рис. 1. Ст. Михайловская, курган 9, погребение 25: а- золотые лунницы; б- золотые розетки; в- бисер гагатовый; г- золотая амулетница; д- бисер пастовый; е- золотая гривна; ж- фибула-брошь; з- бронзовая фибула; и- золотые треугольные бляшки; к- золотой браслет; л- стеклянный канфар; м- нож; н- шкатулка; о- бронзовое зеркало; п- сероглиняная чашка; р- бусы; с- патера; т- золотые умбовидные бляшки.

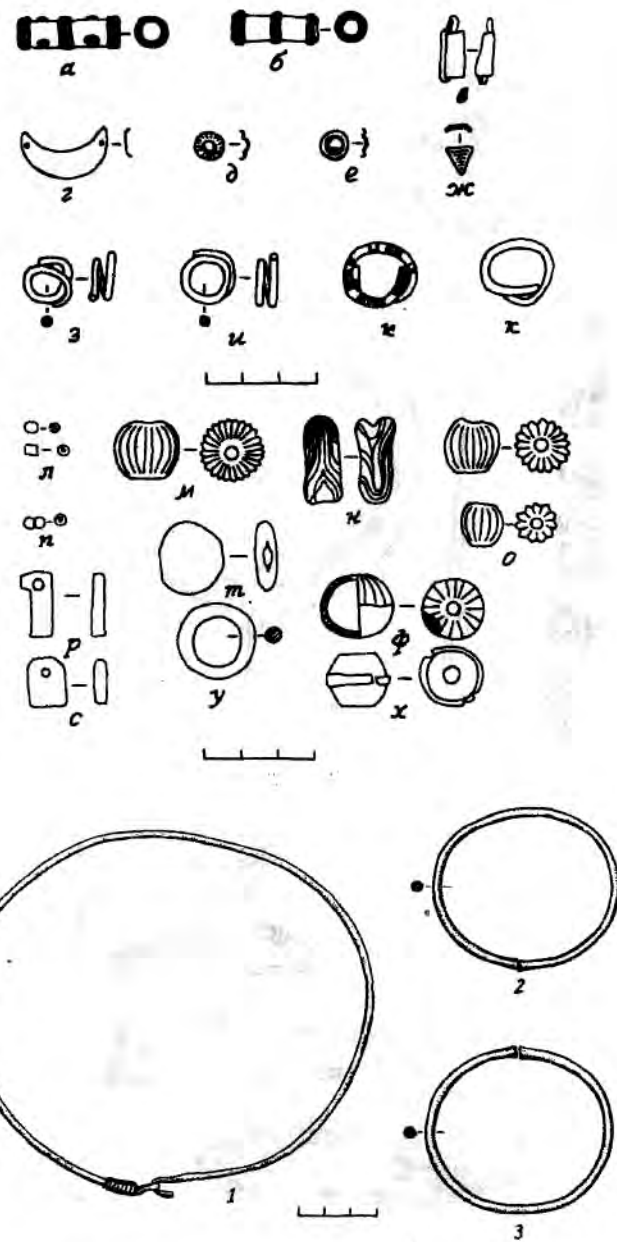

Рис. 2. Ст. Михайловская, курган 9, погребение 25. Вещи из погребения

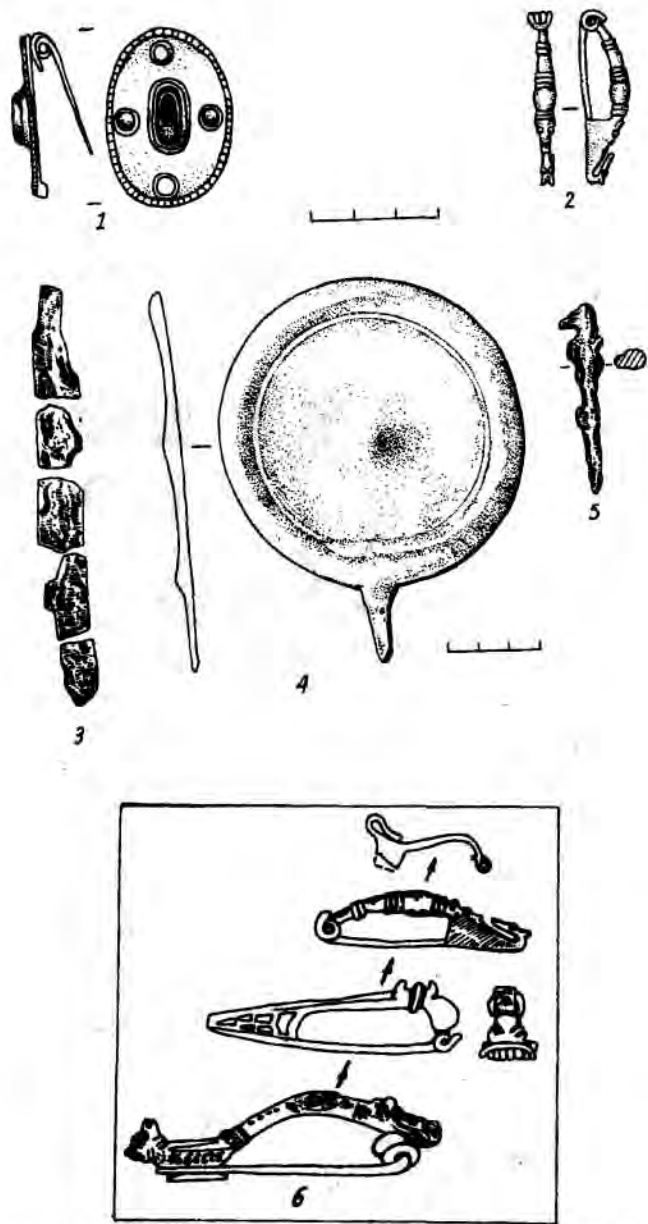

Рис. 3. Ст. Михайловская, курган 9, погребение 25. Вещи из погребения

Рис. 4. Ст. Михайловская, курган 9, погребение 25. Вещи из погребения.

О КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ В САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

На кочевой мир евразийских степей существенное влияние оказала не только античная, но и китайская цивилизация. Влияние Китая особенно сказывалось в ханьскую эпоху, причем ареал его был достаточно широк. Восточно-европейские степи были в сарматское время тем районом, в котором происходило своеобразное наложение культурных импульсов двух великих цивилизаций древности. Тема влияния античной культуры на восточноевропейскую периферию является наиболее исследованной по сравнению с выявлением аналогичной роли в этом регионе китайской культуры, поэтому каждый новый факт, несущий какую-либо информацию по этой проблеме, представляет особый интерес.

В фондах Одесского археологического музея хранится небольшой бронзовый котел, случайно найденный у р.Кальмиус [2, с. 136, 176]. Он имел сферический корпус, помещавшийся на высоком поддоне. На корпусе находился носик-слив в виде головы быка. С противоположной стороны располагалась ручка, выполненная в виде объемной фигурки оленя. Между сливом и ручкой в верхней части корпуса с противоположных сторон находились фигурки птиц, держащих в когтях рыбу. Котел закрывался крышкой, крепившейся к корпусу при помощи шарнира, на которой располагались две фигурки людей, сидящих друг против друга в "восточной позе". Один из них в руках держит чашу. Высота котла 27 см. (Рис. 1,1).

Видимо, этот котел происходит из хищнических раскопок курганов в долине р.Кальмиус в 1896 г. Известно, что он был приобретен Э.фон Штерном и затем передан в Одесский музей [4].

Второй небольшой бронзовый котел ок. 20 см высотой, сходный по ряду деталей с предыдущим, был найден в окрестностях с.Бассы Черноземельского р-на Астраханской обл. Точное время находки мне не известно, это приблизительно 70-е - нач. 80-х гг. Он был вывернут плугом на пашне. Здесь же были найдены кости, возможно, человеческие. Не исключено, что на пашне находилась небольшой сильно распаханный курган. Котел был передан куйбышевским археологам и хранился в археологической лаборатории Куйбышевского пединститута (ныне Самарский педуниверситет). Котел имел округлое тулово и высокий поддон. Носик-слив его также выполнен в виде головы быка. С противоположной стороны находилась ручка в форме фигурки животного, вид которого я определить затрудняюсь. Котел также имел крышку, которая к моменту его находки была утеряна, но о наличии ее в прошлом свидетельствуют детали шарнирного крепления, располагавшиеся в верхней части корпуса перед ручкой. Кроме того, на верхней части корпуса с противоположных сторон имелись две небольшие петли (Рис. 1,2).

По ряду признаков эти котлы близки целой группе котлов небольших размеров, тулово которых украшено ручками в виде фигурок животных; у некоторых из них имеются носики-сливы. Обычно эти изделия датируются двумя первыми веками н.э. С В.Демиденко, предложивший недавно новую типологию савромато-сарматских котлов, разработанную на наиболее полной на сей день выборке, объединил их в типы IX-XII и датировал временем со второй пол. 1 в. н.э. по вторую пол. 2 в. н.э. [1, с. 137]. Наиболее характерны они для памятников среднесарматской культуры.

Однако котлы, найденные на р.Кальмиус и у с.Бассы, все же выделяются из этой группы не только наличием крышек, но большей декоративностью в оформлении. Известные мне наиболее близкие аналогии им происходят из двух богатых погребений, датирующихся ок. рубежа н.э., или 1 в. н.э., исследованных Л.И.Погодиным у дер.Исаковка Омской обл. Один из котлов с крышкой имел носик слив, выполненный в виде трубки с изображением личины. На противоположной стороне корпуса находилась ручка в виде фигурки дракона. Крышка, на которой располагалась фигурка оленя с развернутой назад головой, крепилась к корпусу также при помощи шарнира. На корпусе находились две петли. Другой котел также имел крышку, аналогичным образом крепившуюся к корпусу. Носик-слив его оформлен в виде головы лошади. На корпусе имелись две петли, расположенные не как у предыдущих котлов - вертикально, а горизонтально. Судя по фотографиям с масштабами в отчете Л.И.Погодина, эти котлы были небольших размеров, ок. 20 см высотой [3].

Поиски аналогий этим котлам заставили меня обратиться к китайской металлической посуде, среди которой выделяются т.н. церемониальные сосуды, которые были в употреблении в разные периоды древней истории Китая, вплоть до ханьского времени. Эти бронзовые сосуды имели носики-сливы, крышки по форме очень похожие на те, что имелись на котлах. Правда, чаще их корпуса располагались на трех ножках, но известны и экземпляры с поддонами, похожими на поддоны кочевнических котлов. В целом же корпуса китайских церемониальных сосудов с их оформлением очень похожи на описанные выше котлы, обнаруженные в степной зоне. Некоторые из них имеют боковые петли или изображения птиц, близкие тем, которые находились на кальмиусском котле [7, р.20, 21; Р1. 21, 39, 105; 6, Р1.47].

Скорее всего, котлы типа обнаруженных на р.Кальмиус, в Астраханской и Омской областях, могли появиться в приграничных с Китаем районах, в среде кочевого населения, которое было знакомо с традициями китайской культуры. Кстати, сюжет из двух сидящих человеческих фигурок на крышке котла с Кальмиуса находит далекие восточные аналогии: он известен на одной из стел таштыкской культуры [5, с. 199 сл.]. Рассматриваемые котлы представляли собой сочетание черт и деталей, характерных как для определенной категории китайской посуды, так и для типично кочевнических котлов. О китайском влиянии на

оформление этой категории посуды у кочевников свидетельствует и тот факт, что у одного из котлов, обнаруженных под Омском, ручка была выполнена в виде фигурки дракона - традиционного персонажа китайского искусства. Вместе с ним в погребении был обнаружен и типично китайский бронзовый сосуд, часто встречаемый в китайских древностях, в т.ч. и в богатых ханьских гробницах [8, р.9].

У кочевников такие котлы выполняли, видимо, не утилитарные, а культовые функции. Их появление в восточноевропейских степях связано с постепенным продвижением различных подразделений кочевников с востока на запад, что подтверждается и рядом письменных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидтнко С. В. Типология литых бронзовых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа - В сб.: *Древности Евразии*. М, 1997. 2. Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983.
3. Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г.-Архив НА РАН, Р-1, № 13932-13935.
4. Э. Фон Штерн, Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея.- *ЗООИД.* 1911.
5. Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии.- В сб.: *Аданы и Кавказ. ALANI-SA-II* Владикавказ, 1992.
6. Bussagte M. *Chinese Bronzes*. L. - N. Y. Sidney-Toronto, 1969.
7. Кооп А.А. *Early Chinese Bronzes*. N.Y., 1971.
8. *The Han Dynasty Tomb at Lingshan in Mancheng. Peking, 1983.* (на кит. яз.).

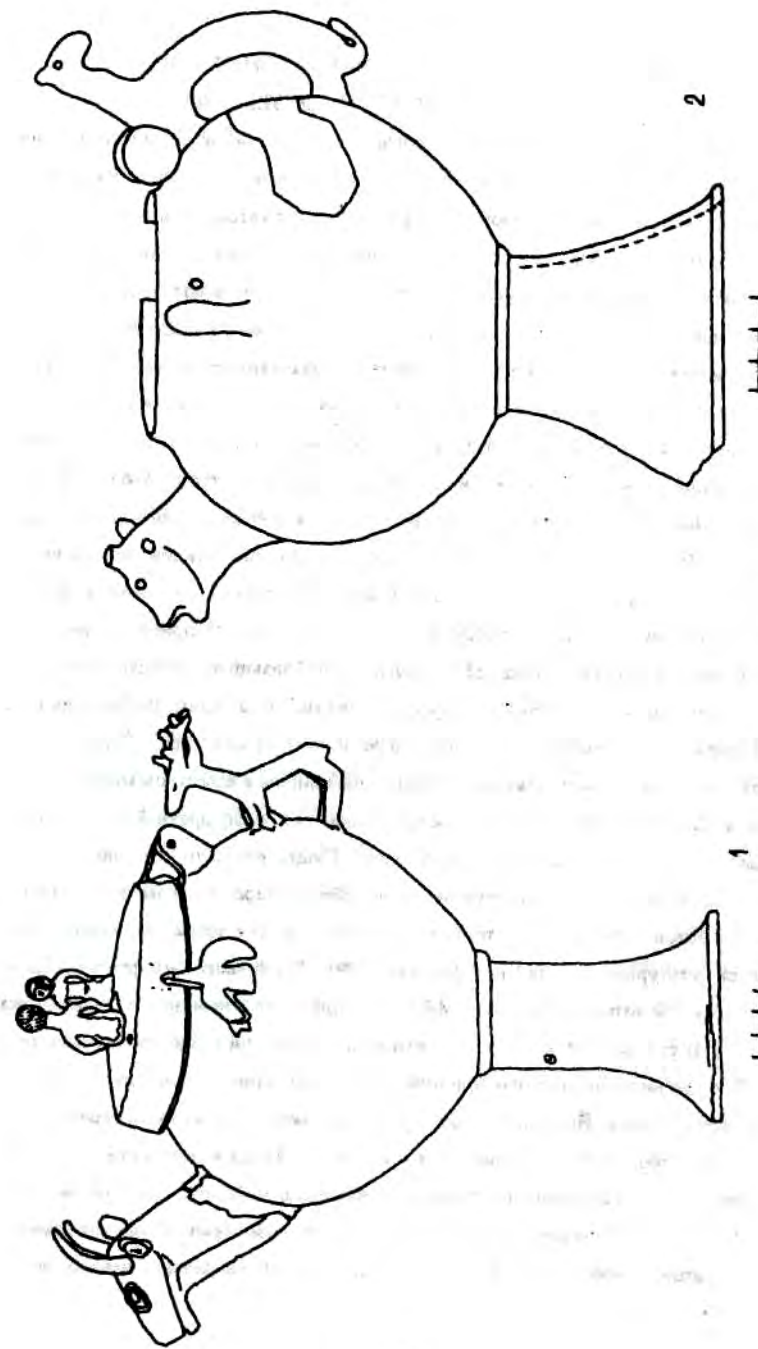

Рис. 1. 1 – р. Кальмиус, случайная находка; 2 – с. Бассы, Астраханская обл.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ СЮЖЕТОВ НА САРМАТО-АЛАНСКИХ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛАХ

В первые вв. н.э. на юге Восточной Европы получают широкое распространение бронзовые зеркала-подвески с богато орнаментированной обратной стороной. Чаще всего она имеет орнаментацию, в основе которой лежат различные сарматские знаки. Однако среди зеркал-подвесок значительную серию составляют экземпляры, имеющие принципиально иную орнаментальную композицию: а) в виде концентрических валиков вокруг центрального выступа (позже - центральной петли); б) радиально-круговой схемы ("ячеистый" орнамент). Такие орнаменты впервые появляются еще на некоторых позднесарматских зеркалах с боковой петлей в конце 2 — первой пол. 3 вв. н.э. (Рис. 1). Но значительно чаще эти орнаментальные сюжеты встречаются на зеркалах с центральной петлей на обороте, которые входят в широкое употребление с 3 в. Время особой их популярности приходится на 5-6 (северокавказские мог. типа Чми и ранней стадии Абрау-Дюрсо) и на 8-9 вв. (памятники салтово-маяцкой культуры). Исследователи традиционно видят в этой орнаментации отражение солярного культа. Но, как представляется, зеркала с "ячеистым" орнаментом могли содержать и более сложную символику, которая отнюдь не сводилась только к солярной. Возможно, в основе этой орнаментальной схемы лежал образ ("архетип"), близкий авестийской Варе с характерным для нее разделением внутреннего пространства на жилые зоны. Во 2-м фрагарде "Видевдата" содержится повествование о первоцаре и культурном герое Йиме Хшата. "Народу Авесты" он представлялся главным действующим лицом в известном мифе об утрате человечеством "Золотого века". Ядро этого мифа относится к числу древнейших иранских (м.б. даже индоиранских) дозороастрийских мифологем. Существенно то, что впоследствии Йима у иранцев, как и Яма у индийцев, стал царем загробного мира. В целом, если в индоарийских "Ведах" с Ямой больше связана тема смерти, то у "народа Авесты" на первом плане все же оставались культурные деяния Йимы [Лелеков 1991]. В 1-й части 2-го фрагарда Йима выступает как царь "Золотого века" на мифической прародине иранцев Арьяна Вэджа [Christensen 1917]. В его царстве не было "ни жары, ни холода, ни старости, ни зависти -творения дэвов", люди не знали смерти и болезней, жили в изобилии и благополучии.

Во 2-й части в образе Йимы отчетливо проступают черты культурного героя народа пастухов, который научил людей разводить скот и есть мясо. Когда человечество и поголовье скота умножились, когда людям и животным стало тесно на земле, тогда по велению Ахура-Мазды Йима три раза - через 300, 600 и 900 лет - чудесным образом расширял землю. Как герой-цивилизатор он упорядочил жизнь людей и внес в нее сакральное начало: раз-

лил людей на сословия, построил множество селений и городов, зажег в Хорезме первый из трех священных огней зороастрийской религии - огонь жрецов [Vd., 12,20; 17,5].

Но самым главным его деянием было сооружение по велению Ахура-Мазды Вары (Вара) для защиты людей и скота от надвигающихся лютых холодов и потопа. Причем, следует обратить внимание на то, что в наставлении бога речь шла лишь о спасении лучшей и прекраснейшей части людей и животных без всяких физических изъянов и пороков, которые для зороастрийцев служили отметинами злого духа Анхро-Манью [Vd., 2,27-29]. В Авесте весьма конкретно описана "технология" сооружения Вары Йимой: "Он топтал землю пятками и мял руками, как люди лепят намокшую глину" [Vd., 2,31-32]...

И вот Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны и принес туда семя мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней. И Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота.

Туда повел он воду по пути длиной в хатру, там устроил луга, всегда зеленеющие, где поедается нескончаемая еда, там построил дома, и помещения, и навесы, и загородки, и ограды... [Vd., 2,33-34].

В переднем округе /Вара/ он сделал девять проходов, в среднем - шесть, во внутреннем - три. В проходы переднего /округа/ он принес семя тысячи мужчин и женщин, среднего - шестисот, внутреннего - трехсот. Согнал их в Вар золотым рогом и закрепил Вар дверью-окном, освещающимся изнутри [Vd., 2, 38]...

И эти люди жили прекраснейшей жизнью в том Варе, который построил Йима [Vd., 2, 41]" [Пер. И.М. Стеблин-Каменского]. Итак, в древнейшей иранской традиции Вара описана как глинобитная крепость, служащая убежищем для людей и скота, растений и огней во время смертельных зим, снегопадов и наводнений*. В зороастрийской религиозно-мифологической концепции она выступает своего рода аналогом библейскому "Ковчегу Завета". В обеих книгах речь идет о спасении избранных людей и животных в специально построенном ковчеге или ограде от надвигающейся всемирной катастрофы, о которой заранее предупреждает Бог. В обоих случаях и авестийская и библейская традиции подчеркивают телесный аспект этого спасения, которое предшествует истинному, духовному спасению людей - в Авесте благодаря проповеди Заратуштры. Поэтому в отличие от последнего, Йима выступает лишь как гарант материального, земного благополучия людей. Он отказывается взять на себя миссию пророка, в которой наставлял его Ахура-Мззда: "Не создан я и не обучен хранить Веру" [Vd., 2,3].

В зороастрийской традиции Йима прямо противопоставляется Заратуштре, суть учения которого,- не только материальные, но, прежде всего духовные блага и бессмертие пра-

ведных душ [Авеста 1977]. Поэтому в проповедях Заратуштры он стал виновником грехопадения, отрицательным персонажем [Gt. 32,8]. Любопытно, что Заратуштра обвиняет Йиму, прежде всего в "поедании говядины", что стало причиной грехопадения рода людского и появления смерти. В результате по вине Йимы был утрачен "Золотой век" и в мире воцарилось зло. Так ранний зороастризм переработал первоначальный иранский миф в теолого-исторический [Лелеков 1976]. По мнению современных исследователей, противопоставление Заратуштры Йиме - явление довольно позднее. Оно было выработано официальными зороастрийскими богословами, тенденциозно сместившими в "Авесте" акцент с личности и заслуг мифического царя коровьих пастухов Йимы на образ пророка новой веры - Заратуштры, выражавшего идеалы уже иного, оседлого мира. На фоне последнего образ Йимы явно умален. Видимо, Йима и его Вара занимали некогда куда более важное место в религии древних, "доавестийских" иранцев, нежели в дошедшей до нас зороастрийской традиции.

Для идентификации авестийской Вары весьма существенным является вопрос о ее форме. Начиная с первых переводов "Авесты", в Варе видели квадратное в плане сооружение, "длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам" [Darmesteter 1892]. Однако позже иранисты обратили внимание на некоторые особенности устройства Вары, которые заставили увидеть в ней не квадратное, а круглое в плане сооружение [Jettmar 1981; Стеблин-Каменский 1995]. По их мнению, авестийская Вара, скорее всего, представляла глинобитную круглую в плане крепость с тремя концентрическими линиями укреплений. Такая форма делает ее вполне сопоставимой с недавно открытыми в Южном Зауралье укрепленными поселениями ариев эпохи средней бронзы типа Синташты и Аркаима (Рис. 2). Их архитектура позволяет многое понять в устройстве Вары. Например, Аркаим дешифровался на аэрофотоснимках в виде почти правильной кольцевой архитектурно-планировочной структуры, образованной двумя концентрическими кольцами стен, сложенных из заливного грунта. Внутреннее пространство между ними имело четкую радиально-кольцевую структуру, состоящую из остатков почти стандартных прямоугольных и трапециевидных жилищ. Здесь могло проживать до 2.5 тыс. человек [Зданович 1995]. Эта цифра близка числу обитателей Вары (1900) Памятники типа Синташты и Аркаима 17-16 вв. до н.э. наглядно демонстрируют, какими могли быть поселения ариев, послужившие земным прототипом авестийской Вары. Память об этих необычных поселениях сохранилась не только в мифопоэтических текстах "Авесты" [Brentjes 1981]. В эпоху поздней бронзы - раннего железного века аркаимско-синташтинские традиции неоднократно реализовывались при возведении культовых комплексов (Рис. 2), таких как Дашлы (14-13 вв. до н.э.) и Кутлуг-Тепе (6 в. до н.э.) в Северном Афганистане, но особенно в храме-крепости Кой-Крылган-Кала (4 в. до н.э.) в Хорезме. "Архетип" Вары нашел продолжение не только в храмовой архитектуре, но и в погребаль-

ных сооружениях ирано-язычных номадов: Аржан в Туве (8 в. до н.э.), Северный Тагискен в Средней Азии (9 в. до н.э.), может быть "Гробница Тантала" в Малой Азии (7 в. до н.э.). Возведение столь сложных погребальных комплексов радиально-концентрической планировки, возможно, было связано с развитием идеи подземной Вары, а погребенные в них "цари" по закону партиципации уподоблялись Йиме, который со временем превратился во владыку потустороннего мира. "Убежище Йимкард (букв. «город Йимы» - А.М.) построено в Эранвеже под землей, и всякое семя каждого творения и создания господ Ормазда людей, скота, овец, птиц, все лучшее <...> отнесено туда",- говорится в раннесредневековом пехлевийском трактате Меног- и Харт [62,15-19]. Этот "уход" Вары в подземелье и превращение Йимы из земного правителя во владыку загробного царства представляет исключительный интерес для понимания семантики погребальных сооружений вождей ирано-язычных номадов, о которых говорилось выше.

Но, как кажется, на этом история "священной Вары" не кончается. В первые вв. н.э. в евразийских степях появляются ее миниатюрные изображения и символы на бронзовых сармато-аланских зеркалах, украшенных на оборотной стороне несколькими концентрическими валиками вокруг центральной петли, или радиально-круговым "ячеистым" орнаментом (Рис. 1). И те, и другие передают, возможно, устройство Вары с характерным для него разделением внутреннего пространства на зоны, как это было изначально в Аркаиме. Появление таких весьма прозрачных символов в среде номадов позднесарматской эпохи было бы трудно объяснить, если бы их основными носителями не были аланы, в этнониме которых явственно просматривается древняя основа *arva* [Абаев 1979]. В античной традиции за ними устойчиво закрепились характеристика как "бывших массагетов" [Cas. Dio., LXIC 15,1; Amm. Marc, XXIII, 12], т.е. народа среднеазиатского корня. Да и по данным археологии вышли они, скорее всего, из мира среднеазиатских номадов, живших по соседству с Хорезмом - страной, которая в авестийской традиции считалась родиной зороастризма. Может быть, далеко не случайно время появления и широкого распространения зеркал с радиально-круговой орнаментацией совпадает с эпохой окончательного оформления "Авесты" и превращения зороастризма в господствующую "церковь" Сасанидского Ирана, с которым аланы поддерживали весьма тесные отношения.

Я не считаю, что владельцы таких зеркал исповедовали ортодоксальный зороастризм. Однако сам факт их широкого распространения именно у алан заставляет задуматься о причинах такого явления. Не только утилитарное, но и религиозно-магическое назначение зеркал у ирано-язычных номадов скифо-сарматской эпохи достаточно хорошо известно [ср.: Хазанов 1964], чтобы приводить какие-то дополнительные аргументы. Не исключено, что аланские зеркала с указанной орнаментацией служили своего рода оберегом или даже сим-

волом спасения, порядка, покоя, которые ассоциировались с изображением "священной Вары". Сотериологическая роль Иимы определенно фиксируется в "Авесте" и особенно в позднезороастрийских пехлевийских текстах [Лелеков 1976]. Впрочем, такая интерпретация зеркал-подвесок не отрицает солярного характера их орнаментации, если вспомнить несомненную связь образа Йимы Хшайта с сиянием, немеркнущим светом, огнем. В евразийских степях образ Вары "умирает" к концу 1 тыс. н.э. вместе с уходом с исторической арены последних ираноязычных номадов и христианизацией кавказских алан.

*Ав. *Vara* - от глагола "*var*" (и.е. *uer*) - "окружать", "охватывать", "огораживать". Может быть, этот корень близок и вед. "*var*" - "выбирать", что ассоциировалось с избранностью обитателей Вары [Karve 1961; Авеста 1997].

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1979: Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия.- В кн.: Основы иранского языкознания. М. Авеста. СПб., 1997.
- Зданович 1995: Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация.- В кн.: Аркаим: исследования поиски, находки. Челябинск.
- Лелеков 1976: Лелеков Л.Н. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э.- В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
- Лелеков 1991: Лелеков Л. А Йима.- Мифы народов мира. М.
- Стеблин-Каменский 1995: Стеблин-Каменский И.М. Арийско-Уральские связи мифа об Йиме.- В кн.: Культуры ревиных народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск.
- Хазанов 1964: Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.- СЭ. №3.
- Brentjes 1981: Brentjes B. *Die Stadt des Yima*. Leipzig.
- Christensen 1917: Christensen A. *Le premier homme et le premier roi dans l'histoire legendaire des Iraniens*. - Archives a etudes orientates, vol. 14.
- Darmesteter 1892 : Darmesteter J. *Le Zend-Avesta, vol. 2*. Paris.
- Jettmar 1981 : Jettmar K. Fortified "ceremonial centres" of the indo-iranians.- В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
- Karve 1961: Karve J. *Hindo Society- an Interpretation*. Poona.

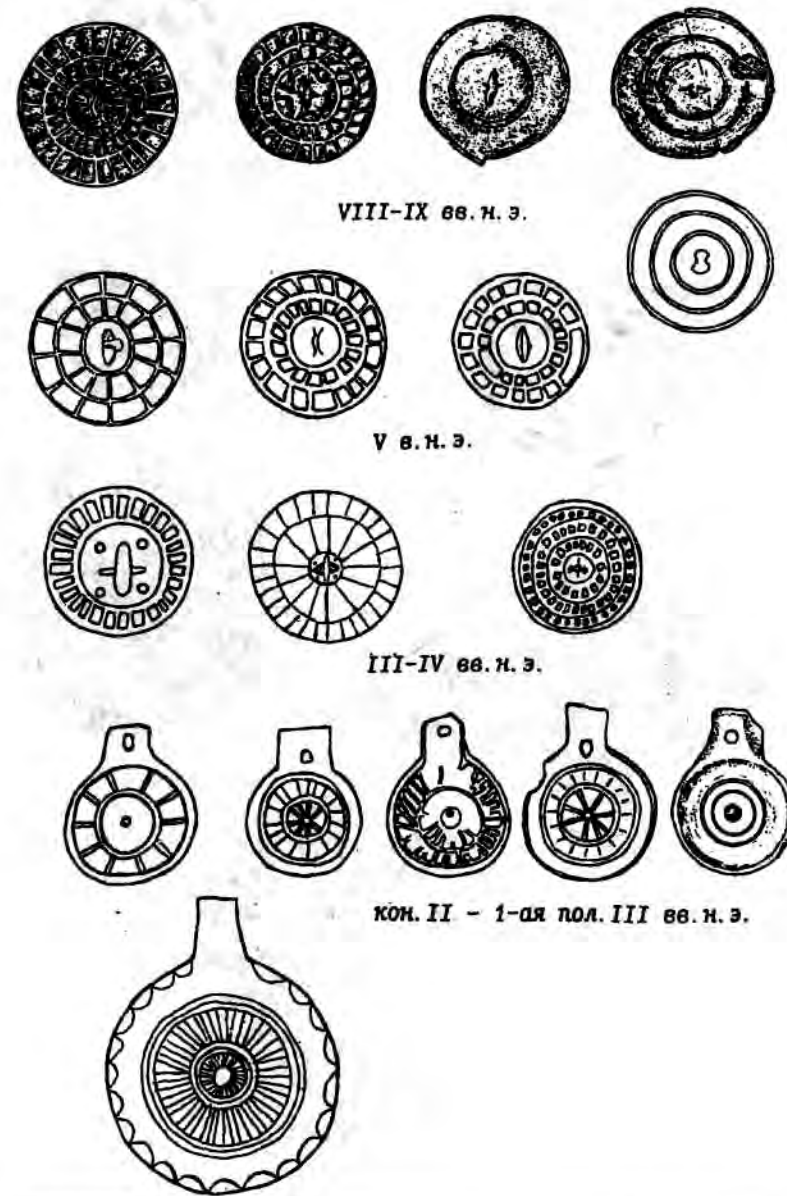

Рис. 1. Сармато-аланские зеркала с радиально-концентрическим и "ячейстым" орнаментом

СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В СИСТЕМЕ ПОЛОВЕЦКИХ СТЕПЕЙ

В конце второй четв. 11 в. в южнорусских степях появляются половцы (кипчаки, куманы, куны), пришедшие из-за Волги. По мнению С.А.Плетневой они первоначально занимают земли по Северскому Донцу, Нижнему Дону и в СВ Приазовье, а затем, видимо, в конце 11 - нач. 12 вв. осваивают степи Среднего и Нижнего Поднепровья, Крыма и Предкавказья [1, с.271; 2, с.253; 3, с.37].

В отечественной историографии утвердилось мнение, что в конце 11 - нач. 12 вв. в южнорусских степях выделяются два еще слабо устоявшихся союза половецких орд, условно называемых Приднепровским и Донским, что соответствует традиции средневековых тюркоязычных кочевников Евразии делиться на две части, два крыла [1, с.272; 2, с.251-255; 4, с.241; 5, с.60]. Основываясь на сведениях арабского географа 12 в. ал-Идриси [6] БА Рыбаков [7], а вслед за ним и С.А.Плетнева [2] делят Куманию на Белую (Приднепровские половцы) и Черную (Донские, Донецкие и Предкавказские половцы).

Кроме С.А.Плетневой о появлении половцев в степях Предкавказья не позднее конца 11 в. в свое время писали З.В.Анчабадзе, Я.А. и Г.С.Федоров [8, с. 114 сл., 96 с. 232]. Однако А.В.Гадло относится к этому предположению с некоторой долей сомнения: "Можно с полным основанием думать, что на Кавказе кочевники этой группы появились несколько ранее, хотя в науке существует мнение, согласно которому они приходят на Северный Кавказ не только ранее, но напротив, позднее чем в Восточную Европу, - во второй пол. или даже в конце 11 в." [10, с.138, см. также с.148].

В последнее время Ю.В.Зеленский, основываясь на отсутствии в данном регионе половецких погребений 11 в. высказал противоположное точке зрения А.В.Гадло мнение: "...скорее всего, говорить о появлении половцев в Предкавказье в конце 11 в. нельзя. Видимо, они переселялись несколькими потоками на протяжении всего 12 в. В первой половине 12 в. переселение могло быть связано с походами Владимира Мономаха и его сына Мстислава, а могло быть вызвано какими-то внутренними причинами" [11, с.28].

Подобная полярность суждений заставляет вновь обратиться к рассмотрению всех доступных на сегодняшний день источников, которые могут пролить свет на время появления этих тюркоязычных кочевников в Предкавказье.

Среди грузинских источников первые упоминания о кипчаках встречаются в труде Леонти Мровели "Жизнь картлийских царей", написанном не позднее 60-х гг. 11 в. [12, с. 17; 13, с.28]. Одним из источников этого произведения является "Обращение Картли" ("Моцкевай Картлисай") - памятник, сохранившийся в рукописи 10 в. ("Шатбердский пер-

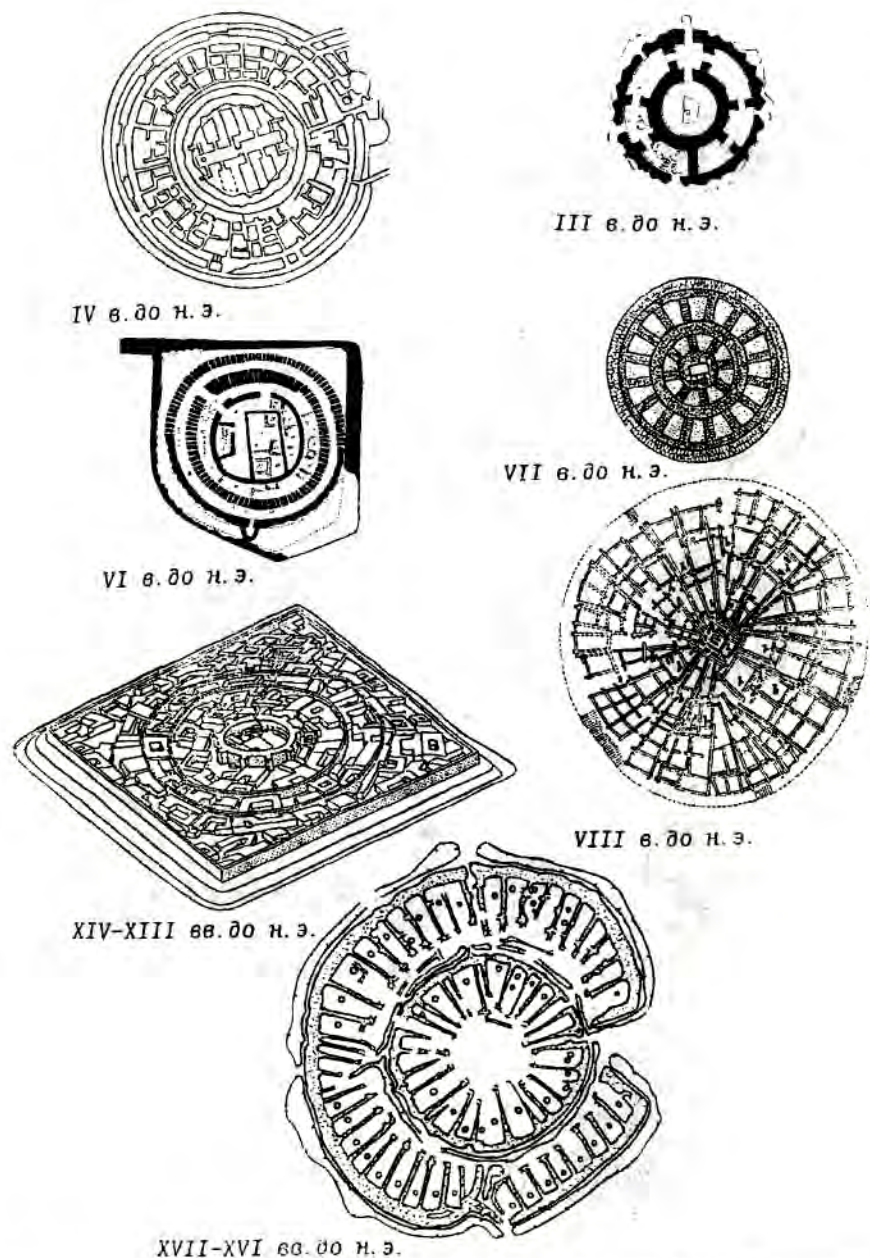

Рис. 2. Эволюция культовых и погребальных сооружений радиально-концентрической планировки.

гаментный сборник") и написанный не позднее середины этого столетия [14, с.81-163; 15, с. 1-50; 16, с.32 сл.]. В 11 в. "Обращение Картли было переписано, вероятно, Леонти Мровели и сохранилось в составе сборника "Картлис Цховреба" [13, с. 10; 17, с. 142]. Для нашей темы интересно соотношение между одним из сведений в "Обращении Картли" и в "Жизни Картлийских царей". В первом памятнике упомянуты бунтюрки [14, с.81], а во втором бунтюрки и кипчаки [13, с.28]. По этому поводу М.П.Мургулия и В.П. Шушарин справедливо замечают: "Источниковедчески важно, что этникон кипчаков-половцев Леонти Мровели не мог заимствовать из "Обращения Картли" (и вообще ни из одного из письменных источников). Этот этникон - одна из немногих вставок автора 11 в., отражающая его собственные знания данной этнической общности. Характер сообщаемых сведений о кипчаках исключает, на наш взгляд, их отнесение к руке одного из переписчиков, работавших до 15 в." [18, с. 156]. Вошедшее в "Картлис Цховреба" сочинение "Жизнь царя Вахтанга Горгосала", написанное или Леонти Мровели, или историком конца 11 в. Джуаншером Джуаншерияни, содержит сведения, что Вахтанг Горгосал (ум, В 502 г.) "подчинил овсов и кивчаков и создал Овские Врата, коих мы именуем Дариановскими" [19, с. 156]. Однако эта приписка имеется только в тексте сборника "Картлис Цховреба" царя Теймураза II (1744-1762) [18, с.17]. Следовательно, она сделана рукой переписчика 18 в. и не может служить прямым доказательством появления половцев в Предкавказье во второй пол. - конце 11 в. Но все-таки такой источник как "Жизнь картлийских царей", в котором речь явно идет о половцах Предкавказья, дает нам право предполагать, что эти тюркоязычные кочевники появились здесь во второй пол. 11 в., во всяком случае, не позднее конца указанного столетия.

Русские летописи, рассказывая о борьбе Олега и Романа Святославичей за черниговское наследство своего отца, под 1078 г. свидетельствуют: "...приведе Олегъ и Борисъ поганья на Русьскую землю и пойдоста на Всеволода с Половци". Под 1094 г. записано: "Приде Олег с Половци ис Тьматороканя и приде Чернигову" [20, стлб.199, 204, 226; 21 стлб.191, 195, 216; 22, с.81,83,90]. Нельзя исключать возможности, что Олег для своих целей мог нанимать половцев, кочевавших не в бассейне Северского Донца и Нижнего Дона, а в степном Прикубанье, расположенном сравнительно недалеко от Тмутаракани. Но с полной уверенностью говорить об этом все же не следует, т.к. археологических материалов, свидетельствующих о пребывании этих кочевников во второй пол. 11 в. в Предкавказье, пока не обнаружено, что справедливо подмечено Ю.В.Зеленским [11, с. 27 сл.]. Однако, упоминание кипчаков в "Жизни картлийских царей", позволяет говорить о появлении половцев в Предкавказье во второй пол. - конце 11 в., т.е. до появления здесь орды Отрака Шарукановича.

Многие отечественные исследователи считают, что степное Предкавказье политически входило в состав Черной Кумании. Так, Я.А. и Г.С. Федоровы полагают, что на Север-

ном Кавказе, а затем в Грузии хан Отрак оказался не в результате бегства от преследовавших его дружин Владимира Мономаха, а потому, что "умирая, Шарукан выделил "в удел" своему сыну-"изгою", так как он был младшим, половецкие кочевья на окраине, а именно в Предкавказье. Туда, "в Обезы", и направился Отрок со своей личной дружиной, не ослабляя в то же время силу сопротивления Сырчана. Так, по нашему мнению, очутился Отрок на Кавказе, хотя это противоречит и версии летописной легенды, и смыслу половецкой песни" [9, с.231 сл].

Иной точки зрения придерживается А.В.Гадло: "...является ошибочным мнение о существовании некоего общего половецко-кыпчакского государства, подобно державе гуннов или Хазарскому каганату. У тюрков XI-XII вв. такое объединение не сложилось. У кума-нов-половцев процесс объединения, по-видимому, шел, но он начался позднее в конце XII в., накануне потери половецкими объединениями самостоятельности и их включения в состав Монголо-татарской империи. У кыпчаков Северного Кавказа этот процесс, вероятнее всего, вообще не наступил, так как сюда проникли не крупные объединения, а разрозненные кочевые общности, тратившие много сил на интеграцию в свой состав оставшихся в степи от предшествующего периода "пачинаков" и тюрков-гузов (огузов)" [10, с. 140]. Хотя точка зрения А.В.Гадло не бесспорна, но, на наш взгляд, она все же ближе к истине, чем мнение Я.А. и Г.С.Федоровых. Действительно вторжение половцев в Восточную Европу было широкой миграцией относительно слабо связанных между собой частей одного этнолингвистического массива, и процесс их консолидации вплоть до монголо-татарского нашествия остался не завершенным.

Когда Отрак Шаруканович мог оказаться в Предкавказье, а затем в Грузии? Многие исследователи считают, что это произошло в 1118-1120 гг. [3, с.95 сл.; 8, с. 118; 9, с.229 сл.]. Формированию указанного мнения способствовали два поздних рассказа о победах Владимира Мономаха и его сына Мстислава над половцами, включенные в Ипатьевскую летопись. В первом, помещенном под 1140 г., говорится; "... се бо Мьстиславъ великий и наследил отца своего поть Володимера Мономаха великого. Володимеръ сам собою постоя на Доноу и много пота оутерь за землю Роускою, а Мстиславъ моужи свои посла загна Половци за Донъ и за Волгоу, за Гиикъ и тако избави бог Роускою землю от поганыхъ..." [21, стлб.303]. Второй рассказ под 1201 г. повествует о том, что Мономах погубил "поганья измаилтяне, реко-мые Половци, изгнавшю Отрока во Обезы, за Железные врата. Сырчанови же оставшю оу Доноу рыбоу ожившю; тогда Володимеръ и Мономахъ пил золотом шоломомъ Донъ и приемше землю их всю, и загнаша окаянные Агаряны; по смрти же Володимере, оставшю оу Сырчана единому гоудцю же Ореви, посла и во Обезы, река Володимеръ оумерль есть и воротися брате, поиди в землю свою; молви же емоу моя словеса, пой же ему песни Половецкия;

оже ти не восхочет, даи емоу поухати зелья, именемь евшан; оному же не восхотевшу об-ратитися, ни послушати, и дасть емоу зелье; оному же обухавшу и восплакавшю, рче да лоуче есть на своеи земле костью лечи, и не ли на чуже славноу быти, и приде во свою землю" [21, стлб.716].

Действительно в конце 11 - нач. 12 вв. русские князья вели упорную борьбу с кочевниками. В 1103 г. русские нанесли поражение приднепровским половцам [20, стлб.277-280; 21, стлб. 252-256], а затем сосредоточили свое внимание на войне с донским союзом, которому нанесли ряд серьезных ударов в бассейне Северского Донца (1109, 1111, 1116 гг) [20, стлб. 283-284, 289, 291; 21, стлб. 260, 264-273, 284]. Именно этим победам русских над половцами посвящены рассказы Ипатьевской летописи под 1140 и 1201 гг. Однако, военные успехи Руси в борьбе с ордами Шарукана и его потомков явно преувеличены летописцем. У половцев было достаточно сил для нанесения чувствительных ответных ударов. Так, в том же 1116 г. "бишася с'Половци и с Торкы и с Печенегы оу Дона и секошася два дни и две нощи и придоша в Русь къ Володимеру Торци и Печенези" [21, стлб-284]. В 1117 г. "придоша Беловежьци в Русь" [21, стлб.285]. По-видимому, в 1116 г. оставшиеся еще в степях торки и печенеги (известно, что они составляли гарнизон Саркела-Белой Вежи в последние десятилетия его существования [См. 23]), не выдержав половецких ударов, ушли на Русь. А в следующем году и русские вынуждены были оставить Саркел. Одним из источников этих успехов кочевников могло явиться половецкое население степного Предкавказья, куда к этому времени уже успела проникнуть и часть орды Отрака Шарукановича.

Под напором дружин Святополка Йзяславича и Владимира Мономаха это половецкое объединение, неся потери, отступало не в неведомые чужие земли, а вглубь своих, уже освоенных территорий. Нет никаких оснований считать, что Отрак, бросив все, бежал в Грузию после ряда поражений, нанесенных ему русскими князьями. Да и вряд ли Давид IV Строитель, которого современники называли "богу равным", вступил бы в брак с Гурандухт, дочерью Отрака-изгоя, потерявшего свои земли и не имевшего никаких политических веса и силы.

Определение даты заключения упомянутого брака в некоторой степени проливает свет на время появления этой половецкой группировки в Северо-Западном и Центральном Предкавказье. Так, М.П.Мургулия и В.П.Шушарин, рассмотрев все имеющиеся в их распоряжении источники, предположили, что "Гурандухт была второй супругой Давида IV. Первой его женой была армянка, постриженная и отправленная в монастырь в Иерусалиме против ее воли ок. 1106 г. От этого брака родились дочери Тамар, Катэ и сын Деметрэ - наследник престола. С разводом (ок. 1106 г.) могла быть связана постройка собора в Гелати - во искупление греха развода. Во всяком случае, несомненно, что развод с первой женой был

вызван стремлением заключить династический брак с дочерью Отрака. Так что развод - показатель сильной заинтересованности Давида в установлении матримонильной связи с половецким предводителем" [18, с. 109 сл.].

Таким образом, видно, что половцы Отрака Шарукановича могли появиться в Предкавказье уже в первом десятилетии 12 в. АВ.Гадло считает, что "попав на Северный Кавказ, орда Отрака (вар. Атра), вступила в соприкосновение с теми куманскими/половецкими и кыпчакскими группами, которые кочевали здесь с первой пол. 11 в., не переходя на запад от Дона. Такие группы, по-видимому, кочевали по всей Северокавказской степи, но источники сохранили, как мы видели, главным образом сведения о той из них, которая кочевала в восточной части Предкавказья; заходили они и на Прикаспийскую низменность и вторгались в горные области Дагестана. Грузинские источники упоминают также кыпчаков вблизи границ Овсети (Осетии). С полным основанием можно думать, что кыпчаки в 11 в. продвигались также и в западные районы Северного Кавказа, доходя в своих сезонных перекочевках до Азовского побережья. Впрочем, здесь могли сохраняться, как и в Южнорусской степи, родственные по языку и культуре кыпчакам более древние тюркоязычные кочевые общности - печенеги, гузы (торки), подобно тому, как это было в Подонье и Приазовье" [10, с. 148 сл].

С приходом орды Отрака в степи Предкавказья в данном регионе резко меняется политическая обстановка. По-видимому, половцы Отрака враждуют не только с аланами и адыгами, но также теснят к востоку, в степи Дагестана, появившиеся ранее них в Предкавказье кыпчакские группы, вынужденные вступать в контакты с лаками и эмиром Дербента Косвенным свидетельством этого является сообщение грузинского анонимного автора под 1123 г., в котором говорится о победе войск Давида IV (а среди них находились и половцы Отрака) над лаками и кыпчаками дербентскими [8, с.118]. Примирение половцев и алан ок. 1118 г. при посредничестве заинтересованного в этом Давида IV позволяет кочевникам укрепнуть и стать одной из главных действующих сил на Северном Кавказе вплоть до монгольского нашествия. Не даром "Картлис Цховреба" говорит об этом половецком объединении Предкавказья как об одной из крупнейших держав региона и называет ее "Диди Кивчакти" - Великая Кипчакия, что никак не вяжется со статусом одной из глухих провинций Дешт-и-Кипчак. Подтверждением сказанному служат многочисленные находки половецких каменных изваяний из района среднего течения Кубани, Кумо-Маньчских степей, Карачаево-Черкесии и Пятигорья. А святилища со статуями предков сооружались тюркоязычными кочевниками (в т.ч. и половцами) только на местах постоянных кочевий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С. А. *Половецкая земля - В сб.: Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.*
2. Плетнева С. А. *Донские половцы - В сб.: "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985.*

3. Плетнева С.А. Половцы.. М., 1990.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966.
5. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
6. Беппис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель- В сб.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. М., 1984.
7. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г.- КСИИМК вып. XLIII, 1952.
8. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI - XIV вв. – О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). Нальчик. 1960.
9. Федоров Я. А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
10. Гагло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994.
11. Зеленский Ю.В. К вопросу о времени появления половцев в Предкавказье- ДК вып. 11. Краснодар, 1998.
12. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей.- Картлис Цховреба, т.1. Тбилиси, 1955 (груз. яз.).
13. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.
14. Обращение Картли.- В кн.: Памятники древнегрузинской агиографической литературы, кн.1. Тбилиси, 1963 (груз. яз.).
15. Такайшвили Е. Источники грузинских летописей. Три хроники,- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 28. Тифлис, 1900.
16. Какабадзе С.И. О древнегрузинских летописцах XI столетия. Тифлис, 1912.
17. Джананиши Л.С. Об источниках "Жизни картлийских царей".- В сб.: Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966 (груз. яз.).
18. Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII-XIII веках. М, 1998.
19. Джуанишер. Жизнь Вахтанга Горгасали.- Картлис Цховреба, т.1. Тбилиси, 1955 (груз. яз.).
20. Лаврентьевская летопись-ПСРЛ, т. I, М., 1997.
21. Ипатьевская летопись.- ПСРЛ, т. II, М. 1998.
22. Радзивилловская летопись-ПСРЛ, т 38, Л. 1989.
23. Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела -Белой Вежи.- МИА № 109, М. 1963.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИХ ПРИАЗОВО-ПРИЧЕРНОМОРСКАЯ ОЙКУМЕНА В 13-15 ВВ.

Обозначенная в заглавии проблема давно привлекает внимание исследователей. Предпринимались попытки реконструкции маршрутов торговых путей, "подводивших" к этому региону [1, с. 103-120], изучались материальные подтверждения торговых контактов населения региона с генуэзско-венецианским миром [2, с.80 сл.; 3, с.52 сл.; 4, с.152-180; 5, с.68 сл.; 6, с.123 сл.; 7, с.108-120 и др.].

Вместе с тем, сегодня видится целесообразным указать и на несколько свидетельств письменных источников, позволяющих поставить вопрос о характере воздействующего влияния итальянцев на население Приазовья и Причерноморья а также его последствия.

Ф.Бродель, один из представителей французской школы "Анналов", исследуя генезис и динамику раннекапиталистических отношений в Европе, пришел к выводу о том, что к 16 в. там сформировались своеобразные "мир-экономики" [8, с.85 сл], начало которым было положено в 13-15 вв. Подобные "мир-экономики", как считал Ф.Бродель, имели свои центры и концентрически расположенные вокруг них зоны. Несомненно, что при такой структуре вся система имела и завершение пространства - ойкумену. В системе складывания и развития итальянской "мир-экономики" бассейн Черного и Азовского морей вполне мог являться одним из периферийных районов, где, - если следовать Броделю - могли существовать и развиваться те же отношения, что и в Европе.

С.П. Карпов, исследуя структуру и формы профессиональной организации торговли итальянцев в Причерноморье, приводит факты участия в таковой, помимо итальянцев, выходцев из кавказских регионов (не итальянцев). Особый интерес вызывают приводимые им документальные свидетельства, касающиеся участия в мелкой торговле и других отношениях, неких "казаков".

В источниках упоминаются "казаки" из Самастро, Лигурии и Южного Причерноморья. Вполне вероятно, что были они и в Северо-Восточном Причерноморье и на Азове.

Помимо занятий мелкой торговлей "казаки" использовались (нанимались) для охраны итальянских торговых факторий. Показателен факт найма, дающий возможность сделать некоторые предположения.

Наличие "казаков"- охранников [9, с.73, 297] и контекст сведений о них позволяют считать, что это были небольшие и замкнутые (по этническому признаку ?) отряды свободных людей. Поскольку для таких услуг, как свидетельствует С.П.Карпов, привлекались соции ("преимущественно - генуэзцы") и "казаки" ("преимущественно - греки"). Но, наверное, не только они.

Сама система найма, существовавшая в факториях, скорее всего, создала условия и для других, аналогичных "услуг", предлагавшихся представителями Причерноморского региона, так или иначе стремившимися "вписаться" в налаженную и, вероятно, выгодную систему взаимоотношений в факториях. Среди таких услуг могли быть и услуги военного характера, на что указывает, например, "Повесть о побоище Великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем". В ней рассказывается о событиях, имевших место в 1379 г., накануне битвы на Куликовом поле: "...приде ординский царь Мамай с единомыслениками своими и протчими князьями ординскими и с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаймовав (выделено мною - Е.Н.) бесерменов, армени, и фрязи, черкесы и ясы, и бурта-сы... и литовский князь Ягайло с всею силою литовской и лядской, с ними же в одиночестве Олег Ивановичь рязанский..." [11, с. 112 сл.]. В отрывке интерес вызывает не только перечень этнонимов "ратей", но и сама форма их привлечения на основе того же найма. Специалисты полагают, что Приазовье, Причерноморье и Крым в это время находились в системе владений Мамаю [12, с. 194; 10, с.7 сл.]. Почему же тогда Мамай не воспользовался правом владельца территорий, а завербовал "рати" на основе найма?

Прежде всего, в источнике речь идет не обо всем населении подвластных Мамаю владений, а об отдельных отрядах, набранных из их обитателей. Судя по количеству различных групп, рати эти вряд ли были численно большими. Скорее всего, источник перечисляет таких же "казаков" - военные подразделения, "промышлявшие" за плату там, где были соответствующие условия и спрос. Во-вторых, на подобное восприятие источника указывает приводимый список этнонимов и возможная география их обитания. Последняя не раз исследовалась специалистами. Однако, в числе татарских и половецких "единомысленников" Мамаю следует видеть золотоордынско-половецкий костяк его войск. Под "бесерменами и армени" вряд ли подразумевались наемники из Азербайджана и Армении, как предполагает В.Л. Егоров [12, с.211 сл.]. "Бесермены" - это мусульмане, обитавшие вблизи Азово-Черноморского региона, которые вскоре после рассматриваемых событий составили основное население Крымского ханства. "Армени" - это отряды из числа армянских обитателей итальянских факторий на Азове и в Причерноморье. "Фрязи", бесспорно итальянцы [12, с.212]. В "черкесах" (этноним обобщенно-собирающего характера) можно видеть не только прямых предков современных адыгов, но и представителей иных северокавказских групп населения. "Ясы" - аланы, различными источниками фиксировавшиеся в Подонье, на Азове, в Крыму. Под "буртасами" обычно подразумевают жителей Среднего Подонья [12, с.212].

Таким образом, источник указывает на широкую округу, окаймляющую не только азово-черноморское побережье, но и являющуюся ойкуменой итальянской торго-

предпринимательской зоны. Вполне возможно, что именно эти обстоятельства и вызвали к жизни такое явление, как оказание военных услуг за плату, что и использовал Мамай.

С другой стороны, рассматривая данные обстоятельства, подчеркнем и то, что распространение феномена "казачества" на интересующей нас территории заставляет подчеркнуть необходимость дальнейшего накопления новых материалов, и их соотношения с другими источниками, которые чуть позже будут именоваться аналогичным термином представителей субэтноса русского народа [10, с.7 сл.]. Насколько они связаны между собой, сказать трудно, но попытаться это сделать, наверное, стоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песков Д.Ю. *Евроазиатская трансконтинентальная торговля в середине - второй половине XIII века.* - В сб.: *Вопросы истории славян, вып. 2.* Воронеж, 1996.
2. Крамаровский М.Г. *Кавказские находки стекла (К характеристике торгового пути: Венеция-Лигурия-Крым-Северный Кавказ.* - XV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. ТД, Махачкала, 1988.
3. Крамаровский М.Г. *Лигурия-Крым-Северный Кавказ—Эрмитажные чтения памяти В.Г.Лукоцина.* ТД, СПб., 1996.
4. Крамаровский М.Г. *Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья.* - В сб.: *Художественные памятники и проблемы культуры Востока.* Л., 1985.
5. Крамаровский М.Г. *Европейские рыцарские пояса и их подражания, найденные на Северном Кавказе, в Крыму и Великом княжестве Литовском в XIII-XV вв.* - XX юбилейные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. ТД, Ставрополь, 1998.
6. Крамаровский М.Г. *Крымская Ривьера и Северный Кавказ в XIII-XV вв.* - *Научная конф.посв. проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети).* Аннотации докладов. Тбилиси, 1984.
7. *Очерки истории Кубани, с древнейших времен по 1920 г.* Краснодар, 1996.
8. Бродель Ф. *Динамика капитализма.* Смоленск, 1993.
9. Карпов С.П. *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.* Проблемы торговли. М., 1990.
10. Болтенков И.Ю., Нарожный Е.И. *Еще раз о смысловом содержании термина "казак".* - *Археология и краеведение Кубани ТД, Армавир.* 1995.
11. *История древней русской литературы.* М., 1962.
12. Егоров В.Л. *Золотая Орда перед Куликовской битвой.* - В сб.: *Куликовская битва.* М., 1980.

**К ИЗУЧЕНИЮ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА****(опыт дружелюбной критики)**

В связи с выходом в свет книги С.В.Гусева [1] Ю.А.Прокопенко писал: "В нумизматике Северного Кавказа произошло событие, которого долго ждали не только специалисты-нумизматы, но и многие исследователи, занимающиеся самыми различными вопросами истории и культуры населения Северного Кавказа" [2, с. 103]. Теперь эту оценку справедливо применить к успешно защищенной в Ставропольском университете 8.12.1998 г. кандидатской диссертации самого Ю. А. Прокопенко [3].

Автор ее несколько лет интенсивно занимается нумизматикой Северного Кавказа, заметно вырос на этом поприще, не потеряв притом строгой взыскательности, с завидным постоянством пеняя коллегам за разномасштабные упущения и неточности. Последнее, однако, в полной мере присуще и автореферату диссертации, который не лишен многого, что побуждает возразить его автору и помочь читателям уяснить ряд его промахов или выводов сомнительного свойства.

Очевидным минусом актуального труда является отсутствие четкого определения и соблюдения территориально-географических рамок выполненной работы и постоянное "блуждание" автора в границах Северного Кавказа. Ведь как ни смотри, но "Предкавказье" - это область равнин ("плоскость", как говорили и писали знатоки Кавказа 19 столетия), окон-туривающих с севера предгорья и горы кавказского перешейка, а "Центральное и Восточное" никак не может включать в себя районы к западу от меридионального течения Кубани. Они составляют Северо-Западный Кавказ, имеющий, естественно, и собственное - Западное - Предкавказье [Ср.: 4]. Этот основополагающий принцип не соблюдается Ю.А.Прокопенко. Есть возражения и по определению хронологических рамок исследования. "Выбор нижней даты..., - пишет автор, - объясняется проникновением в IV в. до н.э. греческого этнического элемента в Прикубанье и на Ставропольскую возвышенность..." [3, с.4 сл.]. В том, что касается Прикубанья, подобная формулировка неверна, ибо "Фанагория - античная колония на берегу Таманского залива, в древности - столица Азиатского Боспора... основана выходцами из Теоса не позднее середины VI в. до н.э.", а появление других греческих городов на Таманском полуострове - органической части Прикубанья - "относится к VI-V вв. до н.э. [5, с.66,489].

Очень содержателен, критически концентрирован раздел "Состояние научной разработки проблемы". Это первый историографический очерк подобной полноты. Тем досаднее, что постоянно совершая смелые "прорывы" на Кубань и представляя литературу, касающуюся нумизматических изысканий на Северо-Западном Кавказе, Ю.А.Прокопенко даже не

обозначил пусть скромных, несовершенных, но достаточно информативных публикаций по античной и раннесредневековой нумизматической проблематике Северного Кавказа армавирской научно-педагогической школы исторического регионоведения [См.,напр.: 6; 7]. Нет в обзоре и намек на то, что "замечательные и ценные", "полные по охвату обобщающие труды В.Б.Виноградова" (частью написанные с его учениками) имеют свое продолжение в виде частных публикаций и сводок, прямо входящих в круг интересов автора диссертации [См., напр.: 8; 9; 10 и др.].

Вряд ли корректно, апеллируя к собственным учебно-методическим вузовским разработкам по нумизматике Северного Кавказа [с. 16,25], умалчивать результаты усилий предшественников [см. 11]. И совсем уж некрасиво дважды кряду именовать известного ученого, проф. Леонида Петровича Семенова "Л.И.Семенов" [с. 10], а в "обойме" исследователей раннесредневековой нумизматики на Северном Кавказе,- составленной по далеко не бесспорным критериям,- [с. 13] не назвать выдающегося современного нумизмата-ориенталиста Г.А. Федорова-Давыдова [Ср.: 12, с. 274 сл.].

В 1926 г проф. Е.А.Пахомов не "предпринимает" [с. 10], а лишь начинает издание серии выпусков своего выдающегося труда. В информационно-отчетной публикации Л.Семенова [1948] нелепо ожидать "глубоких выдающихся выводов" по поводу нумизматических находок [с. 11].

Странное впечатление оставляет отсутствие в обзоре иностранной специальной литературы, которая почему-то лишь голословно упоминается в составе источниковой базы исследования: "В последнюю - восьмую группу входят статьи и монографии на немецком, английском и французском языках" [с. 16].

Далее ограничусь лишь несколькими репликами.

В статистическом обзоре сасанидских и арабо-сасанидских монет по конкретным территориям Центрального Предкавказья рядом с Придарьяльем, районом Кавминвод, долиной Чегема приведен Дагестан, но отсутствует Ингушетия [с. 17]. Неверно, что монеты чеканов 5 в. в Притеречье представлены только двумя экземплярами [с. 17]. Крайне умозрительен вывод автора, что "в отличие от района Кавминвод население междуречья Кубани и Лабы, не находилось в даннических отношениях с Хазарским каганатом" [с. 18]. Неполна статистика находок куфических монет [с. 19]. Удивляет, если не коробит, отсутствие хоть какого-либо упоминания в контексте событий второй пол 10-11 вв. на Северном Кавказе русского Тмутараканского княжества [с. 26], как бы подмененного упоминанием "проникновения отрядов руссов". Не говоря уже о том, что назвать средневековых русичей "руссами" все равно, что писать вместо расы - «рассы»!

Оставляя вне рамок этого сообщения все прочее, коснусь вопроса деликатного, но принципиального, как полагаю, для многих начинающих специалистов.

Научным руководителем диссертации Юрия Анатольевича Прокопенко является д.и.н. В.А.Кузнецов - признанный корифей алановедения. В силу ряда причин, уже много лет у него со мной сложились неприязненные отношения, что принимает порой весьма нежелательные способы и формы научного общения и полемики. Очень жаль, что его способный ученик, в существенной мере опиравшийся на труды мои собственные и представитель моей научно-педагогической школы, печатавшийся в наших изданиях [с. 25, №7], не счел для себя возможным познакомиться армавирских коллег ни с содержанием диссертации, ни с авторефератом, ни даже пригласить просто поучаствовать в защите. Не сомневаюсь, что она и в этом случае прошла бы вполне успешно.

Не впадая в морализаторство, рискну дать научной молодежи жизненный совет: не принимайте на себя ответственность за личные взгляды и пристрастия ваших наставников; стройте свою научную судьбу без предвзятости, открыто; не заноситесь в своей требовательности к другим, взыскивая больше всего с самих себя! Это в значительной мере поможет свести к минимуму ваши собственные просчеты, недоделки и предубеждения, выгодно оттеит объективность и зрелость вашего научного статуса. А еще более того, сослужит добрую службу читателям ваших работ, среди которых найдутся и их благодарные продолжатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев СВ. *Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают*. М, 1995.
2. Прокопенко Ю.А. Рец. На №1 в сб.: *Вопросы Северокавказской истории, вып. 2*. Армавир, 1997.
3. Прокопенко Ю.А. *История северокавказских торговых путей по нумизматическим материалам 4 в. до н.э. -11 в. н.э. из памятников Центрального и Восточного Предкавказья. Дисс. канд. ист. наук.* Ставрополь, 1998.
4. Авраменко А. М., Виноградов В.Б., Какуши О.Н. *Историческая география Краснодарского края и Адыгеи. Досоветский период. Армавир -Краснодар*, 1997.
5. *Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года.* Краснодар, 1997.
6. В.Б.Виноградов. *Био - библиографические сведения (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии, вып. 18).* Армавир. 1998.
7. Кистярева И.В. *К состоянию нумизматической изученности Средней Кубани.- Вторые чтения по археологии Средней Кубани. ТД.* Армавир, 1994.

8. Виноградов В.Б. *Новые находки и сведения о средневековых монетах на территории Чечено-Ингушетии.- Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии.* Грозный, 1985.
9. Виноградов В.Б. *Нумизматические находки 1989-1990 гг.- Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 гг. Аннотация сообщений.* Грозный, 1991.
10. Виноградов В.Б. *Две боспорские монеты из предгорий Чечено-Ингушетии.- Третья зональная олимпиада по археологии и краеведению. ТД.* Грозный. 1991.
11. *Монетные находки Северного Кавказа (до XIX в.) как историко-культурный источник. Программа спецкурса (Сост. В.Б.Виноградов, ХЗ.Бакаев).* Грозный, 1989.
12. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., Федоров-Давыдов Г.А. *Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия).- РА.* 1992, №2.

ДРОМОСЫ И КРОМЛЕХИ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

В археологической литературе, посвященной изучению дольменов Западного Кавказа, существует, по крайней мере, два основных взгляда на проблему происхождения западно-кавказских памятников. Один из них рассматривает феномен строительства дольменов на Кавказе как локальный вариант общемировой мегалитической культуры, связанный, прежде всего с местным абхазо-адыгским конгломератом, не отрицая, однако, возможных связей с носителями мегалитической культуры Западной Европы [1]. Другой [2] не подвергает сомнению тот факт, что возможная родина западно-кавказских мегалитов - Европа, и соотносит типологию западно-кавказских мегалитов с типологией, принятой для европейских мегалитических памятников, фактически считая носителей культуры мегалитов Кавказа этнически родственными носителям мегалитической культуры Западной Европы. Так или иначе, но для этих двух направлений основополагающим является рассмотрение не столько погребального инвентаря, сколько архитектуры самих дольменов.

Если рассмотреть хронологию возникновения и эволюцию указанных направлений, можно отметить несколько деталей:

1. Стройность первой гипотезы была нарушена раскопками Псынако-1 - заключенного в толос подкурганного порталного дольмена с дромосом. В.И.Марковин вынужден был признать, что Псынако-1 "мог появиться только в результате неясных, но уже улавливаемых миграционных движений" [3].

2. Взгляды А.Д.Резепкина возникли в результате изучения новосвободненских памятников, которые по ряду архитектурных и других особенностей несколько отличаются от "стандартных" западно-кавказских дольменов [2].

Настоящая работа призвана две архитектурные особенности, присущие мегалитическим постройкам Западного Кавказа, а именно - дромос и кромлех. Следует учесть, что В.И. Марковину был известен только один дромос,- Псынако-1,- а единичные для изученности того времени кромлехи, заключающие в себе дольмен, объяснялись влиянием майкопской культуры, и особого внимания им не уделялось.

На 1999 год известны следующие памятники с интересующими нас конструкциями:

1.Плиточный дольмен (№166 списка В.И.Марковина), кромлех Д. ок. 14 м; р.Кизинка [1, с. 222];

2.Составной дольмен (№1 списка В.И.Марковина), кромлех Д. более 12 м; пос. Гузерипль [1,с.222];

3.Плиточный порталный подкурганый дольмен с кромлехом и дромосом; Хаджохский мегалитический комплекс у пос. Каменноостский [4, с 315 сл];

4.Плиточный дольмен с несколькими кромлехами; с.Отхара (Абхазия) [4, с. 337].

5. Плиточный порталный подкурганый дольмен с дромосом и голосом (Псынако-1); с. Анастасиевка Туапсинского р-на (Рис. 9) [5];

6.Плиточный порталный подкурганый дольмен с дромосом; с. Анастасиевка Туапсинского р-на [6];

7.Мегалитический комплекс Озерейка. Состоит из 3 полуразрушенных плиточных дольменов, заключенных в соединяющиеся кромлехи (Рис. 6) [7];

8.Плиточный дольмен с двойным подпрямоугольным кромлехом; с. Медовевка, ур. Ровнота, г. Сочи (Рис. 5) [3, с.378 сл.];

9.Плиточный дольмен с дромосом; ур. Халяпо, р. Аше, Лазаревский р-н г.Сочи [6];

10. Составной подкурганый ложнопортальный дольмен с дромосом (?) и кромлехом; ур. Волчьи ворота, руч. Неожиданный, Лазаревский р-н г.Сочи (Рис. 3) [6];

11. Плиточный ложнопортальный дольмен с двориком и кромлехом; ур. Волчьи ворота, руч. Неожиданный, Лазаревский р-н г.Сочи (Рис. 2) [8];

12. Плиточный дольмен с дромосом; ур. Джеожтам, р.Аше, Лазаревский р-н г.Сочи (Рис. 1) [6];

13.Корытообразный дольмен с дромосом; ур. Бжеф, р.Аше, Лазаревский р-н г.Сочи [6];

14.Составной дольмен с кромлехом и дромосом; ур. Жемси, р.Пзесуапсе, Лазаревский р-н г.Сочи (Рис. 4) [6];

15. Новосвободненские дольменные подкурганые постройки, заключенные в "кольцеобразные валы из гольшей" [1, с. 223].

Исходя из специфики конструктивных особенностей некоторых из перечисленных памятников, и их распространенности во всех основных центрах мегалитической культуры Западного Кавказа, сложно не признать дромос и кромлех архитектурной особенностью, свойственной носителям культуры мегалитов Западного Кавказа. Исключение составляет лишь пам. № 12. Повидимому, здесь мы имеем дромос, построенный позже строительства самого дольмена: плиты дромоса с сохранившимися перекрытиями в фасадной части памятника находятся в ненарушенном состоянии; дромос примыкает к отверстию дольмена, в котором отсутствует втулка, т.е. дромос мог быть сооружен лишь в более позднее время.

Хорошо известно, что для мегалитических памятников Западной Европы, Индии и некоторых других регионов мира характерно заключение дольменов и дольменообразных построек в круговой или подпрямоугольный кромлех, а также наличие коридора - дромоса и толоса. Причем эти конструкции характерны как для различных типов галерейных и коридорных гробниц, так и для дольменов[9]. Видимо, дольмены Западного Кавказа не составляли исключения, что говорит об их генетическом родстве с памятниками других территорий.

Традиция сооружать плиточные надземные погребальные памятники и окружать их кромлехом сохранялась, по крайней мере, до 7 в. до н.э. на Боспоре (Рис. 7) [10, с. 314 сл.], до последних вв. до н.э. у кочевников Причерноморья (Рис. 8). Она дожила до позднего средневековья в виде сооружавшегося у погребального сооружения некоего подобия дромоса или дворика [10, с.315; 6], тогда как культура строительства мегалитов на Западном Кавказе угасла ко второй пол. второго тыс. до н.э.

Очевидно, что дромос персонифицирует собой акт некоего ритуально-го "пролаза". В зарубежной и отечественной этнографической литературе имеются фрагментарные сведения о подобных обрядах. В одном из населенных пунктов Корнуолла (Ю. Англия) местное население считает, что, пролезая через узкое отверстие мегалитического памятника можно излечиться от болезни [11, с. 10 сл.]. Подобные архаические верования зафиксированы у народов Дагестана и Адыгеи [12, с.87 сл.; 13, с.91]. Здесь подобные "пролазы" осуществлялись не только для излечения от болезни, но и в процессе вызывания дождя. В большинстве случаев использовался узкий лаз, вырытый под корнями дерева. При этом, чем труднее было заболевшему пролезать, тем больше было надежд на выздоровление. После окончания ритуала сам лаз немедленно засыпался, что заставляет вспомнить о закрытом дромосе у дольмена в Псынако-1 [5, с. 165].

Функциональность кромлеха объясняется по-разному. В.И.Марковин [1, с.223] и другие авторы считают кромлех символом солнца. У племени тода (Ю.Индия) существует даже магическая формула: "свяжи Солнце каменной цепью" [14, с.225] Дж. Вуд [15], Дж.Хокинс и Дж.Уайт [16] при детальном рассмотрении европейских кромлехов признали за ними роль древних астрономических обсерваторий, своеобразных "фиксаторов времени". В обрядности тибетского ламаизма кромлех - кийлхор,- олицетворяет собой мандалу [17].

В заключение следует сказать несколько слов об изученности западно-кавказских дольменов. С середины 80-х гг. планомерным и детальным их изучением, включая археологические раскопки, не занимается никто. Многие из выдвинутых гипотез о генезисе, типологии, этнической принадлежности носителей, об этапах развития мегалитической культуры Западного Кавказа требуют корректировки в связи с вновь открытыми памятниками. Возможность сопоставления европейской, западно-кавказской, индийской и других мегалитических традиций позволит в будущем осуществить международные проекты по изучению, музеефикации и популяризации наследия мегалитической культуры Западного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марковым В.И. Дольмены Западного Кавказа. М, 1978.
2. Резепкин А.Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа.- ВИА Майкоп, 1988.
3. Морковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

4. Памятники истории и культуры Республики Адыгея. Майкоп, 1998.
5. Тешев М.К Мегалитический архитектурный комплекс Псынако-1 в Туапсинском районе. ВИА. Майкоп, 1988.
6. Материалы разведок В. М.Кондрякова, Ю.Егорова, М.И.Кудина, Н.В.Кондрякова. Архив автора.
7. Разведки В.А.Дмитриева. Архив Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.
8. Кондряков Н.В. Новые данные о дольменах Северного Причерноморья.- В сб.: Археология, архитектура и этнические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург. 1997.
9. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
10. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья М., 1984.
11. О Нейл Р. Таинственный мир. И.Новгород, 1995.
12. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.
13. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик 1992.
14. Шапошникова Л.В. Тайна племени голубых гор. М, 1969.
15. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
16. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М, 1973.
17. Давид-Нозль А. Мистики и маги Тибета. М., 1991.

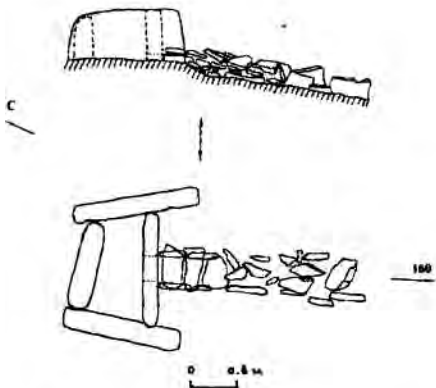

рис.1 Плиточный дольмен с дромосом урочища Джеожтам

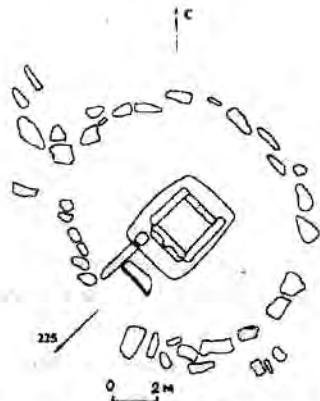

рис.2 Плиточный ложнопортальный дольмен с кромлехом и двориком урочища Волчья ворота

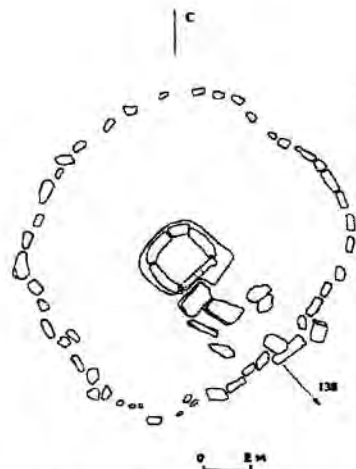

рис.3 Составной ложнопортальный дольмен с кромлехом и дромосом (?) урочища Волчья ворота

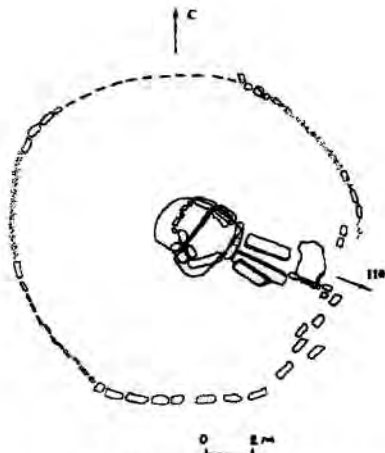

рис.4 Составной дольмен с кромлехом и дромосом урочища Жемси

рис.5 Плиточный дольмен с остатками кромлеза р-на пос. Медовеска (г. Сочи)

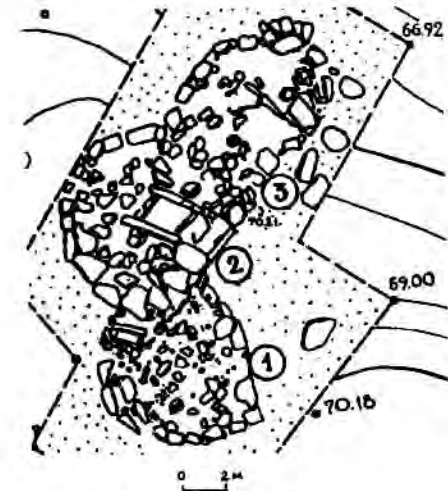

рис.6 Мегалитический комплекс района пос. Озерейка (г. Новороссийск)

рис.7 Дольменообразное сооружение с кромлехом (Боспор, VII-VI век до н.э.)

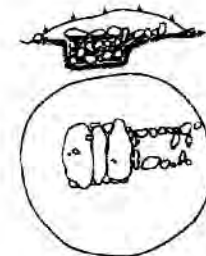

рис.8 Дольменообразное подкурганное сооружение с выделенным двориком (Боспор, I век до н.э.)

К ВОПРОСУ О ЛОЖНОПОРТАЛЬНЫХ ДОЛЬМЕНАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Исследования, проводимые в Лазаревском р-не г.Сочи автором и В.М. и Н.В. Кондряковыми, выявили ряд памятников дольменной культуры, позволяющих по-новому подойти к вопросам типологии дольменов, в частности, к такой детали, как ложный портал. Помимо целого ряда не описанных ранее корытообразных дольменов, были обнаружены плиточные и составные постройки с ложным порталом. Оказалось, что ложные порталы, присущие, как ранее считалось только корытообразным сооружениям, присуще всем основным типам дольменов. Учитывая уникальность выявленных памятников, приведем их подробное описание.

Группа "Волчьи ворота" в верховьях р. Неожиданной (Мехопс) в 3 км к С от пос.Хатлапе. В группе из 9 построек есть два корытообразных и два плиточных дольмена с ложными порталами. Дольмен М2 (Рис 1, 1) из желто-серого песчаника, очевидно, был не достроен, т.к. паз в задней стене недоделан, и отсутствует перекрытие камеры. Фасад ориентирован на Ю (аз. 175°), дольмен окружен курганообразной оплывшей насыпью высотой до 0.6 м, частично закрывающей боковые плиты. Д. насыпи до 11.5 м, перед ложным порталом в ней имеется разрыв. Передняя плита с закругленными верхними краями разм 1.7 x 1.87 x 0.27 м тщательно обработана с обеих сторон. На расстоянии 0.53 м от ее верхнего края находится выпуклая псевдовтулка Д. 0.45 и выс. 0.15 м. По бокам и снизу плита украшена выступами шириной 0.18-0.20 м глубиной 0.12 м., подобными выступам у корытообразных ложнопортальных сооружений [1, с.92, 96]. Боковые плиты трапецевидной формы понижаются к задней части камеры, снаружи обработаны очень грубо. Внутренняя сторона плит обработана тщательно. Длина западной боковой плиты 2.62, толщина 0.22-0.27 м, восточной - 2.7 и 0.26-0.32 м соответственно. В них имеются пазы для крепления передней и задней плит. Задняя плита трапецевидной формы разм. 1.63 x 1.68 x 1.38 м толщиной 0.37 м упала внутрь камеры. Незаконченный лаз Д. 0.33 м расположен в нижнем левом углу, у самого края плиты. Фиксируемая технология выбивания отверстия (Рис. 2, а) не подтверждает предположение В.И Морковина о просверливании или пробивании сначала центра отверстия, а затем доведении его до заданного размера [2, с. 199].

Дольмен №8 из желтого песчаника стоит на мощной пяточной плите толщиной до 0.7 м (Рис.1, 3-5) [3, с. 86]. Ориентирован ложным порталом на ЮЗ (аз. 225°) и окружен курганообразной каменной насыпью, частично скрывающей боковые и заднюю стены. Насыпь подпирает овальный кромлех размером 7.8 x 9.65 м из крупных, стоящих отдельно камней. Перед ложным порталом в насыпи и кромлехе имеется разрыв, по бокам подпираемый образующими притвор вертикальными плитами. Правая плита притвора упала. Плита ложного портала 1.28-х 1.52 x 0.2 м тщательно обработана, фланкируется выступающими вперед на 0.03 м порталными выступами, расширяющимися книзу. Псевдовтулка в виде круглой ступенчатой выпуклости Д. 0.36 и высотой 0.17 м на расстоянии 0.57 м от верхнего края плиты. Боковые плиты толщиной до 0.3 м. длина правой - 2.4 м,

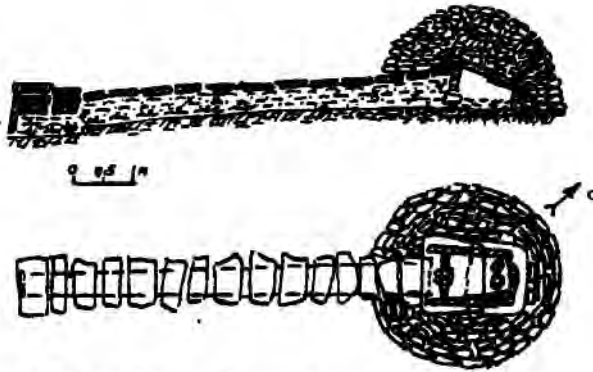

рис.9 Мегалитический комплекс Псыняко - I (пос. Анастасиевка, Туапсинский район, зарисовка М.К. Тешева)

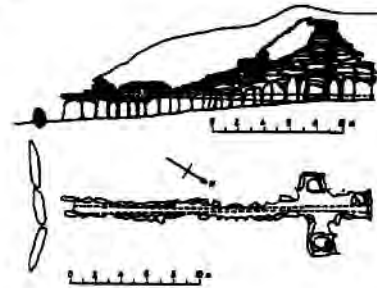

рис.10 Мегалитический комплекс Нью - Грейдж (Ирландия)

рис.11 План мегалитической "гробницы со входом" о. Салли (Ирландия)

левая плита в задней части не сохранилась. Снаружи боковые плиты обработаны грубо. Толщина задней плиты 0.36 м. Плиты соединены между собой с помощью своеобразных пазов (Рис. 1, 4), которые сделаны в обеих стыкуемых стенах. Округлый лаз Д. 0.32-0.33 м расположен на расстоянии 0.41 м от верхнего края задней плиты напротив фиктивной втулки. Сохранилась втулка длиной 0.8 и Д. 0.32 м, головка которой, очевидно грибовидной формы, разбита (Рис. 1, б). Камера перекрыта массивной плитой размерами 3.2 x 3.7x0.4 м с неровными краями. В передней части на перекрытии сделано 6 небольших прямоугольных углублений 0.03 x 0.08 м, глубиной 0.02 м. Камера трапецевидной формы, длина боковых стен 1.65, ширина передней - 1.7, задней - 1.55 метра. Таким образом, пропорционально они соотносятся как 10:9:8, что по классификации В.И. Марковина соответствует 2-му виду 4-го варианта плиточных дольменов [2, с. 106].

Дольмен № - составной подковообразный, фасадная плита, хотя и имеет лаз, но по бокам фланкируется выступами шириной до 0.29 м, выступающими на 0.1 м и, видимо, имитирующими выступы боковых плит. Этот дольмен почти до перекрытия скрыт под мощным курганом Д. до 15 м. Курганную насыпь подпирает кромлех из крупных плит и камней (Рис. 2, 1,2).

Дольмен в ур. "Капибге" на правом берегу р.Аше в 2.5 км западнее аула Хаджи-ко два ложнопортальных дольмена - корытообразный и составной. Последний более чем на 1/2 высоты скрыт землей, и осмотреть его целиком без раскопок невозможно. На порталльной плите сделаны боковые выступы, имитирующие выступы боковых плит шириной до 0.15, выдающиеся на 0.04 м.

Дольмен в группе "Кирово 2" на правом берегу р.Пезуапсе в 3 км к В от а.Тхагани (Рис. 2, 4-5). Составной, ложнопортальный, стоит на невысокой искусственной насыпи Д. до 13 м. Ложный портал ориентирован на С (аз. 333°). Лаз, находящийся в боковой стене, составленной из отдельных блоков, выходит на В (аз. 67°). Сохранилась массивная грибовидная втулка длиной 0.67 и Д. 0.35 м. Плита ложного портала с боковыми выступами шириной до 0.25 м, выдающимися на 0.09 м. Возмозное нижней части, где плита сколота, на ней была ложная втулка. Сложенные из отдельных блоков в 2 яруса стены дольмена нависают над полом, и образовывали закругленную в задней части камеру размером 1.94 x 1.4 м. Мощные блоки стен толщиной до 0.5 м снаружи обработаны грубо, с передней плитой они соединялись при помощи пазов. Сейчас дольмен сильно разрушен, плита перекрытия толщиной до 0.5 м расколота на несколько частей..

К этому немногочисленному пока списку можно добавить обнаруженный недавно плиточный ложнопортальный дольмен на р.Жане в окрестностях г.Геленджика (сообщение А.В.Дмитриева), что расширяет ареал распространения ложнопортальных построек, ранее ограничиваемый рр.Туапсе и Шахе [1, с.96].

К остаткам плиточного или составного ложнопортального дольмена можно отнести и описанный В.И.Марковиным фрагмент плиты песчаника с округлой ложной втулкой из местности "Дуб" близ п.Анастасиевка [4, с.311]. Не зная о существовании плиточных и составных ложнопортальных дольменов, автор отнес его к остаткам корытообразного дольмена. Однако, косой срез (фальц) по краю плиты и расстояние от ложной втулки до верхнего

края равное 0.1-0.15 м показывают, что это не так. У всех корытообразных ложнопортальных дольменов срез камеры прямой, а ложная втулка находится не выше середины порталльной плиты. Описываемый фрагмент, скорее всего, является нижней частью фасадной плиты плиточного или составного ложнопортального дольмена. Косой срез в этом случае служил для крепления плиты в пазу пяточного камня.

Сопоставление плиточных и составных ложнопортальных дольменов с корытообразными памятниками позволяет сделать следующие выводы:

Плиточные и составные ложнопортальные дольмены обладают чертами, характерными для корытообразных ложнопортальных сооружений. У них аналогичны форма, размер и характер расположения ложных втулок и порталльных выступов, расположение лаза. Вместе с тем, существуют и отличия. Если корытообразные дольмены тщательно обработаны со всех сторон, то у плиточных и составных памятников боковые плиты снаружи обработаны очень грубо.

Боковые плиты ложнопортальных дольменов находятся на одном уровне, или несколько сзади фасадных, в отличие от обычных плиточных и составных, у которых они, как правило, выступают вперед, образуя порталльные выступы.

Описанные дольмены, очевидно, воздвигались в один период с ложнопортальными корытообразными, но появились они несколько позже, т.к. их боковые ложнопортальные выступы конструктивно совершенно бессмысленны, и носят чисто декоративный характер, подражая корытным ложнопортальным дольменам.

Отдельные черты, присущие ложнопортальным дольменам, можно проследить на некоторых памятниках, очевидно, являющихся их прототипами:

Плиточный дольмен в 0.5 км СВ п. Марьино на правом берегу р.Пезуапсе (Рис. 3, 1-2). Дольмен трапецевидный, с двумя отверстиями. Заткнутый втулкой лаз в задней стенке Д. 0.29-0.36 м. В фасадной стене пробито еще одно отверстие Д. 0.16-0.18 м. Задняя стенка полностью засыпана землей. Отверстие в фасадной стене играло, видимо, лишь символическую роль, которая позже перешла у ложнопортальных памятников в псевдовтулку. Подобный дольмен у сАзанта в Абхазии В.И.Марковин предположительно считал прототипом ложнопортальных [2, с. 176].

Подкурганые плиточные дольмены в верховьях р.Цусквadge с отверстиями в задних стенках, обращенных вверх по склону. Их глухие фасадные стены с порталльными выступами боковых плит, образующими притвор, имитируют вход. По своим конструктивным особенностям этим памятникам наиболее близки корытообразные ложнопортальные дольмены, фасад которых лишен выпуклости, имитирующей ложную втулку.

Подкурганый плиточный дольмен в 1.5 км к В от ур.Джималта на левом берегу р.Джималта (Рис.3,5-6). Такая конструкция ложного входа характерна для некоторых видов мегалитов Западной Европы [Ср. 5, с. 141].

Как и кавказские дольмены, эти памятники имеют притвор, дворик перед глухой стеной входа в погребальную камеру, в то время как настоящий вход находится в поле кургана. Конструктивно эти памятники совершенно не похожи на наши, но заложенные в них идеи, по-видимому, были идентичны.

Как правило, лазы дольменов направлены в солнечные, хорошо освещенные стороны. Некоторые из них имеют астрономически значимые направления, отмечающие восходы и заходы солнца в дни солнцестояний и равноденствий. Расположение отверстия в скрытой, теневой стороне, является более поздним, и, вероятно, связано с развитием представлений о смерти и загробном мире.

Этническая принадлежность строителей кавказских мегалитов нам не известна, но типологическое сходство представлений о смерти у большинства народов Евразии позволяет обратиться к известным этнографическим материалам. Теневая, лесистая сторона связана с загробным миром, поэтому лаз дольмена, служивший входом "на тот свет", стали располагать с соответствующей стороны, а иногда даже засыпали, т.е. "уводили" в подземный мир. Ложный вход, видимо, сооружали для того, чтобы лишить покойника возможности найти дорогу обратно [6, с.268], поскольку умершего не только почитали как предка-прародителя, но его же и боялись, как вредоносного духа [7, с.452]. Любопытно, что избушка бабы-яги, стоящая на границе между мирами живых и мертвых, также обращена входом к лесу, а не к поляне, и герою приходится произносить заклинания, чтобы проникнуть внутрь [8, с.95].

Возможно, на заключительном этапе развития ложнопортальных дольменов появляется необычный их тип с двумя ложными фасадами. Такой дольмен обследован в группе "Кирова 1" на правом берегу р.Псезуапсе в 2.5 км к В от а.Тхагапш (Рис. 3, 3,4). Его ложные порталы направлены традиционно в солнечные стороны на Ю (аз. 193°) и на З (аз. 287°), а лаз так же стандартно направлен на С, вверх по склону.

Связь дольменов с почитанием умирающего и воскресающего солнца несомненна, но если в ранний период вход дольмена был обращен к светилу, то в процессе развития погребальных обрядов, вход стали обращать к подземному миру, стараясь надежно оградить мир мертвых от мира живых. Это подтверждают такие почитаемые длительное время памятники, как подкурганый дольмен с дромосом "Псынако 1" в Туапсинском р-не и Уэст-Кентский длинный могильник в Англии. Дромосы обоих сооружений после продолжительного использования были плотно засыпаны грунтом, а входы в них надежно замурованы: шестью большими плитами, уложенными друг на друга - в Псынако 1 [9, с. 165], и тремя огромными камнями в погребении Уэст-Кентского могильника [10, с.372]. К этому времени, видимо, и относится появление дольменов с ложным входом.

1. Марковым В.И. Ложнопортальные дольмены Причерноморья.- В сб.: *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М. 1973.
2. Маркоин В. И. *Дольмены Западного Кавказа*. М., 1978.
3. Кондряков И.В. Новые данные о дольменах Северного Причерноморья- В сб.: *Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа Екатеринбург*. 1997.
4. Морковин В.И. *Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья*. М., 1997.
5. Брей У, Трамп Д. *Археологический словарь*. М., 1990.
6. Тайлор Э.Б. *Первобытная культура*. М, 1989.
7. Петрухин В.Я. *Загробный мир-Мифы народов мира. т.1.М.*. 1991.
8. Демиденко Е.Л. *Значение и функции общенародного образа камня.- Русский фольклор. т. XXIV. Л.* 1987.
9. Теишев М.К. *Мегалитический архитектурный комплекс Псынако 1 в Туапсинском районе.- ВИА. Майкоп*, 1988.
10. Непомнящий И. *По следам великанов*. М, 1998.

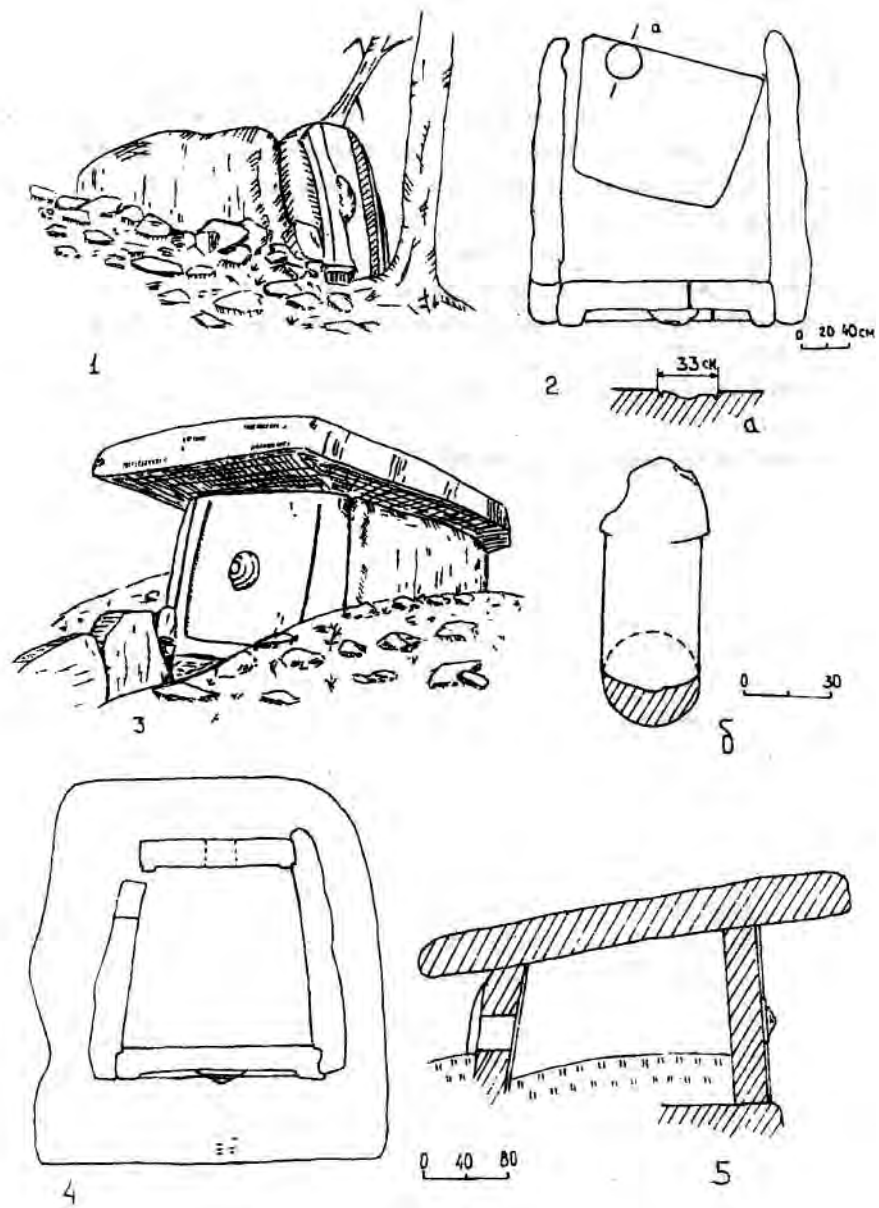

Рис. 1.

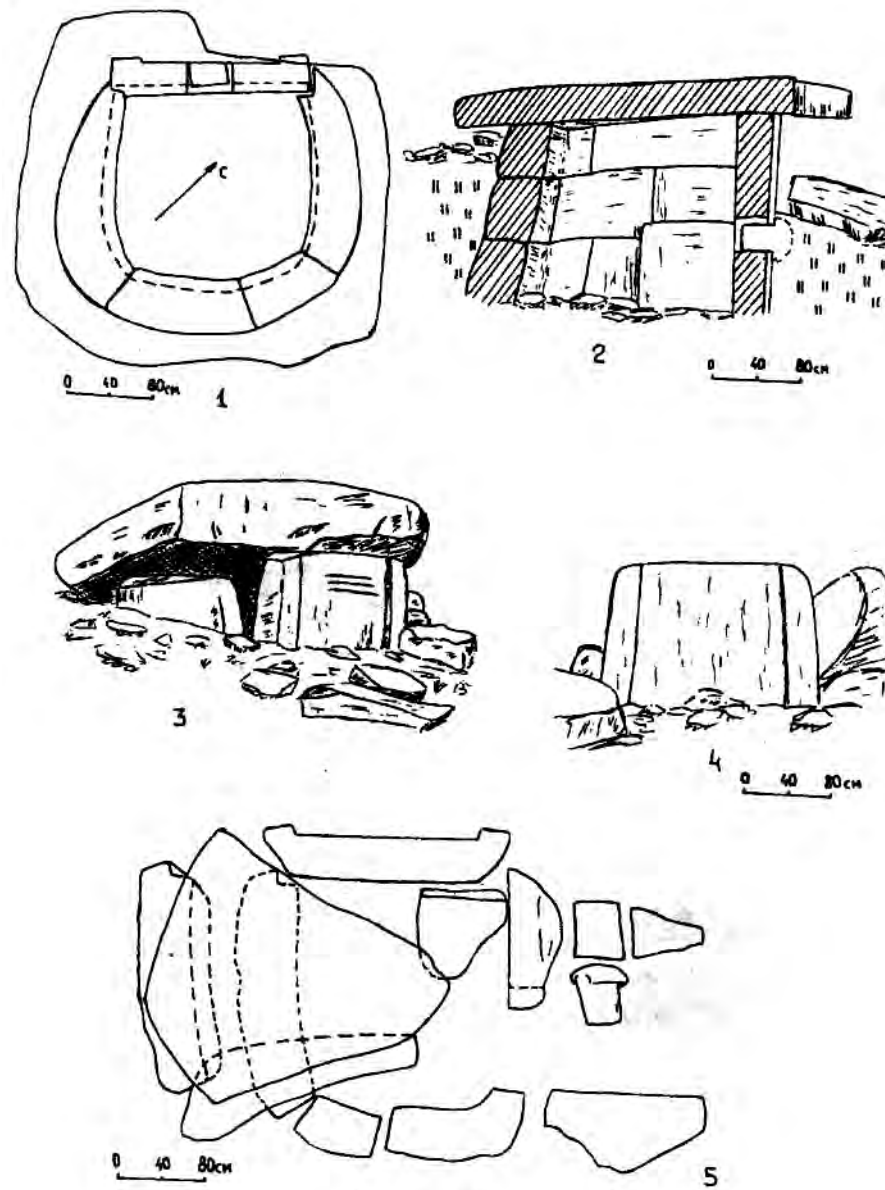

Рис. 2.

К ОЦЕНКЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ САРМАТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Анализ погребального обряда занимает значительное место в этнополитических, палеосоциологических и хронологических построениях археологов. При этом огромный объем накопленного материала вынуждает их обращаться к использованию статистических методов и ЭВМ. В сарматологии примерами таких исследований могут служить исследование социальной структуры савроматов [5], истории кубанских сираков [4], происхождения ранних алан [1]. К сожалению, математические выкладки в этих работах дали достаточно расплывчатые результаты, выводы, сделанные на их основе, весьма ограничены.

Во многом это связано с тем, что археолог, зная, что он хочет получить от статистической обработки, слабо представляет, как это сделать. Исследуемые комплексы подробно описываются по десяткам признаков, далее обрабатываются методами фактор- или кластер-анализа и каким-то образом группируются. Группировка обычно не поддается археологической и исторической интерпретации, т.к. в исходных матрицах фигурируют признаки самого различного характера, и на конечную селекцию материала воздействует слишком много различных факторов (родоплеменная принадлежность, пол, возраст, статус погребенного, вид смерти, датировка и т.д.). Ясно, что для получения результата, поддающегося рациональному объяснению, нужна первоначальная селекция признаков в соответствии с теми факторами, которые могли в древности влиять на различия в обряде. Нами предлагается процедура такой селекции, апробированная на материалах из савроматских и сарматских могильников 7 в. до н.э.-4 в. н.э.

Основой для работы нам представляется матрица - "эталон", в которую включаются материалы, уже содержащие искомую в дальнейшем информацию. Такая матрица, помимо формализованной информации о микродеталях обряда, должна содержать признаки - "подсказки" (датировка, пол, возраст, принадлежность к определенной археологической культуре и др.). Последние позволяют выявить небольшие группы признаков, связанные лишь с хронологической, социальной, или этнокультурной принадлежностью погребенных и др. Так для анализа обрядности савроматов и сармат в матрицу - "эталон" нами были включены данные о 223 ненарушенных погребениях Приуралья, Поволжья, Задонья и Украины, описанных по 33 признакам обряда и 5 "подсказкам" (дата, пол, возраст, антропологический тип, место захоронения; последние 2 для определения исходных пунктов миграций). Анализ матрицы проводился в 4 этапа с применением пакета прикладных программ (о математической стороне проблемы см.[2]).

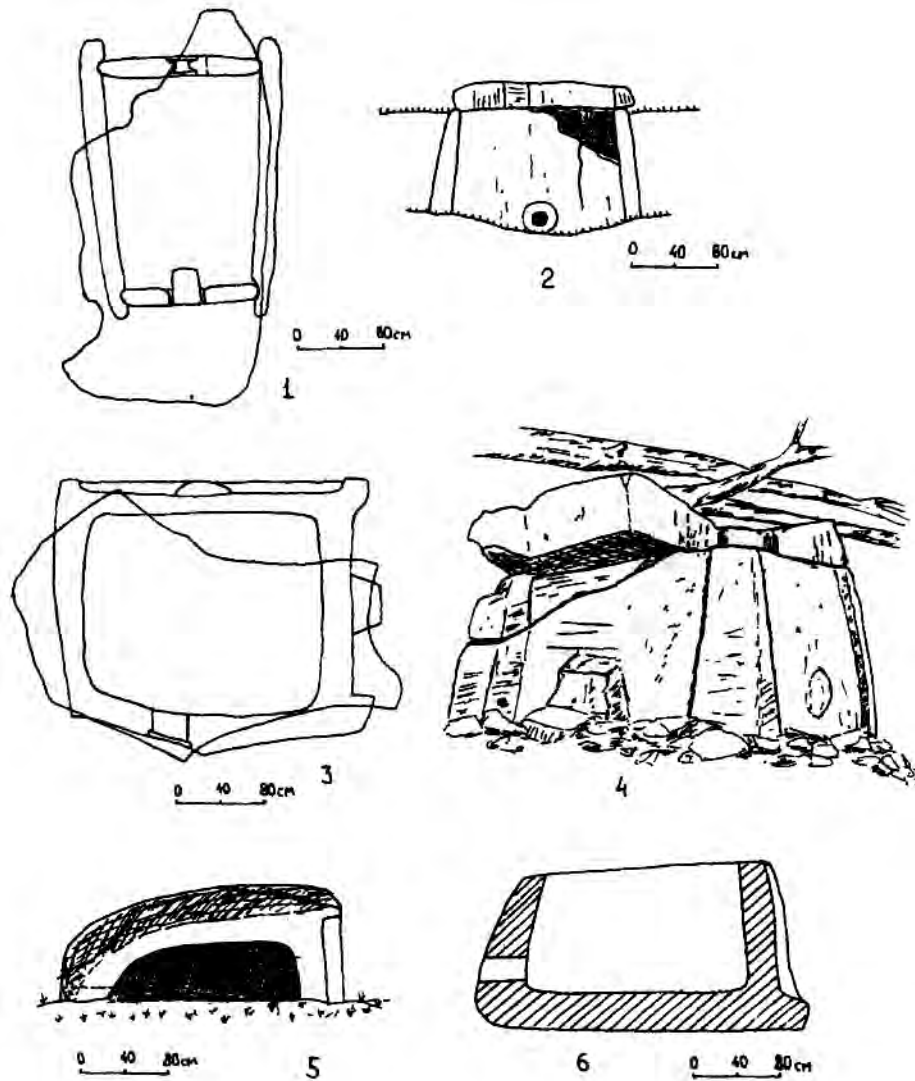

Рис. 3.

Первый этап - канонический анализ - позволяет установить, влияет ли признак - "подсказка" на изменения в обрядности (анализ проводится по комплексам). В случае положительного ответа, т.е. когда сравниваемые группы не идентичны (точки на итоговом двупольном графике легли хаотично, не ложась на диагональ), переходим к следующей процедуре.

Второй этап - корреляционный анализ признаков. Позволяет установить группы признаков обряда, связанных с той или иной "подсказкой" (например, какие признаки обряда изменяются в зависимости от хронологии или месторасположения погребений). Возможны два варианта: 1) признаки, максимально коррелирующие с "подсказкой" или 2) признаки слабо коррелирующие с "подсказкой". Полученный результат уточняется в ходе третьего этапа.

Третий этап - фактор-анализ. Более четко показывает группировку обрядовых признаков относительно "подсказок". Имеет смысл обращать внимание на первые три компонента, несущие максимум нагрузки информации. При этом находим компоненту, в которой интересующая нас "подсказка" имеет максимальную нагрузку, и выбираем среди описанных в этой компоненте признаки по варианту 1 (во втором этапе) с нагрузкой меньшей, чем у "подсказки", либо по варианту 2-с большей. Список признаков, выделенных в результате фактор-анализа, сравнивается с тем, который мы получили на втором этапе работы и из них для дальнейшей работы вычлняются признаки, представленные в обоих списках (естественно, для каждой "подсказки" мы получим отдельный список). Представляя теперь наборы характеристик обряда, взаимоувязанных с полом, возрастом, территориальной, антропологической, хронологической принадлежностью погребенных можно переходить к селекции погребений, причем не только "эталонных".

Четвертый этап селекция погребений методом кластер-анализа. В зависимости от поставленной задачи погребения матрицы - "эталона" сравниваются с теми, для которых "подсказки" отсутствуют (не определены датировка, пол, возраст, исходный пункт миграции и т.д.) по набору признаков, выделенному на втором и третьем этапах работы. При этом рекомендуется: при уточнении хронологии мужские и женские погребения исследовать отдельно; уточняя исходный пункт миграции (по признакам "регион", "антропологический тип" или "код ДНК") исследовать комплексы ограниченные рамками двух хронологических групп.

В качестве примера приводятся два фрагмента работы с матрицей - "эталон", в которых проверялась описанная выше процедура.

Фрагмент 1: отбор признаков, связанных с датировкой погребений. Исследуются мужские погребения Южного Урала 6 - 4 вв. до н.э. (11 погребений). Канонический анализ

по признаку 1 (датировка погребения) дает картину распределения далекого от нормального (Табл. 1), следовательно, в 6-4 вв. до н.э. погребальный обряд кочевников Южного Урала изменялся по времени. Корреляция признаков между собой и анализ их методом главных компонент позволили выделить обрядовые признаки, наиболее связанные с датировкой погребения: признак б (план погребального сооружения) и 20 (наличие бус в погребении) (Табл. 2 и 3). Кластер-анализ погребального обряда по признакам б и 20 позволил сгруппировать исследуемые погребения в следующем порядке (Табл. 4): три комплекса 4 в. до н.э. (Любимовка к.1 п.3,4 и 1), для которых характерны подбойные конструкции и отсутствие бус. Далее три комплекса 5 в. до н.э. (Новый Кумак 59 к.6,7 и 15) и один 6 в. до н.э. (Увак к.2 п.4), для которых характерны прямоугольные ямы и отсутствие бус. Наконец, три комплекса 4 в. до н.э. (Новый Кумак к. 12, Алебастрова Гора к.2 и Прохоровка к.3) и один 3 в. до н.э. (Увак к.2 п.7), совершенные в ямах различной формы (прямоугольная, квадратная, дромосная) с бусами в стороне от костяка. Таким образом, признаки, выделенные с помощью признака - "подсказки", действительно позволяют селектировать погребения по требуемому основанию.

Фрагмент 2: Анализ комплексов 6-4 вв. до н.э. по признаку 37 "регион". Канонический анализ вновь подтверждает зависимость (Табл. 5) погребального обряда от данного признака - "подсказки", т.е. в 6-4 вв. до н.э. у ранних кочевников Задонья - Приуралья обряд варьировался в зависимости от географического положения могильника. Корреляция признаков между собой и фактор-анализ матрицы - "эталона" позволяют говорить о связи с региональной спецификой признаков 12 (положение правой руки), 20 (наличие бус в погребении) и 26 (красящие вещества в погребении). Кластер-анализ объектов позволил разделить исследуемую выборку (12 погребений) на 2 кластера. В первый вошли все 3 погребения из Заволжья (Бережновка П, к.97 п. 2; Новоникольская к.3 п 3; Ровное к.4 п. 15) и одно из Приуралья (Алебастрова Гора к.2). Для них характерно вытянутое вдоль туловища положение правой руки, отсутствие бус и красящих веществ. Во второй кластер вошли только погребения из Приуралья (Прохоровка к.3; Новый Кумак к. 12; Новый Кумак к.6; Любимовка к. 1 п.3; Любимовка к.1 п.1; Любимовка к.1 п.4; Новый Кумак к.7; Любимовка к. 15). Для них характерно вытягивание правой руки вдоль туловища или помещение ее кистью под таз, и периодическое помещение бус в стороне от погребенного; красящие вещества также отсутствуют. Далее выборка была пополнена данными о погребениях Аксеновского могильника в Задонье. Кластер-анализ по тем же признакам позволил достаточно уверенно отделить Заволжские и Задонские погребения от Приуральских. Правда, 1 приуральское погребение (Алебастрова Гора к. 2) оказалось между Донским и Волжским погребениями. Деление материала на 2 группы не противоречит и результатам анализа обряда савроматов, полученным Б.Ф. Железчиковым на большей выборке [3, с. 127 сл]. Вместе с тем, полученный нами результат дос-

тигнув более простым путем за счет ограничения пространства признаков благодаря "подсказкам" в эталонной матрице.

Следует учесть, что набор признаков связанных с "подсказкой" для каждой конкретной выборки может быть различен.

Мы считаем, что предлагаемая методика анализа обряда с помощью матрицы - "эталона" с признаками - "подсказками" может значительно облегчить и уточнить процедуру сравнения комплексов между собой статистическими методами. Во-первых, она позволяет оперировать строго ограниченным количеством признаков, во-вторых, обещает строго определенный результат (изучая хронологию, мы уже не получим, например, половозрастное деление; а, исследуя истоки миграций, будем знать, что выделившиеся кластеры не связаны, скажем, с причиной смерти погребенных и т.д.); наконец, интерпретируя результаты расчетов, археолог уже будет понимать, с чем связано изменение (или стабильность) тех или иных наборов микродеталей обряда, в-третьих, позволит археологу уточнить результаты полученные другим путем.

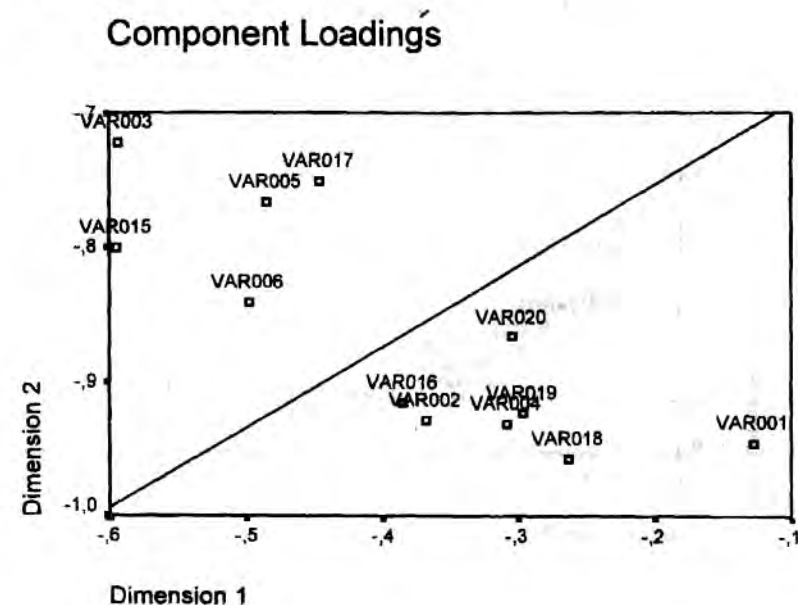
ЛИТЕРАТУРА

1. Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа /По материалам катакомбных погребений IV в. до н.э. - III в. н. э. - Канд. дис., -Л. (ЛГУ), 1990
2. Винидиктов А.П. Методика статистического исследования погребального обряда.- *Древности Кубани, вып. 13*. Краснодар. 1998
3. Железчиков Б. Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени.- В кн.: *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха (VI-IV вв. до н.э.). М., 1994.*
4. Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
5. *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха (VI-IV вв. до н.э.). М., 1994*

Приложение

Фрагмент 1.

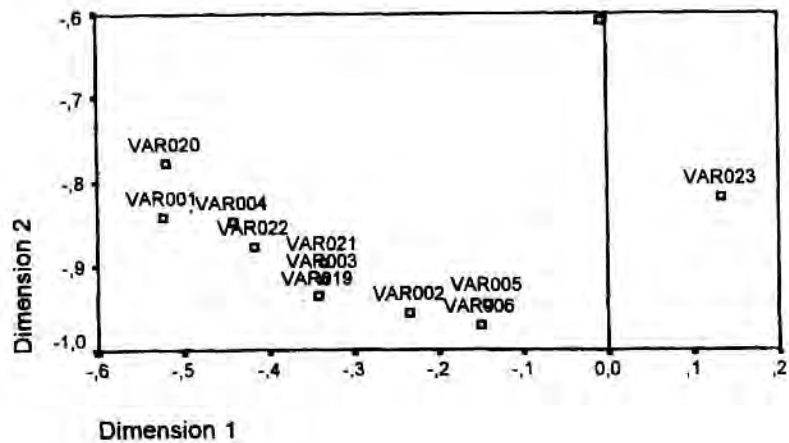
Результат канонического анализа:

Фрагмент 2.

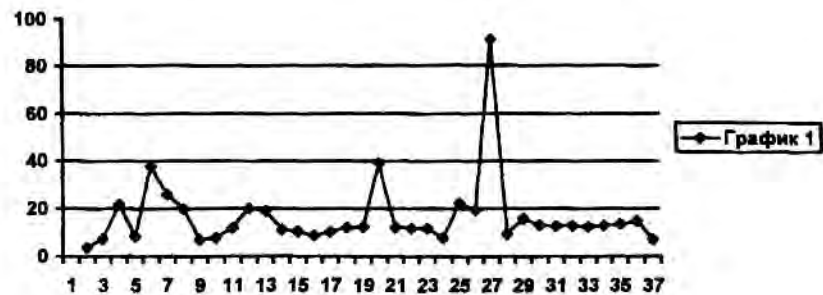
Результат канонического анализа.

Component Loadings

Фрагмент 1

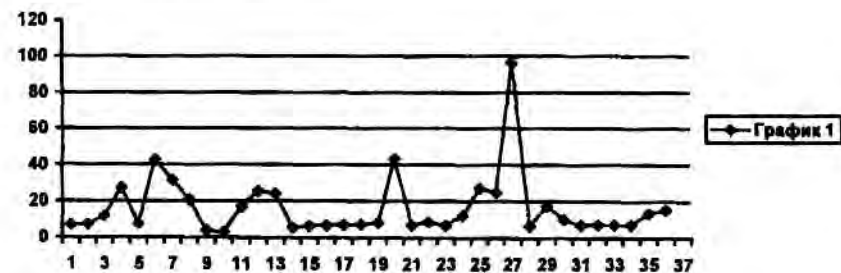
Результат корреляционного анализа:

Максимальные расстояния: 6, 20, 27

Фрагмент 2.

Результат корреляционного анализа:

Максимальные расстояния: 6, 20, 27, 4, 12, 13, 25, 26

Результат фактор – анализа:

Признаки/Компоненты	1	2	3
1	4,983E-02	,855	-5,088E-03
2	-,256	,284	-,528
3	,325	,221	-,111
4	,725	-,152	-,354
5	-,645	-,371	8,029E-02
6	,781	-,217	-5,315E-02
7	,733	-,108	-,313
8	,226	-,369	-,588
9	,142	,278	,239
11	,426	,145	,223
12	<u>,486</u>	,209	,190
13	,651	-,158	-,157
14	-9,201E-03	-,694	,219
15	,381	,444	-,153
16	-,133	,781	-,413
17	-3,863E-03	,553	-,384
18	,225	,530	6,242E-02
19	,179	-,411	-,257
20	<u>,245</u>	<u>,221</u>	,708
21	,160	,367	-,385
22	4,511E-02	,419	,340
23	-,403	,211	1,122E-02
24	-,490	-,232	-,322
25	,634	-,154	,210
26	<u>,497</u>	-,245	,141
27	,610	-,330	-,378
28	,416	,314	,506
29	,542	,327	,356
30	-2,672E-02	,342	-,135
31	-,603	,216	,342
33	,260	,402	7,910E-02
35	,470	-,200	,224
36	,618	-,256	-,357
37	-,590	-,315	,458

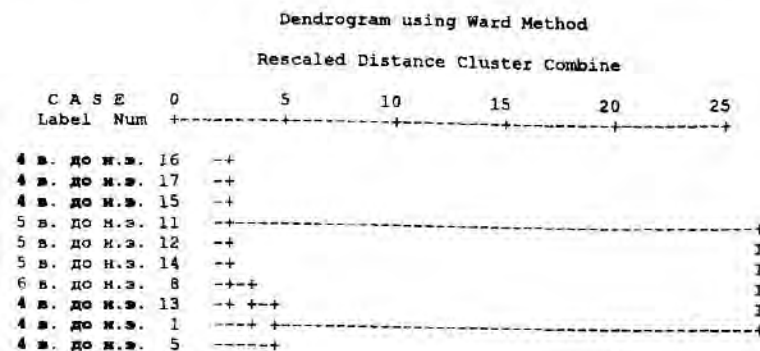
Фрагмент 1. по 2 компоненте: 6, 20

Фрагмент 2. по 1 компоненте: 12, 20, 26

Фрагмент 1.

Кластер – анализ мужских погребений по признаку "Датировка", погребений Южного уралья:

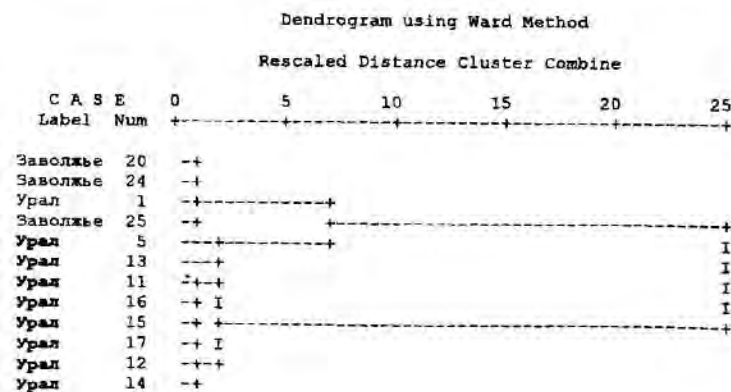
***** H I E R A R C H I C A L C L U S T E R A N A L Y S I S *****

Фрагмент 2.

Кластер – анализ мужских погребений по признаку "Регион" (5–4 вв. до н.э.):

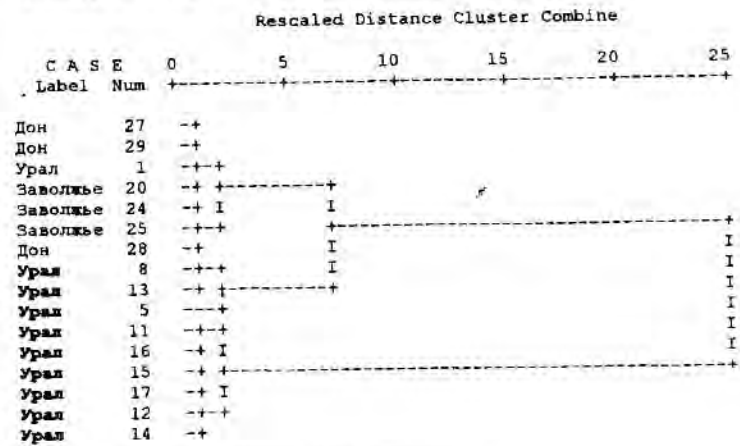
***** H I E R A R C H I C A L C L U S T E R A N A L Y S I S *****

С неизвестными комплексами:

***** HIERARCHICAL CLUSTER ANALYSIS *****

Dendrogram using Ward Method

Близость погребальных комплексов Дона с Завольскими.

- АКМ— Азовский краеведческий музей
 АМА— Античный мир и археология
 АО— Археологические открытия
 АСГЭ— Археологический сборник Гос. Эрмитажа
 АЦВМ— Античная цивилизация и варварский мир
 ВАЛ— Вопросы археологии Адыгеи
 ВДИ— Вестник древней истории
 ГХЗ— Гос. Херсонесский заповедник
 ГЭ— Гос. Эрмитаж
 ДК— Древности Кубани
 ЗООИД— Записки Одесского общества истории и древностей
 ИИМК— Институт истории материальной культуры
 ИИМК— Краткие сообщения института истории материальной культуры
 КрКМ— Крымский краеведческий музей (Симферополь)
 КСИА— Краткие сообщения Института археологии
 ЛОИА— Ленинградское отделение института археологии
 МАК— Материалы по археологии Кавказа
 МИА— Материалы и исследования по археологии СССР
 НАВ— Нижневолжский археологический вестник
 НЭ— Нумизматика и эпиграфика
 ОАМ— Одесский археологический музей
 ПАВ— Петербургский археологический вестник
 ПСРЛ— Полное собрание русских летописей
 РА— Российская археология
 СА— Советская археология
 САИ— Свод археологических источников
 СГЭ— Сообщения Гос. Эрмитажа
 СМАЭ— Сборник Музея антропологии и этнографии
 СЭ— Советская этнография
 ТД— Тезисы докладов
 Вd— Бундахишн
 ВСН— Bulletin de Correspondance Hellénique
 Gt— Гаты
 JRAS— Journal of the Royal Asiatic Society
 Vd.— Видевдат

СОДЕРЖАНИЕ

Максименко В.Е.	Локальные группы и особенности кочевнических комплексов скифо-сарматского времени на Нижнем Дону.....	3
Вольная Г.Н.	О некоторых типах антропоморфной бронзовой пластики кобанской культуры.....	6
Пьянков А.В., Смаглюк М.И.	Реконструкция бронзового котла из могильника Циплиевский Кут 1 (Западное Закубанье).....	10
Дударев С.Л.	О секирах редких форм "предскифского" времени из Предкавказья.....	13
Рябкова Т.В.	К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья.....	18
Яценко С.А.	Костюм Скифии в архаическое (7-6 вв. до н.э.) и "классическое" время: к вопросу об этнических изменениях.....	24
Абросимов Э.Н.	Гераклейский хойник.....	32
Зайцев Ю.П.	Хронология царства Скилура.....	39
Кронотов В.В.	Переселение сарматов в Крым на рубеже 1-2 вв. н.э.....	46
Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В.	О формировании "причерноморского графического стиля" на фаларах 2-1 вв. до н.э.....	51
Туаллагов А.А.	Сарматы в Средней Азии.....	65
Туаллагов А.А.	К вопросу о появлении ранних алан в Восточной Европе.....	67
ГутиовФ.Х.	Поход алан в Закавказье в 135 г.....	83
Каминский В.Н.	Сарматское погребение с малоазиатским и римским импортом из ст. Михайловская (Закубанье).....	86
Скрипкин А.С.	О китайских традициях в сарматской культуре.....	96
Медведев А.П.	К интерпретации некоторых орнаментальных сюжетов на сармато-аланских бронзовых зеркалах.....	100
Гуркин С.В.	. Степное Предкавказье в системе половецких степей.....	107
Нарожный Е.И.	Средневековые европейские цивилизации и их Приазово-Причерноморская ойкемена в 13-15 вв.....	113
Виноградов В.Б.	К изучению нумизматических материалов Северного Кавказа.....	116
Кондряков Н.В.	Дромосы и кромлехи дольменов Западного Кавказа.....	120
Кудин М.И.	К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья.....	127
Берлизов Н.Е. Виниднтков А.П.	К оценке информационных возможностей сарматского погребального обряда.....	135
Список сокращений.....		145